

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 4 (37) 2012

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, декан факультета высшего профессионального образования Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 11.07.12

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 10,8 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 503

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Ананьина М. А.</i> Последовательность обобщенного / конкретного в художественном тексте как метод его анализа	7
<i>Елистратова К. А.</i> Теоним «Бог» в поэзии Веры Полозковой	12
<i>Захарова Е. А.</i> Реализация семантико-derivационного потенциала лексем «кровь», «кровный» в поэзии Роберта Рождественского	19
<i>Матусевич К. А., Ехлакова Н. Ф.</i> Концепт «любовь» в песенном дискурсе Леоны Льюис	33

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Волкова Я. А.</i> Эмоции как мотивационная основа деструктивной коммуникации	36
<i>Колоколова Л. П.</i> Реализация функционально-когнитивной сферы «Время» в семантическом пространстве «Жизнь человека»	44
<i>Лату М. Н.</i> Номинативные особенности терминов, вербализующих орудия и инструменты	50
<i>Мехеда М. И.</i> Языковая экономия в английском субстандартном словообразовании (на материале редупликации)	56
<i>Муханалиева А. А.</i> Нормативное коммуникативное поведение	68
<i>Суровцева С. И.</i> Предлог в оформлении темпоральных отношений	73
<i>Шемякина А. В.</i> Заклинательные перформативные акты	76

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

<i>Косовцева А. В.</i> Дискурс британских парламентских дебатов, его системообразующие признаки	82
<i>Морозова Н. Г.</i> Социальные установки и язык политики: к вопросу об особенностях политического дискурса	89

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

<i>Kozeta Hyso</i> (Vlore, Albania) Vocabulary Notebooks	93
<i>Алекберова И. Э.</i> Английский язык в условиях глобализации	104
<i>Деткова В. А.</i> Репрезентация семейных трудностей в русской и английской паремиологии	111

Линькова Ю. И. Семантическая структура фразеологизмов как средств выражения начала посессивных отношений в русском и английском языках	121
Фёдорова К. Л. Особенности фразеологических единиц с компонентами-метеонимами «лёд»/ «ice», «гром»/ «thunder» ...	127
Шабашева Е. А. Особенности оценки цветообозначения черный в семантике фразеологических единиц русского и английского языков	131
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА	
Васильева Т. В. Рабочая программа дисциплины (модуля): «Производственная практика по межкультурной коммуникации»	138
Подберезская Ю. А. Лексические нормы в методике преподавания культуры русской речи студентам-иностранцам	158
АННОТАЦИИ	163
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	168

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

Ananjina M. A. The Succession of Generalized / Concrete Information Opposition as a Way of Analysis of a Literary Text	7
Elistratova K. A. Theonym ‘ God ‘ in poetry by Vera Polozkova	12
Zaharova E.A. Realization of Semantic-Derivational Potential of Lexemes “Blood”, “Bloody” in Poetry by Robert Rogdestvensky	19
Matusevich K.A., Ehlakova N.F. Concept “Love” in Songs of Leona Lewis	33

LANGUAGE STUDIES

Volkova Y. A. Emotions as Motivational Foundation of Destructive Communication	36
Kolokolova L. P. Realization of Functionally-Cognitive Sphere “Time” in Semantic Space “Human life”	44
Latu M. N. Nominative Peculiarities of Terms, Verbalizing Tools and instruments	50
Meheda M.I. Language Economy in English Substandard Word-Formation (on Material of Reduplication)	56
Muhanalieva A. A. Normative Communicative Behaviour	68
Surovtseva S.I. Preposition in Formation of Temporal Relations	73
Shemyakina A. V. Incantatory Performative Acts	76

LANGUAGE OF POLYTICS

Kosovtseva A. V. Discourse of the British Parliamentary Debates	82
Morozova N. G. Social Attitudes and Language of Politics: to the Question of Peculiarities of Political Discourse	89

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Kozeta Hyso (Vlore, Albania) Vocabulary Notebooks	93
Alekberova I. E. English in Globalization	104
Detkova V. A. Representation of Family Problems in Russian and English Paremiology	111
Linkova Y.I. Semantic Structure of Phraseological Units as Means of Expression of the Beginning of Possessive Relations in Russian and English	121

Fedorova K. L. Peculiarities of Phraseological Units with Components-Metonyms “Ice”, “Thunder”	127
Shabasheva E. A. Peculiarities of Evaluation of Color Marks Black in Semantics of Phraseological Units in Russian and English	131

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Vasilyeva T. V. Academic Internship Program in Cross-cultural Communication (CCC AIP)	138
Podberezhskaya Y. A. Lexical Norms in Methods of Teaching of Russian Speech Culture to Foreign Students	158

<i>ABSTRACTS</i>	163
-------------------------------	-----

<i>INFORMATION ABOUT AUTHORS</i>	168
---	-----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ОБОБЩЕННОГО / КОНКРЕТНОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ КАК МЕТОД ЕГО АНАЛИЗА

М. А. Ананьина

Контраст содержания играет композиционную и структурную роль в художественном тексте. Он помогает проанализировать авторский стиль и намерение. Контраст содержания может рассматриваться в различных аспектах. Один из них заключается в анализе последовательности обобщенной / конкретной информации, которая делится на три вида: перспективная, ретроспективная и смешанная. Смешанная информация преобладает в анализируемом тексте.

Ключевые слова: обобщенное / конкретное, стилистический анализ художественного текста, рассуждение, проспективное, ретроспективное, смешанное соположение обобщенного/ конкретного.

Изучение различных аспектов художественного текста в современной лингвистике и теории текста характеризуется многообразием подходов, экспансионизмом, привлечением идей из смежных наук для решения насущных проблем, связанных с определением природы художественного текста. Данная особенность отмечается в работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов, в частности, в трудах Ф. Данеша, Т. Энквиста, С. И. Гиндина, Е. С. Кубряковой, В. А. Лукина и других. При этом отсутствует однозначное определение художественного текста. Всё это свидетельствует, с одной стороны, о сложности и неисчерпаемости данной проблемы, а с другой стороны, об её актуальности.

В научно литературе предлагается, наряду с прочими, такой метод анализа художественного текста, как выявление способа реализации фундаментальных стилистических оппозиций, в частности содержательный контраст обобщённого / конкретизированного [3]. Анализ может включать последовательное изучение таких аспектов, как функциональная и тематическая значимость текстовых фрагментов, в которых проявляется содержательный контраст; уровень философской обобщённости фрагментов текста, проспективное / ре-

троспективное развёртывание обобщённого / конкретизированного, а также характер смысловых отношений между указанными фрагментами текста.

В данной работе рассматривается проспективное / ретроспективное развёртывание обобщённого / конкретизированного в романе С. Моэма «Пирог и пиво». Философско-эстетические взгляды автора не выражены открыто, и читателю необходимо выявить их на основе лингвистического анализа текста романа. Предпринятый в данной статье анализ текста по оппозиции обобщённое / конкретное позволяет обнаружить скрытый авторский код текста, обнаружить его структуру и выделить особенности индивидуального авторского стиля изложения. На наш взгляд, подобный подход к изучению типологических особенностей стиля художественной прозы продуктивен при изучении системообразующих категорий текстов, для которых характерно широкое использование авторских отступлений и комментариев.

Содержательный контраст является одним из способов построения художественного текста. Он используется в тех фрагментах текста, где наблюдаются метатекстовые образования, т.е. в композиционно-речевой форме «рассуждение». Рассуждение в художественном тексте, как правило, локализовано в тех частях, где автор переходит к размышлениям по поводу того, о чём идёт повествование, таким образом, создавая метатекстовое пространство, как бы наслаивающееся на основное повествование.

Рассуждение в смысловом и языковом плане включает не только обобщённое, но, как показывает материал романа, и конкретизированное, которое может участвовать в создании обобщённого на другом, более конкретном уровне. Происходит своеобразное изменение статуса текстового фрагмента в зависимости от точки зрения реципиента текста.

Обобщённая информация, как правило, выражена при помощи афоризма, сентенции, характеризуется краткостью и оценочностью, т.е. для неё характерна автосемантичность [2]. Форма выражения конкретизирующей информации может быть различной. Конкретизирующая информация либо поясняет обобщённую, противоречит ей, либо иллюстрирует общее положение.

Последовательность обобщённого и конкретного в тексте может быть проспективной, ретроспективной и смешанной [3]. Анализ контекстов с проспективным соположением двух типов информации

онного содержания позволил выделить следующие приёмы его реализации: параллельные конструкции (часто осложнённые анафорическим повтором), пропуск разъясняющего содержание предложения (*gap-sentence link*), перечисление, состоящее из существительных в форме множественного числа с собирательным значением, антитеза, контраст. Особым экспрессивным потенциалом обладают отрицания и использование идиомов, использование перифразы и точного высказывания, в результате чего создаётся контраст. Небольшое количество отрезков с проспективным соположением обобщённого/конкретного делает количественный анализ отмеченных стилистических приёмов непоказательным: все выделенные стилистические приёмы и образные средства использовались в одном или двух примерах.

Отдельно отметим метафору и гиперболу как средства усиления конкретизации повествования.

Обобщённое значение передаётся при помощи местоимений 'you', 'one', 'most of us', 'it'; 'something', 'him', 'they', 'we', экзистенциальной конструкцией 'there is...', существительными с обобщающим значением 'the writer', '(a) man'. Содержательный контраст также передаётся при помощи глагольных форм Present Simple в обобщённом и Past Simple в конкретном.

Наиболее отмеченными стилистическими средствами выражения ретроспективного соположения обобщённого/конкретного являются следующие (в порядке убывания количества проанализированных случаев): антитеза, параллелизм, отрицание, литота; использование идиомов, метафора, аллегория, использование терминов в контексте разговорной речи, аллюзия на библейские образы. Также отмечается единичное использование перечисления для создания ретроспективного соположения обобщённого/конкретного. Как правило, стилистические приёмы сочетаются и образуют конвергенцию. Случаи с ретроспективным соположением более многочисленны и также характеризуются присутствием авторской иронии.

В данном типе соположения информации конкретное часто выражается при помощи имён собственных – Alroy Kear, Edward Driffield, особенно аллюзивных имён – George Meredith, Anatole France, Thomas Hardy. Использование аллюзивных антропонимов способствует выражению не только конкретного, но и в определённой степени поднимает высказывание на более высокий уровень обобщения, что объясняется природой аллюзивного имени – оно не столько идентифицирует и конкретизирует, сколько коннотирует и

иррадирует большой объём накопленной информации в виде культурных ассоциаций, связанных с этим именем, а значит, неизбежно приводит к глобальной связности, культурной преемственности, то есть к обобщению. Конкретизированное также может быть отделено от обобщённого графически в тексте.

Грамматические средства оформления данного вида соположения рефлексий те же, что были перечислены выше в связи с описанием проспективного типа соположения: использование для актуализации обобщённого местоимений 'one', 'you', 'yourself'. Помимо этого, имеет место использование слов с обобщённым значением 'people', 'mankind', 'man'; используются слова с прописной буквы 'Beauty', 'Humour', которые подвергаются олицетворению. Для конкретизации сообщения используются модальные фразы 'of course', 'evidently', 'it is well-known'.

Отрезки со смешанным соположением обобщённого/ конкретизированного преобладают по сравнению с другими в количественном отношении. В тексте встречаются случаи различной степени обобщённого и конкретизированного, происходит постепенное сужение, накопление конкретизирующих признаков. Мы выделили следующие стилистические приёмы и средства реализации данного типа соположения рефлексий, наиболее частотные указаны в начале списка: перечисление, параллелизм, отрицание, контраст, литота, антитеза, предложения с переосмысленным структурно-синтаксическим значением (не собственно вопросительные, не собственно утвердительные), ирония, образные сравнения. Также встречается использование аллюзии, цитаты, имени собственно-го, инверсии, аллегии и идиомов. Отметим, что в данном тексте преобладает ироническая тональность. С одной стороны, ирония создаётся содержательным контрастом, а с другой стороны, сама создаёт контраст. Это объясняется двойственной природой иронии – данный приём функционирует как на логико-смысловом уровне – участвует в создании содержательного контраста, так и на вербальном уровне, когда различные языковые средства в тексте создают контраст между буквальным и переносным значениями, одним из вариантов которого может быть соположение обобщённого и конкретного. На вербальном уровне ирония может создаваться различными стилистическими средствами, например, при помощи риторического вопроса, контраста архаичной и нейтральной лексики.

Итак, содержательный контраст в проанализированном художественном тексте позволяет сделать вывод о том, что порядок следования рефлексивов может быть прямым, ретроспективным или смешанным. Последний вид преобладает над остальными. В реализации данного типа контраста преобладают синтаксические стилистические средства: параллелизм, контраст, перечисление. Соположение обобщенного/конкретного преобладает в композиционно-речевой форме рассуждения. Значительную роль в создании контраста на лингвистическом и смысловом (денотативном) уровне художественного текста играет ирония.

Список литературы

1. Знаменская, Т. А. *Стилистика английского языка: основы курса*. М. : Едиториал УРСС, 2002. 208 с.
2. Лукин, В. А. *Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум*. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во «Ось-89», 2005. 560 с.
3. Разинкина, Н. М. *Функциональная стилистика (на материале английского и русского языков): учеб. пособие*. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 2004. 271 с.
4. Maugham, W. S. *Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard*. М. : Изд-во «Менеджер», 2004. 256 с.

References

1. Znamenskaja, T. A. *Stilistika anglijskogo jazyka: osnovy kursa*. М. : Editorial URSS, 2002. 208 s.
2. Lukin, V. A. *Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoj teorii. Analiticheskij minimum*. 2-e izd., pererab. i dop. М. : Izd-vo «Os'-89», 2005. 560 s.
3. Razinkina, N. M. *Funkcional'naja stilistika (na materiale anglijskogo i russkogo jazykov): ucheb. posobie*. 2-e izd., ispr. i dop. М. : Vyssh. shk., 2004. 271 s.
4. Maugham, W. S. *Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard*. М. : Izd-vo «Menedzher», 2004. 256 s.

ТЕОНИМ «БОГ» В ПОЭЗИИ ВЕРЫ ПОЛОЗКОВОЙ

К. А. Елистратова

В настоящей статье рассматривается функционирование культурного знака в авторском поэтическом дискурсе Веры Полозковой – теоним «Бог». Теоним «Бог» представляет собой многомерное лексико-семантическое поле.

Ключевые слова: поэтический дискурс, теоним, лексико-семантическое поле.

Теонимы – семиотически значимые, культурно мотивированные знаки, «наименования Высшего Существа и связанных с ним имен божественных персонажей» [4. С. 4]. В современных исследованиях теоним все чаще понимается как концепт, семантический комплекс, позволяющий раскрыть особенности национального и индивидуального сознания, а также исследовать индивидуально-авторский поэтический дискурс автора [2].

Объектом настоящего исследования является корпус поэтических текстов современного поэта-блогера Веры Полозковой, где теонимы занимают особое место, аккумулируя информацию связанную с глобальными мировоззренческими проблемами.

На первом этапе анализа была выявлена ключевая лексема «Бог», характеризующаяся высокой степенью частотности в поэтических текстах Веры Полозковой, осуществлялось заполнение полиномического ряда номинаций Бога, выполняющих ведущую роль в идейно-содержательном и структурно-организационном плане, формируя многомерное и многогранное лексико-семантическое поле, где искомая лексема является основополагающим элементом («Господь», «Вечный», «Отче», «Боже», «Боженька», «Папа», «Серый Волк», «Судья», «Мой великий кардиотерапевт», «Верховный Электрик» и др.)

Обращаясь к текстам Веры Полозковой, подчеркнем, что поэт отчасти сохраняет заданные словарными дефинициями когнитивные классификационные признаки [3. С. 526–528]. Так, в стихотворении «*Проце говоря*» (2010) Вера Полозкова сохраняет когнитивные признаки концептов «Власть» / «Сила»: «*Бог заключает весь / Мир, оттого Он зрим...*».

Автор также использует ряд синонимичных номинаций Бога в указанном значении: «*всемогущий Демиург*», «*Всемогущая Десница*» («*Письмо далекому другу*», 2006). Обе лексемы являются стилистически связанными, употребляемыми в торжественной речи и воспринимаемыми современными носителями языка как устаревшие. Кроме этого, согласованные атрибуты указывают на исключительную и абсолютную полноту проявления признака: «*всемогущий / всемогущая*». В поэтическом тексте есть и прямое указание на тот факт, что Бог выполняет функцию сотворения мира: «Зря всемогущий Демиург *не сотворил* немного ближе / Москву и Екатеринбург...»: «Демиург => Десница» образовались по смежности, в основе которых акт создания мира.

Обнаруженные в одном контексте топонимы – *Москва, Екатеринбург* (эксплицитно) и *Санкт-Петербург* (имплицитно на уровне словосочетания «мудрый город на Неве» и языковой игры «Назвать мне, что ли, сына Питер – ну, Питер Пэн там / *Питер Бург...*») отражают индивидуальное сознание молодого поэта: Москва – место жительства Веры Полозковой, Екатеринбург – родной город лучшей подружки поэта – Эльвиры Павловны.

В поэтическом тексте «*Мессия в роковой аранжировке*» (2004) теоним занимает сильную текстовую позицию, выполняя роль скрепы и тем самым моделируя концептуальную и образную значимость стихотворения Веры Полозковой: *Мессия* <=> Дщерь Божия <=> Мессия. У Полозковой Мессия – это грамматически маркированное женское лицо: «доченька», «Дщерь Божия», «душенька», «девочка», «сказка моя», «милая», «глупенькая».

Особое место в околядерном пространстве лексико-семантического поля «Бог» занимает местоименный дейксис: «*Потому что я бьюсь башкой... / Потому что я сею муку... / Потому что я мало делаю... / Потому что Ты мне всего очень много дал ... / Потому что Ты от меня уже устаешь ...*»; «*Ты играешь в огромный боулинг моим мирком, стиснув его / в своей Всемогущей руке...*».

Кроме перифрастических номинаций околядерную зону образуют прочие употребления лексемы «Бог», которые можно было бы классифицировать по следующим грамматическим схемам: 1) Бог есть такой (качество): «и над ними боженька, *зримый, явственный и сквозной / полный смеха и стрекота, как полуденный майский зной*» («Сыновья», 2010); 2) Бог существует там (место): «*И сквозь купол милого факультета / Виднеются пятки Бога / В мохнатых тапках...*»

(«Ноябрьское», 2005); «Он там, где камни / И где иврит...» (2005); 3) акциональность (на нечто): «Пусть Бога не существует, – / Но Он меня *покарает* // *Сожжет* вероломной страстью / Погубит в её неволе...» (2003); на нечто: «В чашке неба Господь *размешивает* / *Капучинные облака...*» («Благовест», 2005) 3) Бог есть столько (количество): «Вали в монастырь, бэйба – хихикает *твой собственный бог* / чеканя ковбойские шаги у тебя в душе // И ты жалеешь, что не можешь запустить в него тапком, не раскроив себе грудной клетки...»; 4) Бог (каузатор) творит нечто (результат): «Господь увидит // Как я расту // Большой, как Солнце – In God We Trust – / *Он улыбнется и денег даст*» (2005); «И Господь подумал: «Что-то Катя моя плоха ... / Я не потеряю... / Но Я не садист, чтобы вечно вспахивать ей дорогу ... / Катя просыпается, *солнце комнату наполняет...*» («Катя», 2007).

Ближнюю периферийную зону образуют прецедентные онимы. Поэтический текст «*мой великий кардиотерапевт...*» (2009) отличается использованием окультуренного языкового знака, посредством которого субъект выражает свои пожелания: «научи меня быть сильнее, чем *лара крофт...*» (в данном случае поэт вводит полуантропоним, выделяя не имя главной героини мультфильмов, фильмов и серии книг, а комплекс ее качеств: уверенность, независимость и безграничную храбрость...). В поэтическом тексте «*Сестры*» (2007) в сильной позиции находятся не только теонимы (эксплицитно – Любовь и Надежда, имплицитно (Вера) – «*Я старшая дочь, с меня спросят гораздо строже...*»), но имена сказочных персонажей («*Три поросенка – и Серый Волк*»), отсылки к произведению А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино» и Ветхому Завету: «*Папа взял три отреза змеиной кожи / И сотворил нас на день седьмой...*»). В стихотворении «*Сестры*» у Бога проявляются когнитивные признаки, которые сближают его с конкретикой повседневной жизни и способствуют проявлению практических навыков.

Иными словами, происходит антропоморфизация, под которой мы понимаем переход божественного существа из сакральной области в область реальных людей (выделены следующие цепочки):

✓ строительство: «Папа *проектировщик*, а я *подрядчик...*» («Сестры», 2007); «Был бы Бог милосерд – заливал бы *монтажной пеной*»;

✓ электричество: «В схеме сбой. Верховный *Электрик*, то есть // Постоянно шлет мне большой привет...».

✓ система управления: «или даже не бог, а какой-нибудь его зам... / - ну привет, вот бог, а его *генерал...*» (2008) или «У меня есть Босс. Он меня и прислал сюда // Он и Сын Его, славный малый, весь как с обложки...» (2008) (ассоциативная связь с когнитивной «Троицы»).

Особо следует оговорить устойчивую когнитивную метафору «Бог-отец». В тексте «*Так бесполезно – хвалы возносить...*» (2004) Бог – воображаемый отец. В данном примере Бог по-прежнему выполняет роль агенса, который действует для бенефицианта: «*Бог не требует от тебя становленья быстрого, но пугается, когда видит через / стекло – что ты навзничь лежишь полгода и, как от выстрела, под затылком пятно волос с тебя натекло...*» (2007); «*Пока не включит Бог светофора мне; а нет – зайду под своим логином на форум к Богу, а там на форуме все пишут «Господи, помоги нам»...*» (2007).

К области **дальней периферии** отнесен ряд когнитивных метафор. Бог относится к базовым элементам ментальной сферы культур, который выступает фоном для осмысления других концептуально важных понятий:

✓ **Бог <=> любовь**: «Сто «виват» тебе, о Великая ... / *Богом ... посланная ... чума...* / Аллилуйя тебе, Священная / Искупительная Любовь» («Люболь», 2004);

✓ **Бог <=> смерть**: «Хью совсем не боялся смерти, а все твердили: «И не надейся // От нее даже самый смелый не уходил ...» (с. 86); «Гордон злится: «Когда же я наконец *подохну*», – / Ангел Габриэль приходит к нему под окна / Молвит: «*Свет Христов просвещает всех*» (2008);

✓ **Бог <=> музыка**: Текстовой скрепой «Смеха» (2010) выступает посвящение-оним: *to Yoav*, отсюда обращение к музыкальной тематике. Согласованные атрибуты – характеристика голоса как проявления Бога (метонимия): «так что слушай, садись и слушай *божйй ритмичный смех*»; «он – *таинственный голос* чей-то, *мерный упрямый бит*». Бог у Полозковой может быть интерпретирован как «*Диджей*» (вполне закономерное написание слова со строчной буквы), которого «...никто не видал»: «*И неизвестно, есть ли вообще Диджей*». Лексемы «деки» и «диски» развивают общую когнитивную метафору «Бог <=> музыка».

Однако сакральными коннотациями обладают не только заявленные теонимы, но и другие маркеры: «мы не буквы *господних писем*»

~ в значении «псалмы»; «мы держатели для бумаг» ~ «аналоя»; «будь умерен в питье и пище» (отсылка к одному из семи смертных грехов: чревоугодие); «мы оттенок его, подробность, блик на красном и золотом...» (оба цвета представляют определенные знаки: золотой – знак Божественного света, красный – мученической крови). Используемые топонимы в тексте представляют собой «условные языковые знаки» или «невоплощённые имена собственные»: «сядешь в поезд, поедешь в *сити*... / ...ходит в *мекку* ...».

Итак, Вера Полозкова в своих поэтических текстах отражает изменения в понимании характеристики Бога вплоть до полной подмены содержания данной лексемы по сравнению с исходным пониманием ключевого слова в лексико-семантическом поле. Примером, иллюстрирующим данный тезис, является стихотворение «Как водится» (2008), где автор отсылает нас к рок-опере Л. Уэббера «Иисус Христос – Суперзвезда»: «Все идут за мной от Парижа до Вайланканни, где сразу над барной стойкой / мой дорогой – / *Джизус Крайст* / как водится *Всемогущий* / и *Всеблагий*».

Дальнюю периферию лексико-семантического поля «Бог» образуют различные прецедентные сюжеты и имена: «Вероятно, так выглядел *Моисей* / Или, может быть, даже *Ной*» (2007); «Эй, ты что тут разлёгся, *Лазарь*?...» (2008); «И какая-то проводница или уборщица, посмотрев, как она застыла / *женою Лота*...» (2006); «Солнце в тесной палате бесится / И *Голгофою* на полу – / *Крест* окна. Я четыре месяца / Свою смерть по утрам *стелю*...» (2004).

Библейские истоки в поэтических текстах Веры Полозковой встречаются и в весьма редуцированном виде, то есть в конденсированном виде содержат фабулу множества прецедентных ситуаций: «Если и вправду это зовут любовью, – *Господи Святой Боже, помилуй мя*» (2005); «*Аллилуйя* тебе, Священная / *Искупительная Любость*» (2004); «Отче, скрась немного хотя бы часть им / *Неисповедимых Твоих путей*» (2004)); «Блюза. Осени, смеха, пиццы на Садовой, вина, такси, – дай откашляться, Бог, отпиться, *иже еси на небеси*» (2006), «Если так черно снаружи – представляешь, что внутри» (ср. «Итак, если свет, который в тебе – тьма, то какова же тьма?», Евангелие от Мф., гл. 7) (2006).

К дальней периферии следует отнести и номинации божеств других конфессий. Например, «Будда учил: не привязывайся...» (2003); «*Джа* здесь смотрит из каждых глаз ...» (2004 «У тебя неплохой отель, только в храме *Шивы* сразу за ним / служба начинается в пять

утра» (2008); «Мы способны обжиться в любой открытке – неважно, елочка ли на ней / Или восьмирукая дева Кали в сиянии драгоценных своих камней» (2008).

Как правило, употребление теонима топонимически маркировано: употребление теонима «Шива» обусловлено пребыванием поэта в Индии, отсюда появляются следующие языковые знаки – «Тадж Махал», «Агра», «воды Ганга», «ласси из папайи», «махараджи».

Итак, лексико-семантическое поле «Бог» в поэтических текстах Веры Полозковой являет собой многомерное образование, репрезентированное разного рода субстантивными и атрибутивными характеристиками (см. *Рис. 1. «Теоним «Бог» в поэзии Веры Полозковой»*).

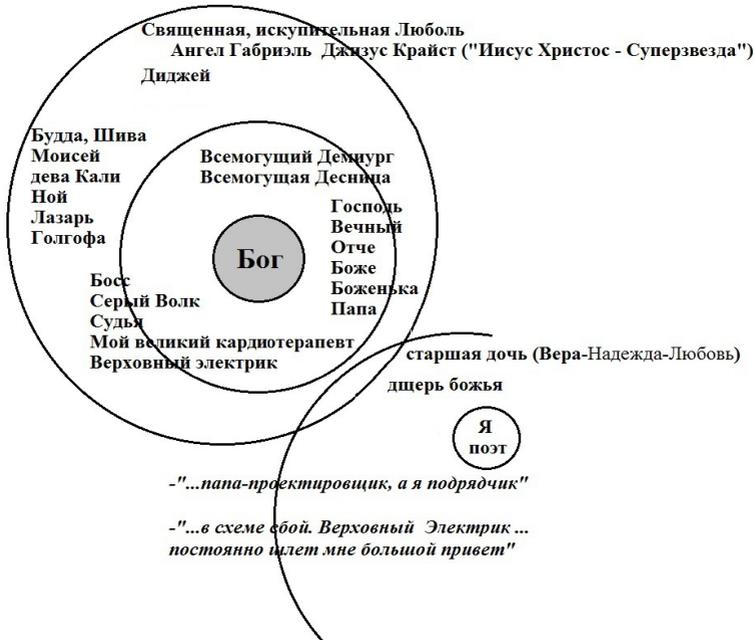

Рис. 1. «Теоним «Бог» в поэзии Веры Полозковой»

Список литературы

1. Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М. В. Пименной. Кемерово, 2004.

References

1. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku / pod red. M. V. Pimenovoj. Kemerovo, 2004.

2. Зырянова, М. Н. Особенности реализации концепта «творец» в идиостиле Пригова. URL : www.omsu.ru/file.
3. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т.1. М. ; Л., 1950. С. 526–528.
4. Соломонов, М. А. Христианский теоним в структуре фольклорного текста : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Пермь, 2011.
2. Zyrjanova, M. N. Osobennosti realizacii koncepta «tvorec» v idiosstile Prigova. URL : www.omsu.ru/file.
3. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka : v 17 t. T.1. M. ; L., 1950. S. 526–528.
4. Solomonov, M. A. Hristianskij teonim v strukture fol'klornogo teksta : avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Perm', 2011.

**РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННОГО
ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСЕМ «КРОВЬ», «КРОВНЫЙ»
В ПОЭЗИИ РОБЕРТА РОЖДЕСТВЕНСКОГО**

Е. А. Захарова

*В статье рассматриваются приемы реализации семантического потенциала лексем **кровь**, **кровный** в художественном творчестве Роберта Рождественского, указывается роль окказиональной (авторской) коннотации в создании художественного образа, рассматривается значимость новообразований в контексте мироозерения поэта.*

Ключевые слова: **кровь**, лексическое значение, семантическая деривация, коннотация, метафора, метонимия, символ, художественный образ, окказиональность.

Понятие **крови** в культуре, религии и языке имеет глубокую и разветвленную систему значений, охватывающих как физиологические, так и социальные, нравственные, духовные аспекты человеческой жизни [1; 4; 5]. Особое отношение к данной лексеме мы можем наблюдать во всех формах искусства, политики и религии XX века, что существенно расширило семантико-деривационный потенциал данной номинации. Этими факторами, наряду со значимостью данной лексемы для поэтического творчества и мироощущения поэта Роберта Рождественского, обусловлен наш интерес к данному слову.

В словарях лексема **кровь** определяется как многозначная, большинство ее значений развивается на основе метафорического и метонимического переноса и имеет узуальный характер [2. С. 133], однако в поэтическом контексте данного автора эта номинация обрастает многочисленными «приращениями смысла», и новообразования, возникающие в результате, приобретают характер самостоятельных семантических дериватов окказионального типа.

Рассмотрим основные направления развития семантического потенциала лексем **кровь**, **кровный** в творчестве Роберта Рождественского. Анализ поэтических произведений автора позволяет выделить два основных направления развития семантики исследуемой лексемы: переплетение метафоро-метонимических процессов

в сфере отражения духовно-нравственных аспектов человеческого существования и символическое прочтение лексемы.

I. Семантические дериваты, возникшие на основании метафорического и метонимического сходства.

1. Кровь – это место сосредоточения души, жизни, одухотворяющей энергии. В основе метафорического изменения семантики лексемы лежит древнее представление человека об одухотворяющей, жизненной силе крови и ее магическом значении для жизни человека. В творчестве поэта этот дериват имеет множественное воплощение, ключевыми аспектами реализации которого являются следующие:

а) процесс творения и человек-создатель. Номинация **кровь** с языческих времен считалась *воплощением жизни, веществом – носителем ее одухотворяющей энергии в теле человека*. Процесс творчества, например, сотворения скульптуры, подобен для поэта рождению ребенка, а **кровь** в этом контексте приобретает значение *жизненной энергии*, одухотворяющей произведение искусства: «Как оживает камень?.. Но вот уже грудным просящим криком вся мастерская до краев полна...», «Скорей, художник!.. Ты дашь мне жизнь. Ты должен. Ты сумеешь... Узнай меня! Чтоб по гранитным жилам пошла толчками каменная *кровь*. Поверь в меня!.. В меня уже вошла твоя весна!..» («Творчество»).

Отношение к творчеству как сверхъестественному процессу, приближающему человека к богу в его созидательных возможностях, характеризует все мироощущение поэта Р. Рождественского, но довольно часто оно сопряжено с коннотациями мучительности, жертвенности творческого процесса: «Уверенность в сердце высится: все выскажется! Все выстрадается!». Соответственно, отсутствие или неспособность человека распорядиться этой энергией жизни рассматривается Р. Рождественским как безжизненность, небытие: «Но вот все чаще случается: строчка не получается. *Кровью* не наполняется. Сердцу не подчиняется... И мне перед совестью собственной совестно» («Я не был еще...»);

б) душевные силы и энергия, наполняющие одушевленный субъект. Прием персонификации и олицетворения объектов природного мира используется поэтом довольно активно, при этом антропоморфность художественных образов преимущественно аллегорически соотносится с разными сторонами человеческой сущности. Ярким примером такого образа является хребет имени Ломоносова

(горный хребет, проходящий по льду Ледовитого океана), окказионально выступающий в качестве субъекта речи в одноименном стихотворении поэта. Автор уподобляет горный массив телу человека: «Эту тяжесть подперев руками, я стою, крутую выгнув спину», «Хватит спину мне царапать лотом!», «Я раскрою угольные толщи... подарю вам золотые жилы...»; в этом контексте употребление лексемы *кровь* реализуют двойственный ассоциативный фон буквального (*подземные руды и ископаемые земной коры*) и окказионального (*энергия жизни*) значений, что создает особую экспрессию и выразительность всего стихотворения: «Не хочу, чтоб жизнь без цели гасла! Приходите! Подарю вам зерна драгоценного, как жизнь, урана... Я свою каменную грудью вас от всех опасностей прикрою, напою вас собственной *кровью*...» («Хребет имени Ломоносова»);

в) состояние любви и связанные с ним моменты дружеского участия и духовного откровения. Мироощущение поэта проникнуто представлением о великой силе любви, одухотворяющей и окрыляющей человека. В стихотворении «Вновь нахлынул северный ветер» особенностью реализации данной лексемы становится ее игровая трансформация в контексте устойчивых сочетаний, активно приобретающих авторские коннотации. Неразрывная духовная связь и телесная сопричастность двух любящих сердец – идеал любовных отношений для поэта: «Знаешь, понял я, что на свете мы не существуем отдельно. Мы уже продолженье друг друга. Неотъемлемы. Нерасторжимы». На этом уровне слияния двух любящих людей общность их переживаний, физических страданий и духовного опыта становится естественным фоном для окказионального сближения и последующей позиционно-смысловой метатезы значений лексем **боль** и **кровь** сначала на физическом уровне – раны, падения: «Сколько раз – я поверить не смею – не случайно и не на вынос боль твоя становилась моею, *кровь* моя – твоей становилась!..», а затем и в духовном плане – несчастья, неудачи, потери.

Такой параллелизм создает необходимые условия для естественности в восприятии двух окказиональных словосочетаний, реализующих авторское значение лексемы **кровь**: 1) *наука донорства* (метафорическая перифраза понятия *дружбы, дружеской поддержки*) и 2) *группа боли*, построенного по структуре терминологического сочетания *группа крови* и реализующего окказиональное значение *объединение, единство по типу отношения к миру и характеру духовного опыта*: «...поднимаясь после падений, нес тебе я свои не-

счастья, неудачи нес и потери. Ты науку донорства знала, ты мне выговориться не мешала. Кровью собственной наполняла. Успокаивала. Утешала...», «И с годами у нас с тобою стала общео группа крови, одинаковой – группа боли».

2. Кровь – это человеческий характер, темперамент, натура.

В основе этого деривата, по-видимому, лежит представление о взаимосвязи, метонимической соположенности лексем *сердце – кровь – характер*, что способствует актуализации имплицитных периферийных сем, обозначающих качества человека.

а) В поэтическом мире Рождественского в самостоятельном употреблении данный дериват имеет преимущественно положительную эмоционально-оценочную окраску и распространяет свою экспрессию на все поэтическое произведение. Более того, наличие этой «кровяной пульсации» в стихотворениях, в жизни, в творчестве поэта – один из постулатов его жизненного кредо: «Пишите о главном, пишите о главном!.. На мелочь ни часа не тратьте... Пусть кровь запульсирует в слове багряном и очень горячими станут тетради» («Пишите о главном...»).

б) В случаях распространения лексемы возникает оценочная коннотативная обусловленность деривата, объект номинации становится уже и приобретает окказиональную сочетаемость. Например, в составе окказионального оборота *кровь обожгла* происходит контекстуальное сужение семантического потенциала лексемы и появление деривата со значением *чувство ярости, ненависти*: «А если бы, а если посреди тишины снова позвала бы нас тропа войны?! Как бы над росой свистел томогавк! Ах, какие скальпы дымились бы в руках!.. Это на секунду нас обожгла жаркая кровь Справедливого Орла» («Танцуют индейцы»). Индивидуально-авторской коннотацией обладает и узуальное словосочетание *горячая кровь*, которое в контексте стихотворения «Погоня» благодаря основному повтору четко соотносится с *горением* как стилем жизни (*неравнодушием, пылким интересом к жизни*): «И нет нам покоя, – гори, но живи! Погоня, погоня, погоня, погоня в горячей крови» («Погоня»).

в) Особое отношение к крови врага как проявлению своей победы над ним, свойственное людскому сознанию на протяжении тысячелетий, приобретает у поэта резко отрицательную коннотацию и трансформируется в окказиональное фразеологическое значение: *хотеть (жаждать) крови* – значит *стремиться к острым ощущениям, потворствовать низменным инстинктам*.

Близкое к данному пониманию употребление лексемы **кровь** мы можем видеть в авторской трансформации семантики сочетания *жаждать крови* в стихотворении «Коррида в Лиме». Размышления поэта о природе низменных человеческих эмоций вкладывается в уста быка, явно выигрывающего у людей в проявлении человечности: «Бык недоумевал. Но притворялся зверем», ««На! На!» – если *хочешь крови*... Он знал: идет игра. Подразнят – и отстанут. Поэтому – щадил. Играл с людьми в охотку». При этом актуализируется сначала авторское понимание сочетания *жаждать крови – хотеть острых ощущений*, а затем это значение нравственно маркируется поэтом как *нездоровая страсть*, проявляющаяся в полном отсутствии осознания последствий своих развлечений: бык «не сразу ощутил клинок, вошедший в холку... Он умирал, пока хлестала *кровь* из раны на впалые бока...», а человек считал: «О, как прекрасна *кровь*, когда она – чужая!...» («Коррида в Лиме»).

Употребление лексемы **кровь** в этом же сочетании еще раз иронично осмысливается поэтом при самохарактеристике своего поколения в самом за себя говорящем стихотворении «Бессоница-90»: сопоставляя в одной строке лексически и стилистически несопоставимые понятия: «*жаждать демократии или крови*», Р. Рождественский в длинном списке таких антитезных явлений (более тридцати) очень точно передает ощущения людей, стоящих на распутье времени, совести и общественного самоопределения: «Мы – ... спрашиваем у самих себя: что же будет со всеми нами?».

3. Кровь – обозначение близкого родства. В узуальном употреблении данный дериват, как правило, метонимически подменяет обозначение близких, кровных родственников и имеет оттенок архаического употребления. В поэтическом мире Рождественского данная номинация характеризуется двумя направлениями окказиональной трансформации:

а) испытывает изменения в объеме своего значения, сужаясь и эксплицируя сему *генетического родства*. Наиболее выраженными в этом случае являются контексты, подчеркивающие связь родителей (матери) и детей:

– в плаче матери по пропавшему на войне сыну семантика лексемы **кровь** приобретает новое звучание – пронзительно нежное, близкое, более всего актуализирующее значение кровного родства матери и ребенка в однокоренной лексеме *кровиночка*: «Отзовись,

моя *кровиночка!* Маленький. Единственный... Зернышко мое. Зорюшка моя. Горюшко мое, – где ж ты?» («Реквием»);

– в преклонении перед любимой женщиной, матерью его ребенка, и тайной сотворения жизни, подчеркнuto исполненных нежности и восхищения в поэме «Письмо в тридцатый век». Обыгрывая буквальное и метафорическое значения глагола *основать* в традиционном словосочетании *основать царство* и созданном по аналогии, но окказиональном по сути *основать судьбу*, поэт неожиданным образом актуализирует *генетическое* понимание номинации **кровь**: «Будто она устала, основывая новое царство... Вдумайтесь, сколько грядущих судеб она основала!», «В женщине, спящей рядом со мной, дремлете вы!.. Но в котором из тех, кто рожден в трехтысячном, *кровь* моя бьется?». Эффектный прием рождает сложные пространственно-временные соотношения, делая момент перетекания значения *ближайший родственник* в окказиональное *дальний потомок* практически неуловимым для восприятия, что создает эффект одновременного присутствия автора в настоящем и далеком будущем времени совершенно естественно;

б) расширяет свое значение, охватывая область *духовного братства, близости идей, интересов и образа жизни*. В этом плане любопытен лингвистический эксперимент поэта с адъективной лексемой **кровное**, употребляемой поэтом в значении *родное, личное, имеющее непосредственное отношение к субъекту*. В полемичном по своей сути стихотворении «Мы – политики» ключевой образ политика подвергается развернутой метафоризации, демонстративно сопровождаемой изменением отрицательной эмоционально-оценочной характеристики, коннотативно присутствующей на фоновом уровне, на противоположную. Лексема утрачивает значение *характеристика человека по виду профессиональной деятельности*, расширяется в своем значении и эксплицирует контекстуальные коннотации в окказиональном значении *человек, интересующийся тем, что происходит в мире*, и шире – *неравнодушный человек с активной жизненной позицией*.

Именно это расширение семантического потенциала обуславливает изменение значения лексемы **кровное**, окказионально сочетающее несовместимые с логической точки зрения антитезные понятия личного и общественного. Это расширяет ее лексическую сочетаемость и дает возможность самостоятельного субстантивированного употребления: «Каждый вечер как чрезвычайное заседание Совета

Министров. Здесь становится близким – дальше. Здесь чужое становится – личным!.. Значит все это – наше! *Кровное!* Наше личное. Наше общее».

В близком к представленному в этом стихотворении понимании лексема **кровный** используется поэтом в стихотворениях, написанных от лица представителей животного мира. Прием персонификации позволяет автору сместить фокус зрения и взглянуть на человека извне. Представление о характере родственных связей, номинируемых сочетанием *кровный брат*, в подобном случае расширяется и начинает включать представление о *духовном родстве, возникающем в единении или борьбе с подавлением права на личную свободу в любой его форме*: «Пора с людьми расчитаться за шум такой и за льдину!.. За всех моих *братьев кровных*, которые – в зоопарках!» («Про медведя»).

II. Символическое значение лексемы **кровь**.

Символические значения лексемы **кровь** в качестве источника своего возникновения, на наш взгляд, имеют, прежде всего, метафоры концептуального характера. Источниками такого образного познания мира становятся, в первую очередь, культурные и религиозно-философские искания человека, а лексема **кровь** выступает в качестве метафорического или метонимического предиката к значимым мировоззренческим категориям.

В поэтическом пространстве Роберта Рождественского нами выделено несколько дериватов с символическими значениями номинации **кровь**, характеризующиеся значительной степенью неоднозначности прочтения, текстообразующей нагруженностью и динамической структурой.

1. Кровь – символ *смерти*. Представление о пролитии **крови** как *символе прекращения жизни* имеет понятное логическое основание, но несет неоднозначный культурологический смысл. На физическом уровне появление крови сопряжено с обрядовыми или военными действиями, и в этом употреблении лексема **кровь** реализует как свое прямое значение *ткань тела*, так и метафорическое *средоточие жизненных сил*. В силу определенной табуированности лексики, обозначавшей тайну рождения и смерти человека, развилось символическое употребление номинации **кровь** как метонимической замены *смерти*.

а) В поэзии Роберта Рождественского этот переход в экспрессивной форме на ярком историческом материале великолепно демонстрируется в «Балладе о том, как инки начали поклоняться солнцу».

В поэтическом обращении к историческим свидетельствам о ритуальных жертвоприношениях древних инков (кровью мазали губы для дарования богам пищи, жизненных сил) лексема **кровь** имеет как положительное – символ *жизненной энергии* («Кровью живой мазали вам губы»), так и отрицательное – *символ смерти* – метафорическое значение («Чудилось мне: *просят* еще *крови* боги дождя, света, зерна, крова...»). Логическая последовательность образов, зримо детализирующих жесткие нравы и кровавые религиозные обряды, становится отправной точкой для внутреннего переворота и духовного просветления человека, физически (свергнув идолов) и духовно (выбрав иные ценности) совершившего шаг к свету: «Только одно, боги мои, знайте... я вас тогда приговорю к казни!». Символом этого нового становится образ благодатного солнца, «сок» которого питает человека благодатью подобно крови.

Таким образом, в стихотворении реализуется конфликт двух энтантиосемичных по специфике своего проявления семантических дериватов лексемы **кровь** (*жизнь – смерть*); свой выбор автор останавливает на символическом понимании солнечной энергии как источнике жизненных сил для человека.

б) символическое обозначение смерти неперсонифицированной, понимаемой как преждевременный, насильственный уход из жизни, представлен в стихотворениях поэта разных лет. Особенно значимые с художественной точки зрения образы созданы поэтом в стихотворениях на военную тематику: «Нашей *кровью* отхаркивалась война. Мы по смертному счету платили сполна» («Любая цена»); «Бой медленно *кровью* истекал» («Баллада о зенитчицах»).

2. Кровь – символ убийства. Намного более распространенным явлением в поэзии Р. Рождественского является использование номинации **кровь** в символическом значении *убийство*. В контексте мироощущения поэта этот дериват осложняется рядом окказиональных «приращений смысла»; наиболее актуализированным приемом их экспликации является оппозиция *физическая смерть – духовное предательство*.

а) Метонимическая замена номинации *убийство* лексемой **кровь** имеет глубокие культурные корни (*пролить кровь* значит *совершить убийство*). Для поэта этот символ становится значимой деталью, емко характеризующей время повальных арестов и расстрелов в кратком аббревиатурном курсе истории страны: «*Кровь* течет на бетон из разорванных вен. КПЗ, ЧСШ, ВМН...» («Аббревиатуры»).

Не менее яркий образ создан поэтом в коротком, намеренно нейтральном, обезличенном стихотворении-зарисовке «Из прогноза погоды». Примета времени -обыденность тона в новостных передачах об очередных людских смертях – выразительно выпячивается на первый план благодаря шаблонной структуре безликого прогноза погоды, уподобляющему по своей нейтральной стилистической нюансировке факты убийств непогоде: «Днем над столицей – местами – грозы. А на асфальте – местами – кровь...» («Из прогноза погоды»).

б) Образным воплощением идеи духовной смерти, вызванной бессмысленным и жестоким убийством – несправедливым поступком, опьяняющим сознание человека и лишаящим его нравственного стержня – является описание нашествия хана Батыя на Русь. Выразительным, точным штрихом к этой картине является уподобление орды потоку, который одновременно и олицетворяет саму смерть, и преломляет семантику номинации **кровь** в буквальном (*жидкая ткань, разносящая питательные вещества в теле*) и символическом (*знак смерти*) значениях: «Текла, ревя и радуясь, орда. Ее от крови било и качало... Дразнил мороз. Смешил чужой язык. И сабли от работы не ржавели» («Стихи о хане Батые»).

в) Символическое понимание **крови** как результата *духовного предательства* выпуклой деталью характеризует яркие персонажи стихотворений поэта, подчеркивая абстрактную, обобщенную семантику рассматриваемой лексемы:

– в описании исторических деятелей: «Рядом с бронзой царей, разжиревших на лжи и крови...» («Ожидание»);

– при создании ярких аллегорических образов человеческого равнодушия, ханжества и предательского отношения к правде. Согласные звуки речи персонифицируются и трансформируются поэтом в людей конформистского типа, согласных на любое предательство во имя своего покоя: «В застолье говорит ханжа слова прекрасные. На землю кровь течет с ножа, а мы – согласные» («Упражнение по фонетике»).

3. Кровь – символ *войны*. Данный семантический дериват обладает яркой отрицательной оценочной характеристикой и в поэзии Рождественского является численно превосходящим.

а) Новообразование, как правило, имеет выраженную окказиональную специфику и имеет прозрачные ассоциативные параллели с символическим значением красного цвета:

– массовый террор деспотии, поэтически сравниваемый с природными явлениями: «Крадущиеся по горам закаты жирные, кровавые» («Да осенит вас Южный Крест...»);

– накал Гражданской войны с ее братоубийственным противостоянием, в контексте которого разделение общества, семьи, друзей на красных и белых помимо цветового значения вторым планом выводит четкие параллели с войной и насильственным лишением жизни: «*Кровью* и выюгою кашляя, время спросило у каждого: «Ты за кого?...»» («Латышские стрелки»).

Наиболее распространенным синонимом колоратива *красный* в стихотворениях является *багровый* цвет, который становится зримым местом цветового пересечения ужасов войны, человеческой смерти и грозной красоты природы (закатов): «Плескалось *багровое* знамя, горели *багровые* звезды, слепая пурга накрывала *багровый* от *крови* закат, и слышалась поступь дивизий, великая поступь дивизий, железная поступь дивизий, точная поступь солдат!» («Реквием»);

б) приобретает двойственную характеристику прямого и символического прочтения лексемы, например, в стихотворении «Вечер у телевизора в Нью-Йорке» лексема **кровь** может иметь буквальное историческое (период обострения холодной войны между СССР и США) и авторское метафорическое прочтение. В основе языковой игры лежит представление об информационной войне, развернувшейся между странами, жертвами которой являются люди по обе стороны: «Ненавидят нас так, что страшно. Ненавидят нас так, что смешно...», «...убивают себя этой ненавистью! Топят. Губят свою страну!». Авторская аналогия средств массовой информации и оружия провоцирует цепную реакцию семантических превращений, реализованных путем подстановки в выбранную рамку устойчивой конструкции лексем, контекстуально антонимичных. Так «средства массовой *информации*» превращаются в «средства массового *уничтожения*», а «пятна *ненависти* на экранах» - в «пятна *крови* на мостовой». В этом контексте ключевая метафора: «*Кровь* горит, по газетам размазанная, - даже чувствуешь в пальцах жжение!..» предстает как лексема с мерцающим буквальным и символическим значениями, что придает стихотворению экспрессию взрыва.

4. Кровь – знак тяжелого физического труда. Появление крови на теле человека при отсутствии смертельного исхода в поэтическом мире Рождественского сопряжено с семантикой тяжелого физического труда. В этом аспекте необычным выразительным эф-

фектом обладает окказиональное переосмысление узуального сочетания *руки в крови*, как правило, обозначающего *моральную или физическую ответственность человека за чью-либо смерть*. Поэт использует это выражение в контексте описания тяжелого физического труда, что нейтрализует отрицательную оценочность выражения, сближая лексику **кровь** с номинацией *мозоль, рана*: «Смотри: уже крестьяне в пояс кланяются на хлопковых и рисовых полях... В слезах мои ладони и в крови... Я – инка. Я – твой раб» («Встречающая солнце» из миницикла «Молитвы инка»).

Дальнейшим развитием этого символического значения можно считать перенос этого наименования на нравственную, духовную сферу человеческой жизни и возникновение индивидуально-авторской номинации со значением духовного опыта человека.

5. Кровь – духовный опыт человека. Р. Рождественский – поэт с честным, тонким и искренним отношением к миру. На наш взгляд, отличительной особенностью его поэзии является позитивное отношение к любому жизненному испытанию и тому духовному опыту, который оно дает. Осознание своей нравственной позиции как глубоко гражданской и, в силу этого, тесно связанной с жизнью своего народа и страны приводят поэта к мысли о его личной цене самореализации и жизненного успеха.

По его мнению, это духовный опыт, полученный от личностного, неравнодушного отношения ко всему: «И плывет земля в метелях и громе. И судьба ее с твоей судьбой слита. Это все дается только *кровью!* А ее в человеке – пять литров...» («Ответ на записку из зала»).

В другом произведении эта мысль поэта обогащается культурно-историческими ассоциациями (красный цвет советского флага, который трактовался как символ крови, пролитой в борьбе за освобождение человечества от эксплуатации; кровопролитные бои ВОВ), что приводит к созданию синкретичного представления о **крови** – *опыте, объединяющем элементе для личной судьбы и трагической истории страны*: «Нахожусь ли в дальних краях, ненавижу или люблю, – от большого, от главного я – четвертуите – не отступлю. Расстреляйте – не изменю флагу цвета *крови* моей. Эту веру я свято храню девять тысяч нелегких дней. С первым вдохом, с первым глотком материнского молока эта вера со мной» («Нахожусь ли в дальних краях...»).

Отношение к цене знания, полученного путем горького опыта – впустую затраченных усилий, ошибок и заблуждений, стойких

человеческих жизней – является отличительной чертой поэтического мировоззрения Р. Рождественского. Актуализация в лексеме **кровь** имплицитного значения *цвета* (красный) и символического – *убийства, смерти*, создает сложный многогранный образ знамени, в котором красный цвет приобретает зримое воплощения *человеческого опыта*: жизней, положенных на алтарь истории: «Знамена наши перейдут к потомкам, бессмертным цветом озарив года. Еще краснее будут пусть! Но только чтоб не от *крови*. Чтоб не от стыда» («Письмо в тридцатый век»).

Близкое к этому представление поэта о **крови** как о *кровоавой смертельной дани*, которую платят люди за свои ошибки и заблуждения, мы можем видеть в стихотворении «Подражание бардам», реализующем контекстное противопоставление окказиональных антонимов *роса* (метонимически заменяющего номинацию *утро* – символ радостных надежд, молодости) и *кровь* (образный знак человеческих ошибок и трагедий): «Жизнь летит по шоссе, от любви до любви. Полпланеты – в росе. Полпланеты – в *крови*».

6. Кровь – знак духовного спасения через принятие идеи жертвенности и самопожертвования. Данный дериват представляется нам результатом окказионального преломления в творчестве поэта христианской идеи о крови как символе искупления человеческих грехов через самопожертвование Христа. Анализ творчества поэта с этой точки зрения позволяет говорить о значительной десакрализации религиозных символов в его мироощущении и использовании их в этом значении при создании выразительных художественных образов.

а) Индивидуально-авторская семантизация лексемы **кровь** происходит в стихотворении «Байкальская баллада». В момент смертельного выбора и признания близости смерти человек открыто проявляет свою сущность. Герои баллады, пассажиры тонущего катера, мокры от слез и дождя, но для поэта важна зримая деталь, подчеркивающая их душевное состояние и нравственный выбор, ими совершаемый (спасение молодой девушки). Сравнение *слез с кровью*, создает второй план реализации семантики лексемы, которая в данном контексте приобретает христианскую символичность понятия жертвенности: «Лица мокрые, будто в *крови*...» и усиливается синонимическим повтором: «И сказали... Живи... Выдержи... Выплыви».

б) В последних стихотворениях поэта лексема **кровь** тесно переплетается с семантикой номинаций *время* и *жизнь*, распространен-

ных на современность, историю страны и народа, приобретает символичность и глубину культурологической перспективы и включенности в религиозный контекст.

Ключевой номинацией лексема **кровь** становится в стихотворении «Ты меня в поход не зови...», где ее художественный образ становится символическим объектом и предикатом истории России и жизни русской нации во все времена и во всех формах существования: политике, истории, культуре, искусстве, религии, нравственности. Поэт осознает личную ответственность за все, что происходило и происходит вокруг, размышляет о судьбе своего поколения и народа в целом, используя для этого трансформированные им:

– узуальные сочетания: *руки по локоть в крови*: «Ты меня в поход не зови, – мы и так *по пояс в крови!*»; *на костях*: «*На крови* посреди земли тюрьмы строили и Кремли»;

– метафорические образы: «Над Россией сквозь годы-века шли *кравыые облака*»; «*Рекам крови* потерян счет... А она все течет и течет»;

– обозначения религиозных ритуалов, окказионально трансформированных поэтом в явления духовного порядка – причащение: «*Умывались кровью мы, причащались кровью мы*»; воздвижение храма: «*Воздвигали мы на крови гнезда ненависти и любви...*».

Тем самым в стихотворении создается один из самых проникновенных по своей глубине и трагической пронзительности образов сложной и противоречивой истории России XX века, в основе которого лежит семантическая трансформация лексемы **кровь**.

Таким образом, поэтическое пространство стихотворений Роберта Рождественского демонстрирует нам значительный потенциал семантико-деривационных возможностей номинации **кровь** и экспрессивную и смысловую значимость этой лексемы для выражения авторского замысла.

Список литературы

1. Жюльен, Н. Кровь // Словарь символов. Челябинск : Урал, 1999.
2. Словарь русского языка : в 4 т. Т. 2. К – О / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1986. 736 с.

References

1. Zhjul'en, N. Krov' // Slovar' simbolov. Cheljabinsk : Ural, 1999.
2. Slovar' russkogo jazyka : v 4 t. T. 2. K – O / AN SSSR, In-t rus. jaz.; Pod red. A. P. Evgen'evoj. 3-e izd., stereotip. M. : Russkij jazyk, 1986. 736 s.

3. Рождественский, Р. И. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1–3. Стихотворения; Поэмы; Песни. М. : Худож. лит., 1985.
4. Шейнина, Е. Я. Кровь // Энциклопедия символов. М., 2001.
5. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М. : Локид-Миф, 1999.
3. Rozhdestvenskij, R. I. Sobrańie sochinenij : v 3 t. T. 1–3. Stihotvorenija; Pojemy; Pesni. M. : Hudozh. lit., 1985.
4. Shejnina, E. Ja. Krov' // Jenciklopedija simvolov. M., 2001.
5. Jenciklopedija simvolov, znakov, jemblem. M. : Lokid-Mif, 1999.

**КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ»
В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ ЛЕОНЫ ЛЬЮИС**

К. А. Матусевич, Н. Ф. Ехлакова

В данной статье рассматривается концепт «любовь» в песенном дискурсе исполнительницы Леоны Льюис. Будучи базовой категорией любого языка анализируемый концепт аккумулирует в себе исторический опыт конкретной этнокультуры, но, реализуясь в концептосфере индивида, проявляет себя как индивидуальный. Описываются наиболее частотные реализации данного концепта.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, актуализация, дискурс.

В современной лингвистике на рубеже XX–XXI веков появляется большое количество научных работ, посвященных исследованиям культурно-специфичных феноменов, образующих языковую картину мира. Исследование концептов не теряет своей актуальности. Данный термин довольно широко используется в трудах российских и зарубежных ученых, каждый из них понимает «концепт» по-разному. Это и абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия (Соломоник, 1995), и объективно существующие в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера (Залевская, 2001),

В данной работе мы опираемся на определение, данное В.И. Карасиком, согласно которому «Концепты – ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [2. С. 7].

Вопрос актуализации концепта представляется одним из важнейших для лингвистов, так как именно вербализованный (актуализированный) концепт получает свое место в лингвистических теориях. Концепт может актуализироваться через языковые значения отдельных лексем, через фразеологический и паремийный фонд языка, а также в различных видах дискурса, например, в песенном.

Данная работа посвящена анализу концепта «любовь», которое, с одной стороны, как базовый концепт любого языка аккумулирует в себе исторический опыт той или иной этнокультуры, с другой стороны, реализуясь в концептосфере отдельного индивида, проявляет себя

как индивидуальный. В частности рассматриваются возможности лексической репрезентации концепта «love» («любовь»), а также особенности его функционирования в английском песенном дискурсе.

Что касается понятия «дискурс», то его роль в современной науке можно сравнить с ролью евро в европейской экономике. Действительно, данное понятие принадлежит разным научным парадигмам (когнитивной, психолингвистической, лингвостилистической, лингвокультурологической и так далее) и в соответствии с этим рассматривается по-разному.

В данной работе мы опираемся на определение Т. А. ван Дейка, где дискурс понимается как сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие» [1. С. 46].

Проанализировав толкование понятия «любовь» в различных гуманитарных науках, мы пришли к выводу, что в них любовь рассматривается как чувство и отношение к кому-либо, чему-либо. Несмотря на различные предметы и объекты исследования данных наук, при рассмотрении ими понятия «любовь» прослеживаются две точки зрения, которые отражают либо биологическое, либо духовное начало любви. В психологии, социологии и философии любовь рассматривается как эмоционально положительное чувство к субъекту, носящее избирательный характер.

Анализ языковой единицы «love» («любовь») показал, что данная языковая единица в силу своей многозначности имеет несколько лексико-семантических вариантов, каждый из которых, в свою очередь, обладает многочисленными синонимами: *tenderness, fondness, predilection, warmth, passion, adoration*.

В песнях Леоны Льюис можно встретить различные примеры понимания и представления о любви и возлюбленном. Рассмотрим самые частотные:

Любовь как кровь, текущая по венам. И любимый человек оставил её с открытыми ранами, из которых героиня продолжает источать любовь. “You cut me open and I keep bleeding, keep, keep bleeding love.” (song: Bleeding love, album: Spirit);

Любовь как дом, кров, без неё ей не найти приюта. “Without your love I’m homeless.” (song: Homeless, album: Spirit);

Любовь как рай, как святое блаженное место. “When we make love, it’s overwhelming. I just touch the heavens.” А возлюбленного она практически обожествляет, возвышает, повторяя “you’re an

angel, you're an angel". Он для неё как сладкий сон, от которого она не хочет просыпаться. "And I don't wanna go to sleep, 'cause you are like a dream" (song: Angel, album: Spirit).

Однако в своём следующем альбоме Леона Льюис представляет нам любовь в другом свете, наполняя свои песни печальным, задумчивым, а иногда и пессимистичным настроением:

Любовь как плен. Задавая вопросы самой себе, героиня пытается понять, готова ли она любить, даже если это значит несвободу. "Don't you love in vain, 'cause love won't set you free?" (song: Happy, album: Echo);

Любовь как возможность дышать. "And I can't breathe without you with me" (song: Can't breathe, album: Echo);

Любовь как лабиринт, как некое место, в котором можно заблудиться. "It's just not fair that I'm lost in your love." (song: Can't breathe, album: Echo);

Любовь как страдание, как испытание, от которого она хочет убежать. "I wanna run away from love. This time I have had enough." (song: Broken, album: Echo);

Любовь как защита, броня, одежда. И когда любимы уходит, то она чувствует себя обнажённой. "I'm naked without you." (song: Naked, album: Echo).

Таким образом, концепт «любовь» в песнях Леоны Льюис, с одной стороны, является отражением соответствующего национального концепта. С другой стороны, в нем мы находим отражение ее индивидуального восприятия этого чувства, что выражается в выборе лексических средств. Любовь – это сложное чувство, которое приносит боль, страдание, разочарование. Иногда приходится многое пережить, чтобы понять, что такое «любовь» и что значит любить. Любовь – это способность чувствовать и понимать мысли другого человека. И любить – значит быть одним целым, посвящая каждую секунду любимому человеку, который помог испытать это замечательное чувство.

Список литературы

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 312 с.
2. Карасик, В. И. Лингвокультурная концептология. Волгоград : Парадигма, 2009. 115 с.

References

1. Dejk, T. A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. M. : Progress, 1989. 312 s.
2. Karasik, V. I. Lingvokul'turnaja konceptologija. Volgograd : Paradigma, 2009. 115 s.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЭМОЦИИ КАК МОТИВАЦИОННАЯ ОСНОВА ДЕСТРУКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Я. А. Волкова

В статье дается определение деструктивного общения, рассматриваются конститутивные признаки ситуаций деструктивного общения, определяется роль эмоций как движущих мотивов деструктивной коммуникации, выделяются базовые эмоции, составляющие мотивационную основу деструктивного общения.

Ключевые слова: деструктивность, агрессия, деструктивное общение, ситуация деструктивного общения, мотивационная основа общения, эмоция, эмоциональный стимул.

О роли эмоций в человеческом общении написано и сказано немало. Долгое время изучением эмоций занимались философия, физиология и психология. Недостаточная разработка основных проблем, связанных с эмоциями (их параметризация, классификация, определение и т.п.) явилась основанием для появления многочисленных теорий эмоций, среди которых можно назвать биологическую теорию, разработанную П. К. Анохиным (эмоции рассматриваются как фактор приспособления организма к окружающей среде), потребностно-информационную теорию П. В. Симонова (эмоция является отражением мозгом человека какой-либо актуальной потребности и вероятности ее удовлетворения, которую мозг оценивает на основе генетического и ранее приобретенного индивидуального опыта), дифференциальную теорию К. Изарда и многие другие. Лишь последние десятилетия в лингвистике появилось новое направление – эмотиология, и эмотивная функция стала по праву считаться одной из основных функций языка.

В нашем исследовании деструктивной коммуникации мы опираемся на положение о том, что эмоции есть особая форма не только отражения действительности [3; 5; 6; 12 и др], но особая форма интерпретации действительности, так как как эмоции отражают отношение человека к ней, восприятие человеком окружающего мира,

а само *восприятие является интерпретирующим*. Известно, что существует два входа в сознание: один через восприятие, а другой через извлечение из памяти: в большинстве случаев люди говорят о вещах и событиях, извлеченных из памяти [8. С. 37–38]. **Существование эмоциональной памяти и эмоционального интеллекта** доказываются не только практическим опытом (К.С. Станиславский), но и рядом исследований (К. Изард, А. А. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. Ортони, Д. Гоулман и др.). В когнитивной теории эмоций выдвигается тезис о том, что фундаментальные эмоции образуют основные структуры сознания. Проф. В. И. Шаховским было убедительно доказано, что эмоции не просто зафиксированы в языковых средствах и находят отражение в человеческой коммуникации, но и определяют процесс коммуникации и являются одной из довербальных информационных структур и, в конечном итоге, мотивационной основой человеческого сознания [9; 10].

Последнее время в жизнь каждого из нас проникают сообщения о бесчисленных всплесках агрессии и насилия, о проявлениях бесчеловечности и жестокости к людям, животным, памятникам, природе. Объектом лингвистического анализа все чаще становится «язык вражды», «язык ненависти», проявления вербальной агрессии и языкового насилия. На ведущие позиции выходит деструктивное общения, основной постулат которого: «Я хозяин положения, а мой собеседник – жертва, и причинить ей боль любыми способами – доблесть». Несмотря на циничность такого заявления, именно подобный тип общения пропагандируется и насаждается СМИ и современным искусством, в экономике и политике, поощряется новыми социальными нормами в межличностной коммуникации: широкому распространению деструктивного общения способствуют социальные, политические, культурные и демографические факторы (социальные проблемы, высокая плотность населения в мегаполисах, влияние СМИ, насилие на экране, низкий уровень образования и воспитания и др.). Достаточно включить телевизор или потолкаться в транспорте, и у вас будут все основания полагать, что деструктивное общение отвоевывает все более значительное коммуникативное пространство во всех без исключения сферах человеческой коммуникации.

В психологии под понятие деструктивного общения попадают «формы и особенности контактов, которые пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения» [4. С. 271]. Это очень широкое понимание: при данном подходе к деструктивному

общению относят не только агрессивно-конфликтное и криминогенное общение, но и ложь, обман, манипулирование и «другие формы воздействия, направляемые корыстными мотивами» [4. С. 280]. Если рассматривать корыстную мотивацию как единственный критерий деструктивности общения, то практически любая ситуация общения может быть классифицирована как деструктивная – ведь кто-то из речевых партнеров всегда может извлечь выгоду из ситуации общения. Мы предлагаем понимание деструктивного общения, основанное на определении деструктивности, выдвинутом философом и психоаналитиком Э. Фроммом. В своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» Э. Фромм впервые сознательно разводит понятия агрессии и деструктивности, предлагая отличать «доброкачественную агрессию» как биологически адаптивную, способствующую поддержанию жизни, от «злокачественной агрессии» или деструктивности, не связанной с сохранением жизни [7. С. 163]. Если доброкачественная агрессия есть реакция на угрозу витальным интересам индивида, заложена в филогенезе, свойственна как животным, так и людям и возникает спонтанно, то деструктивность характеризуется полностью противоположными качествами, т.е. *не* является защитой от нападения или угрозы, *не* заложена в филогенезе, *не* свойственна животным, носит осознанный характер. Мы разделяем точку зрения Э. Фромма, что деструктивность не является врожденным человеческим инстинктом и теория врожденной агрессивности и деструктивности избавляет человечество от задачи поиска причин роста деструктивности в современной мире, «успокаивает нас и заявляет, что даже если все мы должны погибнуть, то мы по меньшей мере можем утешать себя тем, что судьба наша обусловлена самой «природой» человека и что все идет именно так, как и должно было идти» [7. С. 21]. Действительно, говоря, например, о межличностной коммуникации, проще и легче объяснить деструктивное коммуникативное поведение природной вспыльчивостью, филогенетически заложенным агрессивным инстинктом, нежели неумением контролировать свои эмоции и/или нежеланием руководствоваться в общении принципом эмпатии.

Основываясь на данном понимании деструктивности, мы относим ситуацию общения к деструктивному типу, если в ней наличествуют следующие четыре конститутивных признака:

1) деструктивная интенция: в основе деструктивного общения всегда лежит намерение причинить объекту физический или мо-

ральный вред любимым способом. Деструктивные интенции далеко не всегда «лежат на поверхности» - не каждый человек способен признать даже самому себе, что он сознательно и целенаправленно задевает чувства, унижает либо оскорбляет собеседника.

2) эмоциональный стимул: деструктивное общение *per se* стимулируется эмоциями «триады враждебности» [3. С. 290–312] и их производными.

3) реализация: деструктивность реализуется в трех основных типах ситуаций общения – ситуации открытого деструктивного общения, ситуации скрытого ДО, ситуации пассивного ДО (*классификация наша – прим. Я. А. Волковой*).

4) после завершения деструктивного события субъект испытывает чувство удовлетворения/ превосходства, положительно оценивая себя и свои вербальные/ невербальные действия.

Разъяснению второго пункта посвящена данная статья, ибо он вступает в противоречие с известной классификацией агрессивных действий А. Басса, который впервые ввел в психологическую науку понятие «намерение» (*intent*) и выделил два основных «намерения» агрессивных действий: намерение получить какое-либо «поощрение» (*reinforcer*) и намерение заставить жертву страдать [13. Р. 10]. Соответственно, А. Басс выдвинул тезис о наличии двух типов человеческой агрессии – «гневной» и «инструментальной». Первая стимулируется оскорблением, физической атакой или присутствием раздражителей, которые являются «ключами» к гневу, что, в свою очередь, приводит к агрессии. Вторая является продуктом соревнования или стремления заполучить нечто, чем обладает другой индивид, что выступает «ключами» к «хладнокровной» агрессии, намерение которой – выиграть соревнование или получить поощрение [*Ibid.*]. Таким образом, можно предположить, что инструментальная агрессия не мотивирована «деструктивными» эмоциями или что она вообще не мотивирована эмоциями, а лишь жаждой получить вознаграждение.

На самом деле, грань между рассматриваемыми видами агрессии настолько тонка, что ее едва ли можно провести вообще. В человеке *все* мотивировано эмоциями, «рассматривать человеческую природу, не учитывая силу эмоций, значит проявлять прискорбную близорукость» [2. С. 18]. Роль эмоционального стимула в деструктивном общении велика – эмоции определяют степень деструктивности в коммуникации и координируют процесс деструктивного общения. Эмоции наблюдаются и непосредственно через язык тела и опосре-

довано – через язык слов. Оба эти канала эксплицируют не только непосредственное эмоциональное состояние коммуниканта, но и его эмоциональный ментальный стиль и его эмоциональный дейксис [11]. Традиционно основными эмоциями, стимулирующими агрессивное поведение вообще и деструктивное поведение в частности, считаются три эмоции, составляющие так называемую «триаду враждебности» К. Изарда – гнев, отвращение, и презрение. Гнев и его разновидности представляют собой главный эмоциональный стимул агрессии, т.к. именно в контексте гнева совершаются многие агрессивные/ деструктивные действия. В работе Д. Гоулмана цитируются выводы американского психолога Д. Цилльманна, экспериментально изучавшего гнев и ярость. Д. Цилльманн нашел универсальный пусковой механизм гнева – чувство опасности, сигналом которой может быть не только прямая угроза нападения, но и символическая угроза самоуважению или чувству собственного достоинства [2. С. 102]. Д. Цилльманн также экспериментально доказал существование «волны» ярости – последовательного ряда провокаций, где каждая запускает возбудительную реакцию, которая затухает очень медленно [2. С. 104]. На практике это означает, что люди, которые уже были рассержены чем-то, гораздо более подвержены вспышкам ярости, которую становится трудно или невозможно контролировать. В такие моменты «люди неумолимы и не доступны доводам разума; все их мысли вращаются вокруг мести и ответных действий, и они полностью забывают о возможных последствиях» [2. С. 105]. **То, что происходит далее, есть деструктивность в действии, вербальном и/или невербальном, и мы все знакомы с ее последствиями.** Неконтролируемый характер гнева, ярости и других «агрессивных» эмоций отражен в теории катарсиса агрессивных эмоций, суть которой заключается в том, что выплеск эмоции наружу ослабляет эту эмоцию «изнутри» и улучшает самочувствие индивида, испытывающего данную эмоцию. Представления о катарсисе согласуются с самыми известными теориями агрессии и агрессивного поведения человека – психоаналитической и инстинктивистской. Обе эти концепции утверждают, что человеку необходимо освободиться от энергетической напряженности, накопленной вследствие раздражения, гнева и других подобных эмоций. При этом зло можно выместить на любом подходящем объекте/субъекте, а вовсе не на истинном обидчике. Идея катарсиса находит отражение в многочисленных литературных примерах:

Гнев и ярость, накопленные за многие годы, все равно искали выхода. (А. Томтосов. «Ходьба во имя свободы»)

Весь черный комок гнева и ярости, который собрался в ней за эти годы против Серго, она, как ей казалось, собрала в левую руку и крепко сжала его в горсти... (Л. Улицкая. Чужие дети)

Несмотря на то, что за последние десятилетия был проведен ряд исследований, доказывающих, что данное понимание катарсиса не поддается ни теоретическому, ни экспериментальному обоснованию, понятие катарсиса агрессивных эмоций наряду с представлениями о невозможности долго контролировать гнев, ярость и другие подобные эмоции необычайно глубоко укоренилось в сознании представителей западной цивилизации. По сути дела, языковая концептуализация эмоций группы гнева отражает именно эти представления¹.

Однако, здесь же уместно вспомнить слова Аристотеля о том, что не так-то просто уметь разгневаться на именно того человека, кто этого заслуживает, разгневаться до известных пределов, в надлежащее время, с надлежащей целью и надлежащим образом [1]. Данное высказывание содержит ключ к пониманию деструктивного характера этой эмоции: умение рассердиться вовремя и на нужного человека, умение контролировать силу гнева подразумевает *осознанный*, а не чисто биологический характер гнева и его производных. «Обдуманый» гнев опасен вдвойне, ибо он имеет под собой «уважительную» причину, оправдывающую последующие деструктивные действия.

Эмоциональным стимулом деструктивного общения могут выступать не только эмоции триады враждебности (гнев (раздражение, злоба, ярость), отвращение, презрение), но и сложные эмоционально-когнитивные комплексы, такие как ненависть, зависть, ревность, а также сложные кластерные эмоционально-когнитивные комплексы (любовь-ревность, любовь-ненависть, зависть-ревность) и т.п. Эмоциональная мотивация не всегда просматривается непосредственно в ситуации деструктивного общения. Приведем пример из романа на ветхозаветный сюжет А. Диамант «Красный шатер» (“The Red Tent”). Одна из четырех дочерей Лавана, Зелфа, не любит «хорошенькую Рахиль» (“The lovely Rachel”), завидуя ее красоте

¹ См. Волкова, Я. А. Агрессивный катарсис в концептуальном пространстве агрессии // Известия ВГПУ. Сер. Филологические науки. Волгогр. гос. педагогич. ун-т. 2009. № 7(41). С. 8–12.

и ревнует к Иакову. Используя страх Рахили перед первой брачной ночью с Иаковом, Зельфа уговаривает девушку послать вместо себя на брачное ложе старшую сестру Лию. В речи Зельфы нет никаких вербальных ключей, указывающих на ее глубоко скрытое негативное отношение к Рахили и ее деструктивные намерения – единственным ключом к пониманию ситуации выступает описание просодемы “*Ah, here comes the lovely Rachel*”, *she would say, vinegar in her voice.* (A. Diamant. The Red Tent) – (дословно «с уксусом в голосе»).

Подведем некоторые итоги. Деструктивное общение, в целом, определяется через агрессию в коммуникации и представляет собой тип общения, направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты. Важнейшим критерием отнесения ситуации общения к деструктивному типу является наличие эмоционального стимула: деструктивное общение всегда мотивировано эмоциональной составляющей, ибо эмоциональное сознание является способом деятельности индивида. Каковы бы не были деструктивные коммуникативные интенции, их движущими мотивами, несомненно, являются эмоции.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика. URL : // http://www.philosophy.ru/library/aristotle/nic_ethic.html (15.05.2012).
2. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект. М. : АСТ, 2008.
3. Изард, К. Эмоции человека. М. : Изд-во МГУ, 1980.
4. Куницына, В. Н., Казаринова, Н.В., Погольша, В.М. Межличностное общение : учеб. для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. СПб. : Питер, 2001.
5. Рейковский, Я. Экспериментальная психология эмоций. М. : Прогресс, 1979.

References

1. Aristotel'. Nikomahova jetika. URL : // http://www.philosophy.ru/library/aristotle/nic_ethic.html (15.05.2012).
2. Goulman, D. Jemocional'nyj intellekt. M. : AST, 2008.
3. Izard, K. Jemocii cheloveka. M. : Izd-vo MGU, 1980.
4. Kunicyna, V. N., Kazarinova, N.V., Pogol'sha, V.M. Mezhlchnostnoe obwenie : ucheb. dlja vuzov / V. N. Kunicyna, N. V. Kazarinova, V. M. Pogol'sha. SPb. : Piter, 2001.
5. Rejkovskij, Ja. Jeksperimental'naja psihologija jemocij. M. : Progress, 1979.

6. Рубинштейн, С. Л. Эмоции // Психология эмоций. Тексты. М. : Изд-во МГУ, 1984.
7. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : Республика, 1994.
8. Чейф, У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Радуга, 1983. Вып. XII. С. 35–73.
9. Шаховский, В. И. Эмоции – мотивационная система человеческого сознания // Языковое бытие человека и этноса. Вып.6. Москва-Барнаул, 2003.
10. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций : монография. М. : Гнозис, 2008.
11. Шаховский, В. И., Жура В.В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности / В. И. Шаховский, В. В. Жура // Вопросы языкознания. № 5. 2002. С. 38–56.
12. Шингаров, Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. М. : Наука, 1971.
13. Buss, A. Aggression Pays // The Control of Aggression and Violence. N.Y. ; London : Academic Press, 1971. P. 7–18.
6. Rubinshtejn, S. L. Jemocii // Psihologija jemocij. Teksty. M. : Izd-vo MGU, 1984.
7. Fromm, Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. M. : Respublika, 1994.
8. Chejf, U. L. Pamjat' i verbalizacija proshlogo opyta // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. M. : Raduga, 1983. Vyp. HP. S.35–73.
9. Shahovskij, V. I. Jemocii – motivacionnaja sistema chelovecheskogo soznanija // Jazykovoje bytie cheloveka i jetnosa. Vyp.6. Moskva-Barnaul, 2003.
10. Shahovskij, V. I. Lingvisticheskaja teorija jemocij : monografija. M. : Gnozis, 2008.
11. Shahovskij, V. I., Zhura V.V. Dejksis v sfere jemocional'noj rechevoj dejatel'nosti / V. I. Shahovskij, V. V. Zhura // Voprosy jazykoznanija. № 5. 2002. S. 38–56.
12. Shingarov, G. H. Jemocii i chuvstva kak forma otrazhenija dejstvitel'nosti. M. : Nauka, 1971.
13. Buss, A. Aggression Pays // The Control of Aggression and Violence. N.Y. ; London : Academic Press, 1971. P. 7–18.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНОЙ
СФЕРЫ «ВРЕМЯ» В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
«ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА»**

Л. П. Колоколова

Статья посвящена исследованию когнитивной научной парадигмы. В ней проблемы системности лексики анализируются с концептуальных позиций. В качестве основного объекта рассматривается функционально-когнитивная сфера «Время», представляющая собой принципиально новый тип организации лексики в рамках макроконцепта «Жизнь человека».

Ключевые слова: когнитивная семантика, антропоцентрическая парадигма, макроконцепт, функционально-когнитивная сфера, концепт «Время».

В лингвистических изысканиях, имеющих предметом исследования языка жизнедеятельности человека, указывается на теоретическую и практическую важность их изучения. Совершенно очевидно, что современный период развития лингвистики характеризуется все возрастающим интересом к лингвистической концепции, согласно которой в основе языковой деятельности находится человек. Человек – это некое звено, соединяющее реально существующий мир и язык, отражающий этот мир. Поэтому понимание феномена человека важно для любой науки, в том числе и для языкознания. На современном этапе развития науки целостной научной концепции человека пока не существует. Для нас важной является точка зрения на человека, согласно которой человек есть живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного.

В исследовании временных отношений делается упор на когнитивную функцию, позволяющую выделить системообразующие единицы разного объёма и показать их взаимодействие. В связи с этим описание лексики, репрезентирующей время, производится через понятие концепта. В настоящей работе под концептом понимается многомерное ментальное, национально-специфическое образование, включающее понятийный, образный, ценностный ком-

поненты и содержащее всю совокупность знаний об объекте. Категория времени включается в структуру «наивной картины мира» современного человека и репрезентируется в языковых единицах. На наш взгляд, расчленение мира в деятельностном аспекте находит отражения в объёмных функционально-когнитивных сферах (термин В. Г. Гафаровой и Т. А. Кильдибековой), которые представляют собой принципиально новый тип организации лексики.

Функционально-когнитивная сфера выступает в качестве обширных объединений слов, отличительными особенностями которых является объёмность, разноплановость, многоаспектность. Основу функционально-когнитивной сферы составляет макроконцепт, который проявляется в языке как многомерная и многоуровневая сущность. Каждый тип значения связан с общим понятием разнообразными смысловыми отношениями, проявляющимися на глубинном уровне. Выражая наиболее абстрактное глобальное значение, суперконцепт составляет вершину концептуального класса и представляет всю совокупность знаний об объектах и ситуациях во всем многообразии связей и отношений.

Целью данной статьи является системное рассмотрение сферы «Время» с новых функционально-когнитивных позиций, в которых отражаются различные аспекты конкретизации глобального макроконцепта «Жизнь человека».

Пространство и время издавна привлекали внимание человека прежде всего потому, что они определяли собой те границы, в которых развертывалась человеческая жизнь. Пространственные отношения в макроконцепте «Жизнь человека» проанализированы в статье Л. П. Колоколовой [1].

Для человека ощущение времени и собственное отношение к нему оказывается гораздо важнее, чем осознание времени как физической длительности; наполненность времени событиями и качество времени более существенны, чем его естественный ход. Для человека время не течет равномерно, «оно замедляет свой бег или вообще останавливается, когда ждешь, оно всегда убыстряется, когда куда-то спешишь. Приходится принимать время таким, каким оно дано каждому из нас, с его относительностью и ненадежностью» [2. С. 139].

Более подробно остановимся на реализации временных отношений в макроконцепте «Жизнь человека». Главным темпоральным словом в русском языке, объединяющим все остальные в единую область, является слово *время*.

В отношении главных слов рассматриваемой концептуальной сферы мы абсолютно согласны с мнением В. А. Плунгяна, который заметил, что «лексема *время* явно не желает вписываться в принятые рамки лексикологических трактовок» и «скорее всего, есть что-то в ее природе, что этому очень активно сопротивляется» [3. С. 160]. Для нас представляет интерес категория темпоральности с когнитивной точки зрения.

Темпоральность – это информационно-смысловой блок, который отражает восприятие и осмысление человеком обозначаемых ситуаций, событий и их элементов по отношению к определенной точке отсчета. Время представляет собой разветвленную сложную систему концептов, которая широко представлена в сфере бытия. В этом блоке выделяются прежде всего универсальные отрезки времени, периоды жизни, которые характеризуют бытие индивида.

Время издавна привлекала внимание человека прежде всего потому, что оно определило собой те границы, в которых развертывалась человеческая жизнь. В связи с этим, в функционально-когнитивной сфере темпоральности следует выделить информационно-смысловые блоки: общее понятие времени, ситуативное время, время жизни человека.

Рассмотрим каждый информационно-смысловой блок отдельно.

Первый семантический блок «общее понятие времени» в функционально-когнитивном словаре представлено характеристикой времени по отношению к месту его проявления. В качестве конкретизатора выступают имена прилагательные: *местное, московское, среднеевропейское время*. Слово сочетание *местное время* содержит семантический компонент «относящийся только к определенной местности, не общий»: *Часы показывают местное время*. В данной парадигматической группе в русском языке можно зафиксировать оппозицию «местное время – московское время», выступающее как часть к целому. Более того, семантическим конкретизатором словосочетания *московское время* выступает объект *куранты*, представляющий собой башенные центральные часы с музыкальным механизмом, показывающим точное время по всей стране. В анализируемой ситуации темпоральный аспект, представляющий общее понятие времени, взаимодействует с локальным аспектом, так как временные отношения характерны на конкретной территории.

Время воспринимается как постоянно изменяющаяся, динамическая категория: *Время идет (быстро, медленно), летит, тянет-*

ся (долго), как будто остановилось. Время образует развернутый фрейм интерпретации: *время можно беречь, экономить; выбрать, выделит, выкроить, не находить времени; использовать, терять, тратить, упустить время, назначить время, выиграть время, отнимать у кого-либо время, располагать, дорожить временем, время терпит, время не терпит.*

Ср.: *Пассажиры коротали время по-домашнему, совершенно спокойно: кто дремал, полулежа в кресле, кто читал газету или журнал... (Ю. Гончаров); И еще месяц прошел, и приблизилось время принести этот горький и сладкий оброк богу (И. Бунин); Нам нужно выиграть время, вот что нам необходимо (Э. Ремарк).*

Один из лексико-семантических вариантов лексемы *время*, указывающий на продолжительность, длительность чего-либо, измеряемая секундами, минутами, часами, находит выражение в конструкциях: *Сколько времени? Который час?*

Характеризуя информационно-смысловой блок «общее понятие времени», следует указать на различные аспекты его конкретизации: *время утреннее, дневное, вечернее, ночное, раннее, позднее, летнее, осеннее, зимнее, весеннее, дождливое, холодное, сухое, теплое.*

Сфера темпоральности тесно связана с функционально-семантической сферой деятельности, в которой фиксируются «рабочие отрезки» времени: *рабочий день, рабочая неделя, нерабочий день; час академический, часы учебные, обеденные; текущий год, урожайный, календарный, отчетный, финансовый.* Функциональный потенциал существительного *время* увеличивается за счет таких лексических единиц, как *декада, месяц, квартал, четверть, семестр, сезон.* Кроме того, в информационно-смысловой сфере «деятельность» следует выделить лексическую группу, представляющую специализированные временные отрезки: *смена, вахта, дежурство; лекция, урок; сессия; период (матча), матч, партия; тайм, сет, гейм.*

В семантическом блоке «общее понятие время» универсальными являются единицы измерения времени, передающие календарно-хронологические отрезки бытия и формирующие когнитивную модель цикличности времени: *год, месяц, неделя, сутки, день, час, минута;* наименование месяцев, дней недели. В языке находят отражения более объёмные и незначительные и в то же время неопределённые отрезки времени. Ср.: *эпоха (перестройки), период (реформ), эра (космонавтики), век (атома); миг, мгновение, момент, секунда.*

Таким образом, функционально-когнитивная зона «общее понятие времени» представляет собой следующие информационно-смысловые комплексы: единицы измерения времени, времена года, отрезки времени.

С точки зрения когнитивного содержания второй семантический блок «ситуативное время» представляет собой иерархическое строение и состоит из отдельных информационно-смысловых комплексов: настоящее, прошлое, будущее; длительность; последовательность; регулярность.

В таксономический ряд, объединенный семантическими конкретизаторами «предшествование; теперешний, происходящий в данный момент время; предстоящий», входят лексемы *прошлое, настоящее, будущее*.

Ср.: *Тут я спохватился, что слишком любезно слушаю это привидение из моей прошлой жизни* (В. Набоков); *За своё будущее он был вполне спокоен: уж если какая-нибудь из этих девиц выходила замуж, то на такую можно положиться. Их них выходили верные спутницы жизни* (Э. Ремарк). Каждая названная выше лексема может расширять свою сферу употребления за счет различных лексико-семантических вариантов и сочетаемостных возможностей, что позволяет говорить о объёмных информационно-смысловых структурах.

Третий семантический блок «время жизни человека» включает возраст, возрастные группы, периоды жизни, поколения, продолжительность жизни, конец жизни. В представленном семантическом блоке необходимо выделить ряд слов, обозначающих периоды, «нормативный цикл жизни человека»:

детство (далёкое), отрочество, юность, молодость (ранняя), старость; в детстве, в юности, в молодости, в старости; в детские, юные, юношеские, молодые, зрелые годы; лексико-семантическую группу, обозначающую фазы «жизни»: на закате лет, на склоне лет, начало, конец, середина жизни. Временной план реализуется в лексико-семантической группе имен, обозначающий возраст человека: дети/взрослые; ребёнок (грудной, двухмесячный, годовалый и т.д.); мальчик, девочка; подросток; юноша, девушка; мужчина, женщина; старик (глубокий, древний, дряхлый), старуха; человек молодой, немолодой, взрослый, пожилой, средних лет, старый, престарелый; возраст – грудной, младенческий, ранний, детский, юный, юношеский, молодой, зрелый; поколение – молодое, старшее. Вы-

деленные таксономические ряды позволяют говорить о взаимодействии категории времени с субъектом, занимающим значительное место в функционально-когнитивной сфере бытия.

Итак, можно надеяться, что намеченные пути динамического описания временных отношений будут способствовать составлению макроконцепта «Жизнь человека», различные аспекты которого найдут отражения в функционально-когнитивном словаре – идеографическом словаре активного типа.

Список литературы

1. Колоколова, Л. П. Роль категории пространства в макроконцепте «Жизнь человека» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 143. СПб., 20011. С. 106–116.
2. Крейдлин, Г. Е. Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 139–151.
3. Плунгян, В. А. Время и времена: К вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 158–169.

References

1. Kolokolova, L. P. Rol' kategorii prostranstva v makrokoncepte «Zhizn' cheloveka» // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. № 143. SPb., 20011. S. 106–116.
2. Krejdlin, G. E. Vremja skvoz' prizmu vremennyh predlogov // Logicheskij analiz jazyka. Jazyk i vremja. M., 1997. S. 139–151.
3. Plungjan, V. A. Vremja i vremena: K voprosu o kategorii chisla // Logicheskij analiz jazyka. Jazyk i vremja. M., 1997. S. 158–169.

НОМИНАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ ОРУДИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ

М. Н. Лату

Объектом настоящего исследования выступают термины, вербализующие объекты искусственной природы, являющиеся результатом производственной деятельности человека, в частности инструменты и орудия, в противоположность естественным объектам, а также терминам, называющим абстрактные понятия. В статье анализируются факторы, влияющие на терминологическую номинацию, структурные и семантические особенности данного вида терминов.

Ключевые слова: термин, типология, понятие, мотивация, метафора.

Терминологическая лексика неоднородна по своему составу. На настоящий момент существует значительное количество классификаций терминов, отражающих особенности их появления и функционирования в языке. Мотивированность языкового знака выступает в качестве семиотической опоры, благодаря которой в языковых формах закрепляются связи и ассоциации о называемых объектах [2]. Таким образом, процесс создания нового имени предполагает выбор из множества признаков, характеризующих референт, одного ключевого, доминирующего свойства, рассматриваемого как наиболее значимая его особенность [1]. Представляется, что одним из факторов, оказывающим влияние на процесс терминотворчества являются особенности и вид номинируемого понятия. Интерес в этой связи представляют терминологические единицы, вербализующие объекты искусственной природы, являющиеся результатом производственной деятельности человека в противоположность естественным объектам, а также терминам, называющим абстрактные понятия.

В зависимости от сложности структуры референтов термины, вербализующие искусственные объекты, подразделяются на два класса: единицы, номинирующие орудия труда или инструменты, и термины, вербализующие механизмы различной сложности. Данное обстоятельство определяет особенности восприятия, так, например,

референты терминов-инструментов не сами выполняют функцию, ради которой они создавались, как это имеет место у референтов-механизмов, а призваны служить орудием для достижения конкретных целей, связанных с физическим трудом человека. Отличие же естественных референтов от искусственных проявляется в том, что научное знание о первых развивается и усложняется по мере изучения их человеком, в то время как искусственные референты, в частности референты-инструменты, изначально создаются для решения конкретной задачи, определяющей некоторый объем знания о создаваемом объекте.

Тем не менее, указанная природа создания таких референтов не во всех случаях равнозначно оказывает влияние на особенности терминологической номинации, вследствие чего представляется необходимым рассматривать отдельно номинацию сложных по структуре инструментов и их составляющих. К последним относятся референты, представляющие собой детали или объекты, соотносимые с применением инструментов. Такие отдельные части сложных орудий, по своей сути, являются простыми инструментами, поскольку каждый из них имеет свое непосредственное предназначение в структуре сложного орудия и так или иначе используется или находится под воздействием человека.

Термины-инструменты представляют собой общность референтов, создаваемых для конкретных целей и использования в определенных условиях. Их существование призвано усовершенствовать деятельность человека и способствует развитию данной области научного знания. Такие референты отчасти возникают в результате совершенствования уже существующих объектов в системе науки. Вследствие этого, создавая такой объект, человек руководствуется определенным объемом знания о его функциональном предназначении, особых характеристиках формы, месте среди смежных объектов сферы, к которой он относится. Таким образом, при номинации могут учитываться сущностные характеристики, которые вкладывались в разработку референта. По этой причине отразить в термине наиболее существенные признаки референта представляется более простой задачей при номинировании искусственных объектов, в противоположность естественным. Когнитивные связи, формируемые при этом, отражаются в имени референта и служат основой при восприятии, как отдельных элементов системы, так и их корреляций в данной системе научного знания в целом.

Некоторые отличия в терминологической номинации обнаруживают лексические единицы специализированной лексики, вербализующие детали орудий, которые были выделены как отдельные элементы реальности в результате разложения сложных орудий на отдельные составляющие. Такая ситуация наиболее характерна, когда тот или иной инструмент или механизм заимствуется из одной культуры в другую. Когда же впоследствии в результате развития научного знания происходит членение его структуры с оптимизацией или упразднением некоторых ее элементов возникает проблема номинации данных составляющих. Терминологическая номинация в данном случае основывается на восприятии выделенных референтов как естественных объектов реальности, которая имеет вторичную природу по отношению к существующей действительности.

Также, создавая тот или иной инструмент, человек руководствовался определенной целью, задачами, которые определяли целостный образ. Таким образом, инструмент задумывался как единое целое. При последующем развитии научного знания, происходило совершенствование сущностных особенностей референта, как результат изменения внешних условий и требований к выполняемым функциям. Данный факт неизменно приводил к членению целостной структуры референта на отдельные составляющие. Каждый элемент такой сложной структуры предстал как отдельный элемент реальности, функции которого определялись в рамках сущности референта, структурной единицей которого он являлся. Поэтому выделенный из структуры и рассматриваемый независимо от нее, данный элемент становится новым референтом, воспринимаемый как единица реальности. Терминологическая номинация при этом происходит на основании описания референта как элемента существующей реальности, что сближает данную группу с естественными референтами. Таким образом, происходит познание и более глубокий анализ сущности референта за счет разложения его структуры на отдельные составляющие. Происходит членение вторичной природы, на этот раз созданной человеком.

Интенциональность, которой руководствуется субъект номинации, проявляется в соотношении референтов, созданных человеком, с объектами окружающей действительности посредством метафорического переноса. Сущность данных референтов заключается в их зависимости от других составляющих более сложного референта, в который они входят структурными единицами. Описывая ту или иную деталь, субъект номинации видит в ней не системный рефе-

рент, а образ окружающей действительности. Выделенный референт позиционируется как один из объектов окружающей действительности, познаваемый посредством устанавливаемых логико-семантических ассоциативных связей с объектами реальности в рамках наивной картины мира.

Ключевой мотивирующий семантический компонент подбирается на основе признаков референта, которые позволяют включить данный референт в индивидуальную наивную картину мира субъекта номинации. Включение данного референта в систему как важной составляющей для развития научного знания на его основе снижает значимость ключевого мотивирующего семантического компонента, однако, когнитивные связи, образуемые им при терминологической номинации, сохраняются и указывают на его соотнесенность с объектами наивной картины мира.

Процесс терминотворчества опирается на объем знаний, известных о номинируемом искусственном объекте и, в первую очередь, на цель его создания или другими словами функции, которые он выполняет. Например, военный термин **assault rifle** – «штурмовая винтовка» имеет классифицирующий терминологический элемент *assault* – «атаковать, идти на приступ», тем самым указывая на область применения, которая представлялась наиболее значимой на момент номинации; термин программирования **operator**, образован от глагола *to operate* – «приводить в действие, управлять» и означает основную конструкцию языка программирования, представляющую собой команду, для выполнения ряда действий. **command line, white-space marker**

Очевидно, что граница между терминами-инструментами и механизмами в некоторой степени размыта, поскольку постоянно происходят процессы усложнения структуры разрабатываемых моделей устройств, что в свою очередь оказывает влияние на особенности восприятия и, как следствие, терминологической номинации. Таким образом, размер и сложность структуры искусственных объектов играет важную роль в процессе терминотворчества. Например, термин **machine-gun** – «пулемет», содержит терминологический элемент *machine*, указывающий на его механическую работу, по мере совершенствования моделей появляются легкие ручные пулеметы - **light machine guns**, пистолет-пулемет – **submachine gun**, представляющие собой индивидуальные виды оружия. **archiver**

От того, вербализует ли термин само орудие или его деталь также зависят некоторые особенности терминологической номинации.

Так, например, термины, вербализующие орудия и инструменты во внутренней форме нередко содержат указание на связь с родовым понятием. Например, **non-carbon nanotube** – «неуглеродные нанотрубки», где термином, вербализующим родовое понятие является *nanotube*; в качестве другого примера можно привести термин из области программирования: **subfunction** – «подфункция» и др. Таким образом, процесс терминотворчества опирается на предшествующий научный опыт, полученный в конкретной области знания. Термины, вербализующие детали орудий и инструментов напротив нередко отражают обыденный опыт посредством метафорического переноса или переосмысления действий, например, термин **barrel** – «ствол огнестрельного оружия, дуло», в основе которого лежит метафора «бочка» (при этом в русском языке термин **дуло** образован от глагола «дуть»). Рассматривая такие метафоричные термины нельзя обойти вниманием факт, что при их создании учитывается оппозиция «часть-целое», в соответствии с чем переосмысливается семантика лексем, вербализующих сходные по функциям и форме объекты. Например, термин **barrel** является многозначным и имеет терминологические значения в других сферах знания: в медицине «барабанная полость уха», в технических науках «барабан, вал, цилиндр», где также вербализует составляющую часть целого (для сравнения можно рассмотреть терминологические значения лексемы **барабан** в русском языке). Объектом переосмысления терминов, вербализующих инструменты, выступают орудия, используемые в быту или других профессиях. Например, **Russian dolls** – «матрешки – структура из однослойных нанотрубок, вложенных одна в другую», **file folder** – «папка – экранный объект, дающий доступ к каталогу файловой системы» и др. При этом в качестве терминоэлементов могут выступать термины других областей знания, например, **nano-asterix**, **nanofiber**, **nano-alloy**, **nano-drug**, **nano-circuit** и др.

Одной из отличительных особенностей терминов-инструментов является взаимосвязь с номенклатурными единицами, что позволяет определить их как коррелирующие пласты специализированной лексики с прозрачной границей. Номены, вербализующие детали инструментов встречаются реже. Таким образом, если инструменты в большей степени привязаны к определенной профессиональной сфере, то их составные части нередко вербализуются техническими или междисциплинарными терминами. Активное развитие научно-технического прогресса в XX веке способствовало появлению в со-

ставе терминологий значительного количества терминов-эпонимов и терминов-аббревиатур, используемых для вербализации преимущественно инструментов и орудий, нежели их составляющих, например, **Heckler&Koch G3A3, АК-47** и др.

Список литературы

1. Зубкова, О. С. Специфика функционирования медицинской метафоры и медицинской метафоры-термина в индивидуальном лексиконе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 84–89.
2. Харитончик, З. А. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование: избранные труды. Минск : МГЛУ, 2004. 367 с.

References

1. Zubkova, O. S. Specifika funkcionirovanija medicinskoj metafori i medicinskoj metaforo-termina v individual'nom leksikone // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2006. № 3. S. 84–89.
2. Haritonchik, Z. A. Ocherki o jazyke. Teorija nominacii. Leksicheskaja semantika. Slovoobrazovanie: izbrannye trudy. Minsk : MGLU, 2004. 367 s.

**ЯЗЫКОВАЯ ЭКОНОМИЯ В АНГЛИЙСКОМ
СУБСТАНДАРТНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕДУПЛИКАЦИИ)**

М. И. Мехеда

В статье рассматриваются универсальные разноуровневые аспекты проявления языковой экономии в субстандартном словообразовании. Предпринимается попытка выделить параметры проявления языковой экономии на материале английской редупликации на фонологическом, семантическом, стилистическом, прагматическом уровнях.

Ключевые слова: субстандарт, словообразование, редупликация, языковая экономия, иконичность.

Предлагаемая статья рассматривает разноуровневые проявления языковой экономии в субстандартном словообразовании на материале редупликации как стилистически маркированного способа словообразования в английском языке.

Под субстандартной лексической подсистемой мы вслед за Л. Соудеком понимаем «коллоквиально-просторечный, стилистически-сниженный лексический слой современного языка без различия территориальных, социальных и функциональных лексических подгрупп» [9. С. 30]. Данный пласт характеризуется антитетическим влиянием процессов дихотомии «экономия vs. избыточность», среди которых мы выделяем полисемичность, стилистическую маркированность способов словообразования, развитую систему заимствований из других языков, а также из пластов родного языка, формальную поливариативность, синонимическую избыточность, экспрессивность, аксиологичность разноуровневых единиц подсистемы.

К особенностям субстандартного словообразования следует отнести: активность индивидуального словотворчества (создание окказионализмов, обусловленных ситуацией общения, по имеющимся в языке словообразовательным моделям); развитую систему семантической деривации; а также продуктивность способов словообразования, экономически выгодных как коммуниканту, так и реципи-

енту благодаря своей информативности и экспрессивности. Экономичность выражается в ускоренном декодировании информации за счет иконически закреплённой стилистической сниженности, иконической закреплённости определенных значений за инициальными звукосочетаниями, кодированием ряда аспектов информации за разноразноуровневыми единицами. К подобным способам словообразования относится редупликация.

Под редупликацией в данной статье понимается фономорфологический способ образования нового слова в сочетании с ярко выраженной стилистической коннотацией, где повтор имеет функцию модификации значения компонентов слова.

Зачастую внешняя форма редупликатива является основополагающей, так как для многих редупликативных образований (так называемых немотивированных редупликативов) она является единственным носителем значения. С этой точки зрения избыточность внешней оболочки представляется необходимостью. Как подчеркивал И. Р. Гальперин, «форма играет существенную роль в оценке самого содержания: именно она нередко помогает раскрыть те признаки описываемого явления, которые раньше оставались незамеченными» [3. С. 30].

Сложная структура формы редупликатива предполагает более емкое, сложное содержание по сравнению с симплексами, при этом для объяснения сложной единицы требуется «более развернутое семантическое представление» [7.С.426]. Подобная сложная форма позволяет редупликативам нести большее количество основной и дополнительной (кодирование информации о возрасте, поле, профессии, эмоциональной и оценочной нагрузки) информации по сравнению с простыми лексическими единицами.

Таким образом, предпочтительность редупликатива с точки зрения экономии усилий определяется следующими параметрами:

- 1) низкая частотность;
- 2) иконическая закреплённость идеи (собирательности, диминутивности, интенсификации признака/экспрессивности);
- 3) аксиологичность (закреплённость оценки, чаще всего отрицательной);
- 4) наличие дополнительной информации (возраст говорящего, пол, возраст реципиента в процессе акта коммуникации, профессиональные интересы и социальный статус говорящего или реципиента и т.д.).

Выделенные параметры редупликатива позволяют использовать данные лексические единицы в речи в качестве экономически выгодного материала с точки зрения декодирования информации, а также с точки зрения экономии умственных усилий при создании окказиональных редупликативов.

Иконическая закреплённость ряда идей.

Благодаря избыточности формы редупликатива, достигается многоплановость значения, объединяющего звуко-символизм формальной оболочки элементов редупликатива со смысловой составляющей. Значительное место исследованию явления звуко-символизма отводилось в трудах отечественного лингвиста С. В. Воронина, чья концепция определяла в качестве звукоизобразительных не только те слова, «которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически «мотивированной» связью «между звуком и значением», но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется [2. С. 22].

При анализе словарных дефиниций редупликативов в английском языке был выявлен ряд закономерностей, позволяющих говорить о закреплённости определенных значений за некоторыми инициальными сочетаниями (Таблица 1).

Таблица 1

Соотношение иконически закреплённых значений и инициалей компонентов редупликативов

Идеи, закреплённые в инициали одного из компонентов редупликатива	Английские редупликативы
Редупликация как маркирование идеи собирательности	Редупликативы с инициальным «h» hoi-polloi, helter-skelter, harum-scarum, hob-nob, hodge-podge, hurly-burly, hoity-toity, hocus pocus, hustle (and) bustle, hullabaloo, humdrum

<p>Идея движения и направленности</p>	<p>«h» инициаль Hip-hop, hither-and-thither, hippetty-hoppetty, hob-nob, hot to trot, hustle and bustle</p> <p>«f» инициаль Fig-fig, fizz-fuzz, flim-flam, fling-wing, flip-flop, fly-fly</p> <p>«w» инициаль Wham-bam, whing-ding, whooper-dooper, wibbly-wobbly, wiggle-waggle, wig-wag, wim-wams</p>
<p>Идея отрицательной оценки</p>	<p>«g» инициаль Gaga, goon-platoon, gang-bang, goody-goody, goober-grabber, goo-goo, gruesome-twosome, gum-gum</p>
<p>Идея отношения к алкогольным или наркотическим средствам</p>	<p>«w» инициаль Boozy-woozy, dizzy-wizzy, ping-wing, snozzle-wobbles, whing-ding, wibbly-wobbly, whacky-(tob)backy</p>

Инициальный звук «w» встречается в 47 компонентах редупликативов, выделенных нами; зачастую подобные редупликативы отмечены наличием негативной коннотации (*spooky-wooky* – африканец, *nasty-wasty* – вредный), а также связаны с идеей неустойчивости, переменчивости (например, *wibbly-wobbly* – еле стоять на ногах в состоянии алкогольного или наркотического опьянения; *snozzle-wobbles* – похмелье).

Следует также упомянуть суффикс «-у», который зачастую используется в конечной части компонента редупликатива для создания рифмы и придания оттенков значения (уменьшительно-пренебрежительного или насмешливого), например, *lovey-dovey* – любимая, любимый, любовь; *teeny-weeny* – крохотный. Нередко на письме суффикс -у изображается графическим вариантом – ie, являющимся стилистически маркированным (*tootsie-wootsie* – привлекательная девушка, куколка).

Звук [h] в качестве инициали английских редупликативов обнаруживает иконически закрепленные семы «собираемости» (*hodge-podge*), «движения» (*hot to trot*). Безусловно, явление звуко-косимволизма является зачастую основополагающим в процессе

оказионального словообразования в субстандарте, но проследить наличие или отсутствие подобных закрепленных значений можно только в условиях этимологического анализа и психолингвистического эксперимента.

Для редупликации характерно наличие большого количества слов с «размытой» семантикой, т.е. слова, «выступающие на месте почти любого слова» [5. С. 37].

Редупликаты с подобной обобщающей семой нередко используется в речи в качестве емкого обозначения большого числа предметов или объектов, в ситуации, когда говорящий в связи с невозможностью или нежеланием найти более точное слово-определение или из-за недостатка времени, а также для придания большей выразительности своему высказыванию заменяет перечисление редупликативом: *blah-blah* (бессодержательный разговор), *flim-flam* (различного рода обман), *fender-bender* (мелкая авария, неприятность) и т.д.: «I had to leave when John's and his girlfriend started getting all *boo boo be boo* with each other» [URL: <http://www.urbandictionary.com>, дата обращения 25.01.2010г.], где «*boo boo be boo*» - выражение нежных чувств, воркование, «нежности-белоснежности».

Часть редупликативов с размытой семантикой выступает в качестве заместителей и способна заменить другие слова в высказывании, сближаясь, таким образом, с классом местоимений. Часть редупликативов с размытой семантикой выступает в качестве заместителей и способна заменить другие слова в высказывании, сближаясь, таким образом, с классом местоимений. В качестве таких заместителей выступают нередко редупликативные местоимения и наречия: *hither and thither*.

Полисемичность структуры значения редупликатива.

Смысловая многокомпонентность в структуре значения редупликатива связана с его сложной формальной организацией, зачастую опирающейся на словосложение, что предполагает, как мы уже указывали, наличие большего объема содержания по сравнению с симплексами. Подобная полисемность (включающая стилистическую сниженность и вещественные семы) нередко теряется при попытке перевода на кодифицированный литературный язык, так как для достаточно близкой интерпретации всего семного набора требуется привлечение дополнительных языковых средств. Именно благодаря сложной структуре редупликативы являются емкими лексическими

единицами, не имеющими односложных аналогов в стандартной лексической подсистеме, и требуют использования дополнительных средств для точного объяснения значения редупликатива. Подобные лексические единицы, не имеющие синонимичных однословных наименований в литературном стандарте, получили название универбов: «Словарное толкование универбов носит описательный характер» [1. С. 80]. Аналоги же в свою очередь представляют собой стилистические синонимы единиц литературного стандарта. Основное отличие между аналогами и универбами состоит в доминировании коннотативного аспекта в значении аналогов, в связи с чем они недолговечны, заменяясь на новые, более экспрессивные «свежие» синонимы. Универбы потенциально долговечнее, с течением времени они нередко входят в литературный стандарт.

Редупликацию можно определить как стилистически маркированный способ словообразования, т.е. основная часть редупликативов входит в субстандартный пласт лексики, редупликативные образования представляют собой синонимы единиц стандартной лексики. Однако часть редупликативов является уникальными единицами, не имеющими аналогов в литературном стандарте, поэтому данные универбы с течением времени вошли в состав литературного языка: *backpack*, *bric-a-brac* (заимствование из французского языка). К редупликативам-универбам относятся по большей части слова, обозначающие какое-либо обобщенное или собирательное понятие для группы предметов (*hoity-toity* – сливки общества, элита; *hoi polloi* – народные массы, простонародье (пренебреж.); *mifky-pifky* – тайная сексуальная связь, романтические отношения).

Тем не менее, следует отметить, что большинство редупликативных образований – универбов, несмотря на возраст многих из них, так и остаются маргинальными единицами и помечены в словарях как разговорные или просторечные (*informal*). Разговорная речь насыщена такими редупликативными универбами, емкими по своему содержанию: «*claptrap*» – «болтовня, фраза, рассчитанная на дешевый показной эффект»: «...our meeting was quite **innocent**. A few kisses, a lot of sentimental *claptrap*, undying love» [15.С.88].

Среди проанализированных нами редупликативов мы выделили 98 подобных редупликативов-универбов в английской словообразовательной системе: *shock-jock* – теле- или радиопередача, привлекающая внимание аудитории намеренным использованием ненормативной лексики, вульгарных тем и т.д.; *trunky-monkey* – человек,

вынужденный путешествовать в багажнике из-за перегруженности салона. Редупликатив представляет собой конгломерат значимых основ (корней), или же морфем, фонологические особенности которых имеют звукоизобразительное значение.

Интенсификация признака как иконически закрепленный компонент значения редупликатива.

Значительная часть редупликативов представляет собой стилистические синонимы слов литературного стандарта, отличающиеся большей экспрессивностью и дополнительной уничижительной окраской, например, *nasty* (отвратительный) – *nasty-wasty* (ужасный), *prattle* (болтовня) – *prittle-prattle*- (болтовня, пустой разговор): «Sir, please, sir, *easy-peasy*, sir. I said, shooting my hand up in the air» [14.C.253], где *easy-peasy* – от «easy» (проще-простого) – повтор выполняет интенсификационную и экспрессивную функции.

Интенсифицирующая функция редупликатива является зачастую определяющей при выборе данной лексической единицы в процессе высказывания. Субстандартный редупликатив может выполнять функцию доминирующего коммуникативного центра высказывания, быть носителем основной информации и эмфатической нагрузки, как, например, знаменитая фраза У. Черчила: «It is better to *jaw-jaw* than to *war-war*» (The New York Times, June 27, 1954).

Иконическая закрепленность за редупликацией идеи интенсификации признака наиболее ярко выражена в редупликативах, образованных по модели словоудвоения, где прием редупликации может быть определен как лексико-морфологический способ интенсификации признака, при этом интенсификация признака максимальна и редупликатив рассматривается нами как единица, маркированная наличием семы интенсивности (термин И.И. Туранского [10.C. 52]), противопоставленная однокоренному симплексу. Экспрессивность любого восклицания может быть усилена посредством подобного повтора: «He stamps through to the kitchen muttering: *Arsey pant-pant bollocky damn*» [14.C.140].

Редупликатив как носитель оценки.

С экспрессивным компонентом значения редупликатива тесно связан оценочный компонент, присутствующий в большинстве редупликативов. Обладая широким коннотативным спектром, редупликатив способен выразить эмоционально-оценочное отношение

говорящего к предмету обсуждения, где в основе эффекта оценки (положительной или отрицательной) лежит противопоставление «стандарта» бытия, выражаемого нейтральными синтаксическими конструкциями и лексическим материалом, с одной стороны, и редупликативом, с другой. Оценочный (в большинстве случаев по-оративный) компонент является для большинства редупликативов постоянным признаком, однако, для schm-редупликации подобная закреплённость отрицательной оценки закреплена иконически: Окказиональные schm-редупликативы – распространенное явление для разговорной речи, а также для письменно-фиксированных текстов чатов и блогов Интернета (отрывок сообщения пользователя Omar Aviles: «If Eowyn had hooked up with Aragorn, we would have seen more of her, right? I know, I know, that's not how the book plays out. Yeah well, *book-schmook*, gimme some more Miranda Otto!» [URL: <http://www.joblo.com/index.php?id=5466>, дата обращения 11.11.2009]). Эмоционально-оценочная составляющая значения редупликатива представляет собой, возможно, определяющую часть значения, учитывая такую особенность редупликатива, как его звуковую оболочку.

Редупликатив как носитель дополнительных значений.

Типичной чертой субстандартной лексики является семантический синкретизм и полисемность [5. С. 33]. В. И. Заботкина подчеркивает закодированность в субстандартных единицах таких стратификационных параметров, как социальный, территориальный, возрастной и половой [4. С. 57].

Прагматический компонент значения зачастую совмещает эмоционально-оценочную составляющую и закодированную информацию о социальном статусе говорящего, возрасте, поле, этническом типе. Таким образом, при равных условиях, т.е. при равнозначности денотативной составляющей средства выражения, «индивид отдаст предпочтение той единице, параметры которой будут соответствовать его социальному статусу, позиции в ролевой структуре общения, отношению говорящего к предмету и адресату общения» [12. С. 204].

Возраст говорящего закодирован в многочисленных редупликативах-ономатопах сферы «детской речи». С. М. Лойтер подчеркивает игровое начало структур ономатопеических слов: «Ономатопея - высокоорганизованная игровая форма речевой коммуникации. Игра становится инструментом овладения языком. Игровая функ-

ция слово-образов, словозвуков, их повторяемость, основанная на принципе эквивалентности, соединяется с эстетической функцией. Сuggestивность ономотопеи несомненна: когда ребенок слышит «трах-трах», он видит некую картину» [8. С. 21]. Английский язык содержит значительное количество редупликативных образований звукоподражательного происхождения, часть из них зафиксирована в словарях (*yum-yum*, *tum-tum*), большая часть носит окказиональный характер.

Возрастной аспект также проявляется в употреблении редупликативов со звукосимволической основой, образованных псевдоморфемами, (*beddie-weddie* – кровать, *din-din* – обед, *chop-chop* – поторавливаться).

Использование в речи взрослых как редупликативов-ономатопов, так и звукосимволических редупликативов зачастую говорит о семейном положении (наличие детей в семье) говорящего либо о сфере его профессиональных интересов (возможно связанных с общением с детьми), а также об определенном отношении к предмету разговора (любовь, нежность): «...she was focused on the cat. “The little fella, she crooned. “My *fuzzy-wuzzy* honey, isn’t he?”» [14. С. 39], где «*fuzzy-wuzzy*» - «пушистик» - ласковое обращение к коту.

Принадлежность к этническому социуму ограничивает употребление редупликатива по линии стратификационной вариативности. Так, например, использование редупликатива «*nail'em-&-jail'em*» (полицейские) ограничено рамками узуса афроамериканского населения. Мы также можем говорить об использовании редупликативов в качестве иронического средства имитации определенных этнических стереотипов, так, например, шм-редупликация (как в русском, так и в английском языках) предполагает имитацию идиша (*wonderful-schmonderful*, *actor-schmactor*).

Кодирование пола говорящего как дополнительного компонента значения характерно для редупликативов как в русском, так и в английском языках. Как подчеркивает В. И. Заботкина, «дифференциация по полу присуща лексике любого языка» [4. С. 57] (см. также [6. С. 224–240]).

Использование сленгизмов, а в особенности низких коллоквиализмов и вулгаризмов является более характерным для речи носителей языка мужского пола. С. Флекснер подчеркивал, что «наибольшая часть сленгизмов, включая нецензурные единицы и вулгаризмы, относящиеся к сферам сексуальных отношений, работы,

денег, алкоголя, политики, транспорта и т.д., относились в большей степени к сферам интересов мужчин. Основное количество словарных дефиниций словаря слегка необходимо было бы поместить с пометой «используется мужчинами» (перевод наш) [13. С. XXIV]. Как один из способов словообразования редупликация является стилистически маркированным, поэтому употребление редупликативов в речи также является своеобразным маркером, характеризующим речь коммуниканта.

Однако редупликативы различны по степени сниженности. Так, например, часть редупликативов имеют словарные пометы «табу», «грубое», «бранное», другие же входят в пласт литературного разговорного языка, часть ограничено узусом просторечья: «You can be such a *dumbdumb* without **even trying**» [URL: <http://www.urbandictionary.com>, дата обращения 20.09.2009г.].

Мы должны подчеркнуть, что было бы неверно однозначно определять гендерную принадлежность стилистически сниженных единиц. Изменения в общественной жизни, произошедшие за последние десятилетия, переориентировали в сторону более экспрессивной лексики как мужское население, так и женское. В. В. Химик отмечает резкое возрастание популярности «низкого – грубого, комического, ненормативного, ... что связано с особым функциональным потенциалом единиц этой сферы коммуникации, с их особой выразительностью, привлекательностью и доступностью для самого широкого круга носителей русского языка. Низкие, бранные и вульгарные языковые средства обладают особыми возможностями воздействия на адресата, прямого и непосредственного выражения коммуникативного намерения, негативной эмоциональной оценки и речевой агрессии. И напротив: обращение к сниженным и часто к нелитературным, субстандартным единицам позволяет говорящему эффективно снимать эмоциональное напряжение, «расслабляться», отказываясь в определенных ситуациях от следования языковым правилам или нормам речевого поведения. Наконец, область низкого – это специфическая сфера массового, доступного всем словотворчества, юмористического самовыражения и языковой игры» [11. С. 8].

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы еще раз отметить что, редупликация как способ словообразования характеризуется иконически закрепленной маркированностью стилистической сниженности, закрепленностью в прагматическом компоненте значения эмоционально-оценочной составляющей и нередко наличием зако-

дированной информации о социальном статусе говорящего, возрасте, поле, этническом типе и т.д. Использование лексических единиц, несущих дополнительную информацию, является проявлением языковой экономии, позволяя с большей точностью и меньшими языковыми средствами передать информацию, а также сократить время декодирования послания реципиентом.

Список литературы

1. Беляева, Т. М. Нестандартная лексика английского языка / Т. М. Беляева, В. А. Хомяков. Л. : ЛГУ, 1984. 135 с.
2. Воронин, С. В. Основы фоносемантики. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1982. 244 с.
3. Гальперин, И. Р. Информативность единиц языка: учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 1974. 175 с.
4. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка. М. : Высш. шк., 1989. 126 с.
5. Земская, Е. А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения : учеб. пособие; 3-е изд., перераб. и доп. М. : Флинта : Наука, 2004. 240 с.
6. Земская Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Язык: система и подсистемы: к 70-летию М. В. Панова. М. , 1990. С. 224–240.
7. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения // Роль языка

References

1. Beljaeva, T. M. Nestandardnaja leksika anglijskogo jazyka / T. M. Beljaeva, V. A. Homjakov. L. : LGU, 1984. 135 s.
2. Voronin, S. V. Osnovy fonosemantiki. L. : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1982. 244 s.
3. Gal'perin, I. R. Informativnost' edinic jazyka: uceb. posobie dlja vuzov. M. : Vyssh. shk., 1974. 175 s.
4. Zabotkina, V. I. Novaja leksika sovremennogo anglijskogo jazyka. M. : Vyssh. shk., 1989. 126 s.
5. Zemskaja, E. A. Russkij jazyk kak inostrannyj. Russkaja razgovornaja rech'. Lingvisticheskij analiz i problemy obuchenija : uceb. posobie; 3-e izd., pererab. i dop. M. : Flinta : Nauka, 2004. 240 s.
6. Zemskaja E. A. Osobennosti muzhskoj i zhenskoj rechi / E. A. Zemskaja, M. V. Kitajgorodskaja, N. N. Rozanova // Jazyk: sistema i podsystemy: k 70-letiju M. V. Panova. M. , 1990. S. 224–240.
7. Kubrjakova, E. S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija // Rol' jazyka

- в познании мира. ИЯз. РАН. М. : Языки славянской культуры, 2004. Язык. Семиотика. Культура. С. 505–533.
8. Лойтер, С. М. Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2002. 41 с.
9. Пономарева, О. Б. Когнитивные и прагмо-стилистические аспекты семантической деривации (на материале английского языка в сопоставлении с русским и немецким языками) : монография. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2005. 164 с.
10. Туранский, И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке : монография. М. : Высш. шк., 1990. 173 с.
11. Химик, В. В. Предисловие // Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб. : Норинт, 2004. С. 5–10.
12. Швейцер, А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США [Текст] / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1983. – 216 с.
13. Flexner, S. Preface // Dictionary of American Slang, ed. by H. Wentworth, S.B. Flexner. N. Y. : Thomas Y. Cromwell Comp., 1960. P. VI-XV.
14. Fry, S. Making History. London : Hutchinson, 1996. 389 p.
15. Harris, C. All Together Dead. N. Y. : Penguin Group, 2007. 323 p.
- v poznanii mira. IJaz. RAN. M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. Jazyk. Semiotika. Kul'tura. S. 505–533.
8. Lojter, S. M. Russkaja detskaja literatura XX veka i detskij fol'klor: problemy vzaimodejstvija : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Petrozavodsk, 2002. 41 s.
9. Ponomareva, O. B. Kognitivnye i pragmo-stilisticheskie aspekty semanticheskoi derivacii (na materiale anglijskogo jazyka v sopostavlenii s russkim i nemeckim jazykami) : monografija. Tjumen' : Izd-vo TjumGU, 2005. 164 s.
10. Turanskij, I. I. Semanticheskaja kategorija intensivnosti v anglijskom jazyke : monografija. M. : Vyssh. shk., 1990. 173 s.
11. Himik, V. V. Predislovie // Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj jekspressivnoj rechi. SPb. : Norint, 2004. S. 5–10.
12. Shvejcer, A. D. Social'naja differenciacija anglijskogo jazyka v SShA [Tekst] / A. D. Shvejcer. – M. : Nauka, 1983. – 216 s.
13. Flexner, S. Preface // Dictionary of American Slang, ed. by H. Wentworth, S.B. Flexner. N. Y. : Thomas Y. Cromwell Comp., 1960. P. VI-XV.
14. Fry, S. Making History. London : Hutchinson, 1996. 389 p.
15. Harris, C. All Together Dead. N. Y. : Penguin Group, 2007. 323 p.

НОРМАТИВНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

А. А. Муханалиева

Статья посвящена нормативному речевому поведению. Нормативное речевое поведение – это такой вид поведения, который принимается в лингвокультурном сообществе. Статья рассматривает стандартные коммуникативные ситуации в языковом сообществе.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, норма.

Нормативное коммуникативное поведение - поведение, принятое в данной лингвокультурной общности и соблюдаемое в стандартных коммуникативных ситуациях большей частью языкового коллектива.

Ненормативное коммуникативное поведение - поведение, нарушающее принятые нормы. О нормах коммуникативного поведения можно говорить в четырех аспектах: общекультурные нормы, групповые нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы. Общекультурные нормы коммуникативного поведения характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила этикета, вежливого общения. Они связаны с ситуациями самого общего плана, возникающими между людьми вне зависимости от сферы общения, возраста, статуса, сферы деятельности и т.д. Это такие ситуации, как привлечение внимания, обращение, знакомство, приветствие, прощание, извинение, комплимент, разговор по телефону, письменное сообщение, поздравление, благодарность, пожелание, утешение, сочувствие, соболезнование. Это – стандартные ситуации. Общекультурные нормы общения национально специфичны. Так, у немцев и американцев, при приветствии обязательна улыбка, а у русских – нет. Благодарность за услугу обязательна у русских, но не нужна в китайском общении, если собеседник – ваш друг или родственник и т.д.

Групповые нормы отражают особенности общения, закрепленные культурой для определенных профессиональных, социальных и возрастных групп. Есть особенности коммуникативного поведения мужчин, женщин, юристов, врачей, детей, родителей, ‘гуманитариев’, ‘технарей’ и т.д.

Ситуативные нормы обнаруживаются в случаях, когда общение определяется конкретной экстралингвистической ситуацией. Такие ограничения могут быть различны по характеру. Так, ограничения по статусу общающихся позволяют говорить о двух разновидностях коммуникативного поведения – вертикальном (вышестоящий - нижестоящий) и горизонтальном (равный – равный). Граница между различными типами подвижна, она может нарушаться. Кроме того, здесь также наблюдается национальная специфика: так, общение мужчины и женщины в русской культурной традиции выступает как горизонтальное, а в мусульманской – как вертикальное; общение старшего с младшим у мусульман гораздо более вертикально, чем у русских и т.д.

Индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт индивида и представляют собой личностное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности.

Практически межкультурная коммуникация на индивидуальном уровне представляет собой столкновение различных взглядов на мир, при котором партнеры не осознают различия во взглядах, считают свое видение мира «нормальным», видят мир со своей точки зрения. Поведение коммуникантов при этом характеризуется ситуацией, когда нечто само собой разумеющееся одной стороны встречает нечто само собой разумеющееся другой. Сначала, как это часто бывает, обнаруживается открытое непонимание, то есть осознание того, что «здесь что-то не так», что мнение и понимание не совпадают. При этом не ставится под сомнение свое «нечто само собой разумеющееся», а занимается этноцентристская позиция к партнеру, ему приписывается глупость, невежество или злой умысел.

И в то же время, каждый человек, вероятно, может вспомнить ситуации из своей жизни, когда общение с другими людьми было ясным, понятным и легким. В таких ситуациях присутствует естественное желание понять другого человека, не обидеть его, не сделать что-то не так и т.д. Такой тип общения и понимания человека называется эмпатией, которая основана на умении поставить себя на место другого, взглянуть на все его глазами, почувствовать его состояние и учесть все это в своем поведении и поступках. Она предполагает большую чувствительность, сенситивность к состоянию партнера.

Термин происходит от греческого «*empathēia*», означающего «сопереживание». Под эмпатией обычно понимается сострадательное переживание одним человеком чувств, восприятий и мыслей другого.

В данном смысле термин введен американским психологом Эдвардом Титченером в начале XX века по аналогии с термином «симпатия». Некоторые ранние европейские и американские психологи и философы, такие как М. Шелер и У. Мак-Дугалл, рассматривали эмпатию как основу всех положительных социальных отношений. В контексте этого широкого определения различные теоретики и исследователи определяли этот термин совершенно по-разному, подчеркивая в нем различные аспекты или смысловые значения.

Каждый вид коммуникации характеризуется особыми отношениями партнеров, их направленностью друг на друга. В этом отношении специфика межкультурной коммуникации заключается в желании понять, о чем думает партнер, причины его поведения, его точку зрения и образ мыслей. Поэтому при межкультурной коммуникации, чтобы понять коммуникативное поведение представителей другой культуры, необходимо рассматривать его в рамках их культуры, а не своей.

Специфика межкультурной коммуникации заключается в том, что в ней определяющим становится эмпатический подход, т.е. мысленное, интеллектуальное и эмоциональное проникновение во внутренний мир другого человека, в его чувства, мысли, ожидания и стремления. Эмпатия основывается на предположении, что в одинаковых обстоятельствах все люди переживают одинаковые чувства и ощущения и это позволяет им понять другие точки зрения, идеи и различные культурные явления. На этом основании возникает способность человека представить себя на месте другого человека, принять его мировоззрение, понять его чувства, желания, поступки. Здесь все основывается на опыте другого человека, а не нашем собственном [2].

Социальный символизм и речевой этикет в коммуникативном поведении. В состав коммуникативного поведения входит социально и коммуникативно-значимое бытовое поведение совокупность предметно – бытовых действий людей, получающих в данном обществе, в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и тем самым включающихся в общий коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей. По мнению Н. И. Формановской, это своеобразный язык повседневного поведения, или социальный символизм.

И. А. Стернин определяет социальный символизм как отражение в сознании людей семиотической функции, которую приобретают в

той или иной культуре определенное действие, факт, событие, поступок, тот или иной элемент предметного мира. Все эти явления получают в сознании народа и определенный символический смысл, характерный и единый для всего данного социума или для какой-то определенной социальной группы.

Социальный символизм зачастую не замечается членами социума, хотя довольно строго «соблюдается» – то есть используется, интерпретируется в межличностных отношениях. Символический смысл того или иного явления может быть совершенно не воспринят в другой культуре, не понят, а может и получить там самую неожиданную интерпретацию, что может привести представителей разных культур к прямому конфликту.

Таким образом, один и тот же факт бытового поведения получает разную коммуникативную интерпретацию в разных культурах. Цветы считаются вежливым, интеллигентным и этикетным подарком у русских, а у китайцев они не имеют такого значения. Подача холодного ужина немцами рассматривается русскими как проявление лени немецких хозяек и неуважение к гостям, в то время как у немцев это просто национальная традиция. Подобные примеры могут быть приведены во множестве.

Символические смыслы могут участвовать в коммуникативном акте как непосредственно – провоцировать речевую реакцию, вопрос, эмоциональную реплику, коллективное обсуждение и т.д., так и опосредованно, косвенно: участники общения в процессе коммуникации имплицитно интерпретируют, учитывают те или иные действия, поступки собеседника, предметную деятельность друг друга, язык социальных символов собеседника и принимают эту информацию к сведению, интерпретируют эти символы как информационный компонент ситуации.

Информация социальных символов включается в невербальную информацию, получаемую и используемую коммуникантами в процессе общения. Социальный символизм подлежит описанию в рамках невербального коммуникативного поведения народа.

Необходимо также иметь в виду, что социальный символизм многих явлений и предметов быстро меняется, например, символы моды, социальной принадлежности, зажиточности и др.

Социальный символизм является компонентом национальной культуры. Речевой этикет также является составной частью коммуникативного поведения. Соотношение этих понятий - особый во-

прос. Ряд исследователей сходятся во мнении, что коммуникативное поведение – более широкое понятие, чем речевой этикет. Последний связан, в основном, со стандартными речевыми формулами в стандартных коммуникативных ситуациях, отражающими категорию вежливости, а коммуникативное поведение описывает тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, особенности общения в больших коммуникативных сферах типа семья, коллектив, иностранцы, знакомые, незнакомые и многих других. Коммуникативное поведение описывает не только вежливое, эталонное общение, но и реальную коммуникативную практику.

Список литературы

1. Стернин, И. А. Веб-публикация проекта «Русское и финское коммуникативное поведение». Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. С. 4–20.
2. Пеллегрини, Р. Как повысить свой интеллект / Р. Пеллегрини, М. Политис. М., АСТ ; Астрель, 2003.

References

1. Sternin, I. A. Veb-publikacija proekta «Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie». Voronezh : Izd-vo VGTU, 2000. S. 4–20.
2. Pellegrino, R. Kak povysit' svoj intellekt / R. Pellegrino, M. Politis. M., AST ; Astrel', 2003.

**ПРЕДЛОГ
В ОФОРМЛЕНИИ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

С. И. Суровцева

В данной статье речь идёт о проблемах исследования предлогов со значением темпоральности в сопоставительном аспекте на материале современного русского и французского языков.

Ключевые слова: предлог, временные отношения, темпоральность, роль предлогов в выражении временных отношений.

Современное языкознание переживает этап переосмысления значимости релятивных единиц в языке, так как в настоящий период круг значений и употреблений предлогов расширяется и исследование их семантических свойств становится одной из актуальных проблем. Хотя имеется немало публикаций и работ по проблеме предлогов в русском языке, всё же многостороннего целостного описания семантико-грамматических структур отдельных групп релятивных единиц, рассматриваемых в сопоставлении с французским языком, в лингвистике ещё нет.

Предлог – это класс служебных морфологически неизменяемых слов и класс фразеологизмов с релятивным (относительным) значением, служащих для выражения падежного значения имени. Между значением предлога и падежа существуют определённые семантические соответствия, отношения семантической гармонии. Предлог относится к древнейшим образованиям, может быть, тогда их значение было отчётливо, но в современном русском языке эти древнейшие связи утрачены и теперь в предлоге обнаруживаются только семы, которые проявляются в сочетании с существительным. Так, в сочетаниях с существительными, обозначающими пространство, предлоги выражают пространственное (локальное) значение: быть в доме, зайти в дом, выйти из дома, стоять перед домом и т.д.; в сочетаниях, с существительными, обозначающими время, предлоги выражают временное (темпоральное) значение: прийти под вечер, проживать около года, сделать за день, подойти к ночи и т.д.; в сочетаниях с существительными, обозначающими лицо или живое существо, предлоги проявляют объектное значение: выступить перед учениками, встретиться с другом и т.д.

Роль предлогов, которую они играют в любом языке, трудно переоценить. В таком аналитическом языке, как французский, где нет падежных окончаний, именно предлог выражает зависимость слов друг от друга. Е.К. Никольская и Т. Я. Гольденберг предлагают определить понятие предлог так: «*la préposition* est un mot-outil qui sert à introduire un complément (nom, pronom, verbe à l'infinitif) qu'il relie et subordonne à un autre mot de la proposition. Elle précise en même temps le rapport qui unit ces deux mots» [4. С. 251] (предлог – это служебное слово, которое служит для введения дополнения (существительного, местоимения, глагола в инфинитивной форме), которое он (предлог) соединяет и подчиняет другому слову в предложении. В то же время, он уточняет отношение, которое объединяет эти два слова – перевод автора). М. Grevisse утверждает, что «*la préposition* est un mot invariable qui établit un lien de subordination entre des mots ou des syntagmes» [7. § 987] (предлог – это неизменяемое слово, которое устанавливает подчинительную связь между словами или синтагмами).

Если для выражения достижения в пространстве до известного предела употребляется предлог до в русском языке и *jusque* во французском, то и временной предел выражается конструкцией с этим предлогом в русском языке, во французском языке соответствующие отношения выражаются фразеологическим предлогом *jusqu'à*: До деревни оставалось три километра. До их вмешательства я исправно платил всё до копейки [Итоги 74]. *Il reste jusqu'au village trois kilomètres. Il a été ici jusqu'à deux heures.* В данном случае мы наблюдаем, что временные отношения передаются другой единицей, но образованной с помощью предлога с пространственным значением. Соответствие функций предлогов пространственного и временного значения прослеживается в предлогах *к, за, по, при, около, между*, *перед, от, à, en, devant, sous, sur, vers* и др.

Лексические производные предлоги обладают более ярко выраженной семантикой, что объясняется, конечно же, наличием сем, приобретённых от знаменательного слова-источника. Так, лексический производный предлог *спустя* (кого, что) употребляется при указании на 'прошествие какого-либо времени, по истечении какого-либо времени'. Сема 'переместить что-либо сверху вниз' содержится в лексическом значении предлога, и она была актуализирована из значения деепричастия *спустя*. Данный предлог употребляется только с временным значением, что реализуется наиболее ярко в сочетании со следующими словами: существительными, имеющими указание

на какой-либо временной период, минута, секунда, день, год, месяц, десятилетие, неделя, час, век. Степень обобщённости семы времени возрастает, когда существительное в конструкции с предлогом употребляется с каким-либо числительным: два, двадцать, три, десять и пр. Например, Три часа спустя после бегства короля к Переволочне подоспела конница Меншикова (Павленко). В нашей картотеке часто встречается неопределённо-личное местоимение несколько, которое привносит неопределённость промежутка времени, несёт указание на небольшой его период, протяжённость. Несколько месяцев спустя москвичи читали листы, прибитые у стен Кремля, в Китай-городе, у Чудова монастыря и в других людных местах (Павленко). Несколько минут спустя по радио объявили регистрацию билетов и сдачу багажа на рейс 247 Баку-Москва (Незнанский).

Лексическое значение деепричастия, к которому восходит предлог спустя (что), не утрачивается бесследно: его дифференциальная сема 'переместить что-либо' реализуется в составе временно-го предлога. Соответственно во французском языке производный предлог *après* 'marque la postériorité dans le temps' [6. С. 58]. Сема следования за чем-либо в пространстве 'marque la postériorité dans l'espace' [там же] актуализирована и во времени. Также чётко прослеживается связь с наречием *après* adv. 'marque la postériorité dans le temps. *Nous reparlerons après*' [6. С. 58]. Лексические предлоги с временным значением содержат темпоральный элемент слова наречия, деепричастия, на базе которых они образовались. Так, производные лексические предлоги вперёд (кого, чего), назад (что), накануне (чего), начиная (кем, чем), около (кого, чего), погода (что), после(кого, чего), прежде (чего), посередине (кого, чего), посреди (кого, чего), среди (кого, чего), сквозь (что), кончая (кем, чем), близ (кого, чего), *auparavant, aussitôt, après, avant, alentour, environ, depuis, devant, durant, passé* содержат сему указание на "временной промежуток". И только лексические предлоги вне (чего) и *devant* не имеет указания на временной период, а несёт в себе сему пространства. Однако надо заметить, что в сочетании с существительными, содержащими сему времени, либо какой-либо процесс во времени данная конструкция носит временной характер. Например, действовать вне времени, *devant l'avenir*.

Индивидуальное лексическое значение каждого предлога отличаются друг от друга за счёт дифференциальных сем, актуализированных в новом значении из лексических значений слов-источников.

Так, к примеру, наречие *накануне* означает «в предыдущий день». Предлог *накануне* (кого, чего) употребляется при указании на что-либо «непосредственно перед чем-нибудь». Наречие *накануне* указывает на предыдущий день, а предлог *накануне* (кого, чего) указывает на событие или действие, которое имело место перед чем-либо. Например, *Накануне выступления Сергей Трубецкой был избран диктатором* (Буганов). В стихотворении «Желание», написанном накануне революции, он ясно и не двусмысленно объяснил... (Гуляев).

Во французском языке наречие *auparavant* означает «avant dans le temps; d'abord» [6. 79]. Предлог сохраняет сему времени и указывает на действие, которое было совершено ранее «espace de temps – раньше; за ... до этого; *cinq jours auparavant* — пятью днями раньше, за пять дней до этого; *une semaine auparavant* — неделей раньше, за неделю до этого *longtemps auparavant* — задолго до этого» [6. С. 76]. К особенностям данного предлога следует отнести то, что не все французские словари относят его к исследуемой категории слов, а есть только пометы, что это наречие (см. Larousse). *Sept ans auparavant, j'y avais servi comme préfet adjoint pour la sécurité* (B.Bonnet). *Elle s'était assez entraînée quelques semaines auparavant* (J. Echenoz). Обычно данный предлог занимает постпозицию, что наблюдается в приведённых примерах.

Значения лексических производных предлогов легко прослеживаются и вне контекста, в отличие от непроизводных предлогов, значения которых разнообразны и отвлечённые. Мы можем предположить, что это происходит за счёт унаследованной семы от слова-источника.

Класс предлогов развивается и активно пополняется фразеологическими единицами, которые соотносительны по своим семантическим и грамматическим свойствам с лексическими предлогами. Активный рост фразеологических предлогов обусловлен как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими причинами.

Список литературы

1. Васильева, Н. М. Французский язык. Теоретическая грамматика. Морфология. Синтаксис : ускоренный курс на французском языке / Н. М. Васильева, Л. П. Пицкова. М. : Высш. шк., 1991. 299 с.

References

1. Vasil'eva, N. M. Francuzskij jazyk. Teoreticheskaja grammatika. Morfologija. Sintaksis : uskorennyj kurs na francuzskom jazyke / N. M. Vasil'eva, L. P. Picikova. M. : Vyssh. shk., 1991. 299 s.

2. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М. : Высш. шк., 1986. 640 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с.
4. Никольская, Е. К. Грамматика французского языка (на французском языке) / Е. К. Никольская, Т. Я. Гольденберг. М. : Высш. шк., 1974. 364 с.
5. Пайар, Д. К вопросу о значении предлога sur // Исследования по семантике предлогов : сб. ст. М. : Русские словари, 2000. С. 152–188.
6. Dictionnaire encyclopédique. 1 vol. noms communs. Locutions latines, grèques et étrangères. P. : Larousse, 1994. 1104 p.
7. Grevisse, M. Le bon usage. Grammaire française // Refondue par André Goosse treizième édition revue. Duculot, 1993. 1762 p.
2. Vinogradov, V. V. Russkij jazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove. M. : Vyssh. shk., 1986. 640 s.
3. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / Pod red. V. N. Jarceva. M. : Sov. jencikl., 1990. 685 s.
4. Nikol'skaja, E. K. Grammatika francuzskogo jazyka (na francuzskom jazyke) / E. K. Nikol'skaja, T. Ja. Gol'denberg. M. : Vyssh. shk., 1974. 364 s.
5. Pajar, D. K voprosu o znachenii predloga sur // Issledovanija po semantike predlogov : sb. st. M. : Russkie slovori, 2000. S. 152–188.
6. Dictionnaire encyclopédique. 1 vol. noms communs. Locutions latines, grèques et étrangères. P. : Larousse, 1994. 1104 p.
7. Grevisse, M. Le bon usage. Grammaire française // Refondue par André Goosse treizième édition revue. Duculot, 1993. 1762 p.

ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЕ ПЕРФОРМАТИВНЫЕ АКТЫ

А. В. Шемякина

Первоначально императив воспринимался в контексте обращения к Высшим силам как перформативный акт, поскольку для человека первобытного заклинание, молитва есть действие. Другие этикетные формулы «извините», «простите», «пожалуйста», также являясь по форме изначально императивами, по содержанию и функциям относятся к перформативным высказываниям, характеризующимся этико-социальной ценностью.

Ключевые слова: речевой акт, перформатив, ограничители перформативного речевого акта, заклинательные перформативы, прагмалингвистика, теория дискурса, констативное высказывание, просьбы, извинения.

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении ряда заклинательных перформативных речевых актов, функции и прагматические параметры которых в современной лингвистике, на наш взгляд, определены недостаточно.

К заклинательным перформативным речевым актам мы относим группу речевых формул, среди которых можно выделить речевые акты пожелания, напутствия, клятвы, проклятия. Сравните констативное высказывание (1) с перформативными речевыми действиями (2-5):

1) – *Я хочу мороженого.*

2) *Желаю вам в семье мира. Будьте здоровы и счастливы. Пусть у вас все будет хорошо.*

3) *Ну что ж, иди! Ни пуха тебе, ни пера!*

4) – *<...> А ты не врешь? – усомнился он. – Зуб даю! – поклялся Севка и вдохновенно плюнул в сторону [5].*

5) *Совести совсем у девки нет. Чтоб язык ее поганый отсох [4].*

С одной стороны, эти акты (2-5) можно назвать псевдоперформативными: они не ограничиваются описанием чувств говорящего, но и действительность, кажется, может не измениться при произнесении данных речевых актов.

С другой стороны, все пожелания, клятвы, проклятия, акты договоренности базируются, как известно, или на предрассудках, или

на вере в божественное устройство мира и/ или языка. Это нечто сверхъестественное, что всегда способно изменить нашу действительность. С этой точки зрения мы имеем дело с опосредованными перформативными речевыми актами, заклительная сила которых позволяет говорящему направить благосклонность Высших Сил либо их гнев на собеседника. В этих речевых актах аккумулируются верования социума, которые переживаются большинством членов социума. Говорящий выступает как уполномоченный агент, который произносит эти слова от лица Сверхъестественного. Постепенно опосредованность речевого действия нивелируется, и в сознании носителей этой языковой культуры данное действие совершается мгновенно при своем произнесении. Следовательно, пожелания, в любой конвенционально закрепленной форме, меняют действительность в социуме.

Некоторые заклительные перформативные речевые акты можно отнести к устаревшим:

– *Бог в помощь, - неожиданно для себя умиленно сказала женщина. Никита ласково отозвался; – Спаси бог. – Это ты сад убрал? – Я* [3].

Ряд перформативных высказываний, в основании которых лежит языческая вера в реальную силу пожелания, воспринимаются как обусловленные этикетными нормами (например, *Good morning*).

Заклительные перформативные речевые акты интересны тем, что человек обращается к Высшим Силам с личной просьбой, цель его – поделиться переживаниями, но пользуется человек речевыми эрзацами, благодаря чему исподволь подчеркивается общность верований внутри одной общины.

На наш взгляд, анализ и классификация перформативных речевых актов по признаку их происхождения существенно дополняет социолингвистический анализ данного явления в рамках теории речевых актов и теории дискурса. Дополнив социообразующий характер перформативных речевых актов характеристикой сверхценности их выполнения для социума, мы приходим к определенным выводам относительно отстраненности перформативного действия от индивида.

Во-первых, он может искренне использовать перформативный речевой акт, переживая его сверхценность, или может лишь продемонстрировать переживание сверхценности, для того чтобы подтвердить свою принадлежность социуму и не быть изгнанным из

него. Во-вторых, он может одновременно при произнесении перформативного речевого действия иметь целью передачу собственных эмоций и переживаний, собственных отношений к производимому действию.

Соответственно, с позиций прагмалингвистического анализа серьезности *versus* несерьезности дискурса и жанра, перформативные речевые акты могут быть не только действительными, но и недействительными, показными. При реализации последних все собеседники осознают искусственность речевой ситуации и негласно соглашаются участвовать в ней, осознают истинностную двусмысленность речевой ситуации и преследует некоторые имплицитные цели [2. Р. 493–509].

Представим бытовую ситуацию. Мама всем своим видом демонстрирует, что обижена на дочь. Папа, обращаясь к дочери: «*Смотри, мама обиделась. Надо бы попросить у нее прощения*» Дочь (недовольно): «*Извини*». Мама: «*Кто же так прощения просит, как отделиться хочешь*». Дочь (тем же тоном): «*Извини, пожалуйста*». Папа: «*А теперь пожмите руки и обнимитесь*». И лишь после этого происходит настоящее примирение.

Ритуал извинения двояк: с одной стороны, он предполагает искреннее раскаяние, эмоциональное переживание содеянного [1. С. 124–125], с другой стороны, данный речевой акт статусно-ориентирован. Произнося данный речевой акт, можно подчеркивать или искренность переживаний, или социальную необходимость. Демонстративность извинения имеет целью проявление уважения и подчинения. Очевидно, что перформативные высказывания дочери являются не ритуалом извинения, а скорее демонстрируют подчинение. Она подчеркивает, что также обижена, и ее обида не прошла. Ребенок часто хочет примирения, но поведением, в том числе речевым, подчеркивает свое нежелание участвовать в общении в статусно более низком положении, поэтому в приведенном примере реальное примирение происходит лишь, когда дочь и мама переходят в общение на равных.

Говорящий может искренне сопереживать ценности и важности для социума перформативного действия, а может быть неискренним при произнесении перформативного речевого акта и лишь продемонстрировать свою социальную идентичность, принадлежность социуму.

Институционально-ритуальные перформативные речевые акты, приобретая качество демонстративности, приведут в обязательном

порядке к деритуализации рассматриваемого жанра и дискурса. Стирание искренности переживания при выполнении заклинательного (и реже ритуального) перформативного речевого акта ведет к переходу данного перформативного акта в группу обиходно-ритуализованных перформативных актов. Так, этимологически *спасибо* имеет религиозные корни и представляет собой сжатие фразы *Спаси тебя Бог*, которая от своей современной формы и значения отделена тремя этапами: речевой акт молитвы – прямой перформативный акт пожелания *Спаси Христос / Бог* – перформативный акт благодарности *Спасибо*.

В большей степени параметр демонстративности может накладываться на обиходно-ритуализованные перформативные речевые акты, особенно на те речевые действия, которые формируют центр поля перформативности, то есть на максимально эксплицитные формы (чаще с глаголом-перформативом). Объясняется это тем, что фразеологические и снижено сленговые перформативные акты ориентированы на личностно-ориентированный бытовой дискурс. Для них первична эмоционально-личностная составляющая, они, в первую очередь, должны быть искренне переживаемы, чтобы их произнесение выполняло главному условию коллективной успешности.

Список литературы

1. Ренц, Т. Г. Специфика этикетных жанров романтического дискурса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 8 (223). С. 122–130.
2. Isaacs, E. *Ostensible Invitations* // *Language in Society*. 1990. P. 493–509.
3. Горький, М. Дело Артамоновых.
4. Жванецкий, М. Как это делается.
5. Токарева, В. Рассказы и повести.

References

1. Renc, T. G. *Specifika jetiketnyh zhanrov romanticheskogo diskursa* // *Vestn. Cheljab. gos. un-ta*. 2011. № 8 (223). S. 122–130.
2. Isaacs, E. *Ostensible Invitations* // *Language in Society*. 1990. P. 493–509.
3. Gor'kij, M. *Delo Artamonovyh*.
4. Zhvaneckij, M. *Kak jeto delajetsja*.
5. Tokareva, V. *Rasskazy i povesti*.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

ДИСКУРС БРИТАНСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ, ЕГО СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ

А. В. Косовцева

В статье автор описывает деятельность британского парламента, раскрывает цель и структуру британских парламентских дебатов, рассматривает типы речи в парламентских выступлениях, а также даёт определение дискурсу парламентских дебатов. Автор приходит к выводу о существовании национальных особенностей парламентского дискурса.

Ключевые слова: британский парламент, дискурс парламентских дебатов, парламентские жанры, дискуссионное выступление, полемическое выступление, парламентское выступление.

Парламент можно рассматривать как информационную модель общества и способ институализации политической оппозиции.

Коммуникативные цели парламентского дискурса - это информация, убеждение, побуждение к действию, несогласие с чем-то, поправка чего-то, формирование общественного мнения.

Все выступления участников парламентских дебатов объединены единой общей темой. Кроме того, весь дискурс парламентских дебатов направлен на достижение некоторой глобальной цели, определяющей прагматические установки коммуникантов и влияющей на выбор коммуникантами стратегий и конкретных тактик общения.

В качестве совокупности действий в рамках парламентских дебатов выступают речевые действия, совершаемые участниками – членами Парламента – для получения конкретного результата, который можно определить как утверждение одной из многих точек зрения на определенную проблему в качестве единственно приемлемой для ее решения.

Данный процесс представляет собой цепь или совокупность последовательно разворачивающихся и пересекающихся друг с другом коммуникативных событий, включающих различное количество речевых действий, направленных на достижение ближайших и конкретных, а также отдаленных и более общих коммуникативных

целей, для реализации которых субъекту необходимо обладать различными видами знаний – языковых и неязыковых, личностных и социально разделяемых. Как при порождении, так и при восприятии речи, участники дебатов строят свои дискурсивные стратегии прежде всего на базе знаний и представлений, которыми обладают все члены единого с ними языкового сообщества (имеются в виду общие, ситуативно не связанные или фоновые знания).

Слово в парламентском дискурсе выполняет две функции: 1) номинативную функцию, при которой слово воплощает мир реалий и духовных сущностей. Сферу политического общения формирует политическая лексика и фразеология; 2) оценочную функцию, где слово участвует в формировании системы политических взглядов. Оценочная лексика участвует в политической борьбе, оставаясь едва ли не обязательным атрибутом столкновения разных политических позиций.

Парламентские выступления делятся на контрастные функционально-смысловые типы речи информационного характера, аргументативно – аналитического характера, императивного характера.

В речи информационного характера преобладает тенденция к описательно-повествовательному развитию темы в широком смысле слова. Это может быть вступительное слово председателя, открывающего заседание сессии; речи ритуального характера (принесение присяги, поздравление) и др.

В речи аргументативно – аналитического характера текстовые построения носят характер рассуждений. На первый план выдвигается логико-семантическая организация текста, при которой ведущую роль играют умозаключения, доводы и доказательства. К этому типу относятся выступления, в которых центр тяжести изложения составляют аргументы и доводы, привлекаемые оратором для доказательства тех положений, которые депутат считает бесспорными.

В речи императивного характера наблюдается стремление эффективно и настойчиво воздействовать на слушателей. Для этого используются оценочные прилагательные, стилистические фигуры, эмоциональные восклицания, повелительные формы глагола, экспрессивные оценки, интензивы, гиперболы. Этот тип речи характеризуется категоричностью, безапелляционностью суждений и особенно сильным критическим началом.

Основные парламентские жанры: доклад, выступление, реплика, официальный депутатский запрос, вопрос, информация, дискуссионное выступление.

Структура политического доклада имеет общие черты с научным докладом: обоснование темы; показ разных аспектов темы; постановка проблем; описание возможных путей их решения; аргументация выбора именно данных путей; детальный перечень условий проведения определенных действий.

Дискуссионное выступление – это монологическая речь, содержащая элементы полемики. Цель дискуссии – поиск приемлемого решения, но одновременно это и поиск истины, единственно правильного решения, поскольку в парламенте ставится задача совместного уяснения какого-то дискуссионного вопроса. Информативность и доказательность доводов в парламентском споре первостепенны.

Реплика – краткое возражение, замечание, высказывание с места по содержанию речи оратора. Основные побудительные мотивы выступающего – кооперация, конфликтность, солидарность.

В мировой практике парламентский дискурс является основным объектом исследования теоретиков политической коммуникации, однако, в России в связи со спецификой ее парламентаризма, а также определенным тяготением парламентской коммуникации к аппаратным формам она оказывается изученной недостаточно и, более того, привлекает куда меньший интерес по сравнению с публичной коммуникацией.

Выступление на парламентских слушаниях носит полемический характер. Выступающий выражает полное или частичное несогласие с ранее высказанной точкой зрения или с положениями того документа, который обсуждается (проекты обсуждаемого закона обязательно раздаются каждому депутату), или поддерживает одного из выступающих, приводя дополнительные аргументы. Таким образом, хотя выступление – это монологическая речь, но оно включается в общий ход дискуссии и не может не учитывать выступления предыдущих ораторов. Формально это выражается в ссылках на мнение предыдущих выступающих и их оценке.

Схема классического спора имеет следующий вид: первый выступающий высказывает мысль (тезис), оппонент устанавливает пункт разногласия, указывает на него и выдвигает свое положение – антитезис.

Полемическое выступление, как правило, не имеет такой четкой структуры, но каждый аргумент в защиту своей точки зрения полемически направлен против оппонента с целью привлечь на свою сторону как можно больше депутатов.

Для полемического выступления характерны следующие приемы воздействия:

- формирование мнения аудитории путем обращения к оценкам, выраженным метафорически.
- использование гиперболы (преувеличения) или литоты (преуменьшения), зачастую поддержанных антитезой (противопоставлением).
- намек — это не прямое указание на лицо;
- повторы различного рода. Они могут быть лексико-синтаксического характера, т.е. повтор слов и синтаксических конструкций: анафора (единоначалие), эпифора (повтор в конце каждого предложения); смысловые, когда близкие по значению слова выстраиваются в один ряд или с усилением смысла (восходящая градация), или, наоборот, со снижением интенсивности признака (нисходящая градация).

Парламентское выступление, несмотря на свою полемичность, требует соблюдения этических норм. Выступления не должны содержать нападков на личность оппонента, нельзя изображать оппонента глупым, непоследовательным, сомневаться в его искренности. Полемика должна вестись вокруг предмета обсуждения, а не вокруг личности выступающего. Нарушением правил этики является и представление своей точки зрения как истины, не требующей доказательства. Нельзя в своих интересах искажать точку зрения оппонента или приписывать ему вымышленную точку зрения.

Порядок проведения парламентских заседаний строго регламентирован. Начинаются они с так называемого «часа вопросов» (англ. *Question Time*) премьер-министру и членам правительства. Далее парламентарии переходят к рассмотрению наиболее срочных дел, а также правительственных и частных заявлений, и затем – к основной повестке дня, то есть законотворчеству, которое включает дебаты и голосование.

Правительственное заявление (англ. *ministerial statement*) – устное заявление члена кабинета министров по вопросам внутренней и внешней политики правительства – как текущей (устное заявление), так и планируемой (письменное заявление). По окончании выступления парламентарии могут ответить на заявление или добавить к нему свои комментарии, а также задать министру соответствующие вопросы.

Частное заявление (англ. *personal statement*) – заявление члена палаты по частному делу, то есть в связи с каким-либо событием

или для пояснения своей позиции по какому-либо вопросу, который обсуждался ранее.

Законотворчество представляет собой строго последовательный процесс рассмотрения законопроектов – биллей, сначала в нижней, а затем в верхней палате. Обсуждение законопроекта – парламентские прения, или дебаты, происходят путем внесения предложений. Предложения (*англ. motions*) – проекты резолюций, в которых формулируется позиция палаты по определенному вопросу. Таким образом, посредством предложений парламентарии ставят на обсуждение какой-либо вопрос, предлагая вынести по нему решение. Правом на внесение предложений наиболее активно пользуется оппозиция, поскольку это дает возможность широкого обсуждения политики правительства. Предложения от оппозиции вносятся её представителем, от правящей партии – членом правительства. Депутаты могут вносить поправки в предложение: если предложение внесено оппозицией, поправки предлагает правительство, и наоборот. По вопросам, инициированным правительством, сначала выступает министр, затем соответствующий член «теневое правительство». Потом слово предоставляется рядовым депутатам фракции большинства и меньшинства. По предложениям оппозиции, наоборот, первым выступает её представитель, потом член правительства, далее слово получают другие депутаты. Чтобы получить слово депутат Палаты общин должен «перехватить взгляд спикера» (*англ. catch the speaker's eye*), то есть привлечь его внимание – встать или приподняться со своего места. Депутаты выступают в прениях только один раз, однако они вправе комментировать выступления других членов палаты – при этом они всегда обращаются к спикеру. Продолжительность выступлений не регламентирована, однако спикер может её ограничить. Члены Палаты лордов независимо от фракционной принадлежности имеют право выступить в любое время, причем не один раз, при этом они обращаются не к лорду-спикеру, а к другим членам палаты. Правила сворачивания дебатов в верхней палате не используются.

После окончания дебатов происходит голосование. Следует отметить, что его процедура весьма специфична. Во-первых, голосование – открытое и устное, а во-вторых, своеобразны его способы. Сначала спикер предлагает высказаться тем, кто «за», затем – тем, кто «против». При этом парламентарии выкрикивают, соответственно, «Да» (*англ. «Aye»*) или «Нет» (*англ. «Nay»*) – в Палате общин, а

в Палате лордов – «Согласен» (англ. «Content») или «Не согласен» (англ. «Not-Content»). Спикер принимает решение в зависимости от распределения голосов. Если голоса разделились примерно поровну или у спикера возникли сомнения, то проводится повторное голосование, во время которого депутаты, в зависимости от занимаемой ими позиции по рассматриваемому вопросу, собираются по правую и левую руку от спикера. Кворум для принятия решений в палате лордов составляет 30, а в палате общин – 40 парламентариев.

Заседания палат в большинстве случаев проходят открыто, но спикер вправе распорядиться и о проведении заседания при закрытых дверях. Для проведения заседания Палате лордов необходимо соблюсти кворум в 3 человека, в то время как в Палате общин он формально отсутствует.

Заседания парламентских комитетов проводятся при кворуме от 5 до 15 членов в зависимости от их численности. По окончании работы над каким-либо вопросом комитет составляет отчет, который представляется соответствующей палате.

Таким образом, дискурс парламентских дебатов представляет собой совокупность последовательно разворачивающихся и пересекающихся друг с другом различных коммуникативных действий, основной целью которых является обоснование или опровержение некоторого положения (точки зрения) для восприятия и адекватного понимания его коллективным реципиентом, и в результате – совместной выработки и принятия определенного рационального решения относительно некоторого факта или явления объективной действительности.

Список литературы

1. Баранов, А. Н. : 1) Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. М., 1991; 2) Культура парламентской речи / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. М., 1994.
2. Правикова, Л. В. Язык парламентских дебатов: опыт системного описания дискурса по терроризму в Конгрессе США и Парламенте Великобритании

References

1. Baranov, A. N. : 1) Parla-
mentskie debaty: tradicii i novacii / A. N. Baranov, E. G. Kazakevich. M., 1991; 2) Kul'tura parlamentskoj rechi / A. N. Baranov, E. G. Kazakevich. M., 1994.
2. Pravikova, L. V. Jazyk parlamentskih debatov: opyt sistemnogo opisanija diskursa po terrorizmu v Kongresse SShA i Parlamente Velikobritanii : av-

- : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2005.
3. Карасик, В. В. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
- to ref. dis. ... d-ra filol. nauk. Pjati-gorsk, 2005.
3. Karasik, V. V. O tipah dis-kursa // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj dis-kurs : sb. nauch. tr. Volgograd : Peremena, 2000. S. 5–20.

**СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И ЯЗЫК ПОЛИТИКИ:
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Н. Г. Морозова

Статья посвящена рассмотрению особенностей политического дискурса. Материалом для анализа являются статьи газеты «Коммерсантъ», опубликованные в феврале 2012 года в разделе «Политика».

Ключевые слова: коммуникация, политический дискурс, социальные установки.

«Взаимодействие людей по своей природе есть прежде всего взаимодействие психическое – обмен чувствами, идеями, волевыми импульсами» [1. С. 132], – писал в свое время П. А. Сорокин, подчеркивая решающую роль коммуникации для развития общества. Современные средства массовой коммуникации – газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет – являются мощным каналом политической коммуникации, а, следовательно, и манипуляции. СМИ – важнейший фактор, влияющий на внешнюю и внутреннюю политику. Регулярно и оперативно предоставляя наиболее значимую информацию широкой аудитории, они воздействуют на общественное самосознание индивидов.

Газета «Коммерсантъ» как агент политического дискурса, распространяя информацию, так или иначе, внедряет различные оценки, определенные установки и мнения, формирует нормы консолидации и идентификации, нормы соотносительности с социальными ценностями, культурными образцами, что свидетельствует об особой политико-идеологической значимости данного издания, его своеобразном управленческом потенциале. Социальные установки и ценности индивидов (читателей) формируются под влиянием содержания передаваемой в статьях информации и ее формальных особенностей: синтаксических конструкций сообщения, характера аргументации, ценности и авторитетности информационных источников и др. В данной статье мы остановимся на языковых особенностях цикла публикаций «Коммерсанта», посвященных президент-

ской предвыборной кампании 2012 года: № 26 от 14.02.12 – «Кандидат навсегда» [2] – политический портрет В. В. Жириновского; № 27 от 15.02.12 – «Кандидат на уход» [3] – посвящена С. Миронову; № 28 от 16.02.12 – «Кандидат на вырост» [4] – характеризует кандидата М. Прохорова; № 29 от 17.02.12 – «Кандидат на своем месте» [5] – оценка позиции Г. А. Зюганова; № 30 от 20.02.12 – «Кандидат № 1» [6] – о шансах на победу В. В. Путина. Несмотря на формальную принадлежность разным авторам, в строгой логической последовательности создаваемых политических «портретов», используемых в них приемах систематизации фактов, аргументации, в анафоричности иронических заголовков и прочих стилистических особенностях можно увидеть единство репрезентируемой изданием позиции – циклообразующий стержень, позволяющий рассматривать пять публикаций как фрагменты единого текста. «Коммерсантом» реализован принцип оглашения рейтингов: начинать принято с последней строчки и далее по возрастающей до 1-го места. Согласно протоколу Центризбиркома РФ, голоса избирателей на выборах 4 марта распределились следующим образом: С. Миронов – 3,85 %, В. Жириновский – 6,22%, М. Прохоров – 7,98%, Г. Зюганов – 17,18%, В. Путин – 63,60 %, что практически соответствует нетрадиционно облеченному в жанровые формы то ли очерков, то ли словесных портретов рейтингу «Коммерсанта», вызывая (вполне закономерно) доверие к данному средству массовой коммуникации, с одной стороны, а с другой – ставя вопрос о манипулятивном потенциале издания. В теории коммуникации манипулирование есть «система приемов и способов воздействия на сознание с целью навязывания каких-либо идей или введения в заблуждение» [7. С. 225]. Манипуляционное воздействие осуществляется независимо от воли субъектов, на которых оно направлено. Манипуляция служит одним из часто используемых инструментов обработки и распространения информации. Формирование негативных установок по отношению к отдельным участникам предвыборной кампании, а также к ассоциируемым с ними набором идей и ценностей – одно из устойчивых последствий манипуляторской деятельности.

Среди ведущих языковых особенностей анализируемых газетных статей:

- активная метафоризация, сопровождающаяся процессом терминологизации (преобладает спортивная и военная терминология – «абсолютный рекорд», «путинская команда», «сыграть вдолгую», «путинский штаб», «кремлевская операция»);

- обилие цитат – высказываний широкого круга «экспертов» (социологов, политтехнологов, политологов, политиков, представителей внесистемной оппозиции и др.) и самих кандидатов. Цитаты фигурируют в роли аргументирующих утверждений, при этом богаты коннотативными значениями и разномасштабны: а) связанные суждения, раскрывающие позицию того или иного участника политического дискурса, б) цитация единичных реплик, утверждений, политических слоганов, в) воспроизведение отдельных слов и словосочетаний, приписываемых конкретному лицу;

- насыщенность аффективами, словами и оборотами с оценочным значением (особенно в пределах цитат – *«завиральные идеи», «заигрывания с державниками», «стали уходить в “несознанку”»*);

- использование графических маркеров (кавычек, указывающих на условность номинации) для выражения позиции недоверия к кандидату (*«...Партия, которую господин Прохоров “точно будет создавать после выборов”, будет базироваться на движении “Право молодых”, инициативной группе, которая на президентских выборах работает на “волонтерских началах”, и появившемся “стихийно” в Санкт-Петербурге “ПРО-движении”...»* [4]);

- использование метатекстовых операторов-навигаторов по тексту;

- отстранение от чужой номинации посредством вводных оборотов (*«по его мнению», «по его словам»*) и глаголов в форме 3-го лица ед. числа (*«считает», «заявляет», «признает»*) для демонстрации объективности, беспристрастности и компетентности издания в оценке успешности претендента.

Результатом использования перечисленных языковых приемов является реализация агональной функции политического дискурса:

- стигматизация – ассоциация определенных отрицательных («неперспективных» для участника президентской кампании) качеств с конкретным политиком и его окружением;

- обезличивающее обобщение, умаление значимости кандидата, пейоративное отчуждение;

- сочетание информативности и инвективности (при этом сдвиг в сторону информативности наблюдается на уровне формальной организации текстов, сдвиг в сторону инвективности – на уровне содержания);

- наличие в цикле системы стимулов и стремление к достижению унифицированной реакции на них со стороны читателей газеты че-

рез формирование определенной (формально объективной) картины политической реальности.

Изучение текстов политического дискурса позволяет не только дополнить картину политических ориентаций современного общества (то есть результаты социологических исследований), но и выявить характер социальных установок в предвыборной борьбе, анализируя языковые особенности, связанные с реализацией функции управления вниманием, суждениями и поведением читающей публики.

Список литературы

1. Сорокин, П. А. Общедоступный учебник социологии: статьи разных лет. М. : Наука, 1994.
2. Башлыкова, Н. Кандидат навсегда // *Коммерсантъ*. 2012. 14 февраля.
3. Барахова, А. Кандидат на уход / А. Барахова, М. Иванов // *Коммерсантъ*. 2012. 15 февраля.
4. Тирмастэ, М.-Л. Кандидат на вырост // *Коммерсантъ*. 2012. 16 февраля.
5. Хамраев, В. Кандидат на своем месте // *Коммерсантъ*. 2012. 17 февраля.
6. Черкасов, Г. Кандидат № 1 // *Коммерсантъ*. 2012. 20 февраля.
7. Шарков, Ф. И. Теория коммуникации. М. : РИП-Холдинг, 2004.

References

1. Sorokin, P. A. *Obwedostupnyj uchebnik sociologii: stat'i raznyh let*. M. : Nauka, 1994.
2. Bashlykova, N. *Kandidat navsegda* // *Kommersant#*. 2012. 14 fevralja.
3. Barahova, A. *Kandidat na uhod* / A. Barahova, M. Ivanov // *Kommersant#*. 2012. 15 fevralja.
4. Tirmastje, M.-L. *Kandidat na vyrost* // *Kommersant#*. 2012. 16 fevralja.
5. Hamraev, V. *Kandidat na svoem meste* // *Kommersant#*. 2012. 17 fevralja.
6. Cherkasov, G. *Kandidat № 1* // *Kommersant#*. 2012. 20 fevralja.
7. Sharkov, F. I. *Teorija kommunikacii*. M. : RIP-Holding, 2004.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

VOCABULARY NOTEBOOKS

Kozeta Hyso

Vocabulary notebooks are one way of promoting learner independence. Introducing vocabulary notebooks to provide the learners with an area of language learning where they could be given a relatively high level of independence that would build their confidence in their ability to act independently in terms of vocabulary learning. This article is focused on the effectiveness of keeping the vocabulary notebooks to empower the learner's independence on their foreign language learning and also to employ the necessary techniques and means to enhance creativity and innovation in their curriculum. One way of achieving this is to have them keep vocabulary notebooks. Possible outcomes are considered, particularly in terms of the development of the study skills and cognitive strategies necessary for independent learning. These do not replace other forms of vocabulary learning, such as extensive reading. Learning implicitly through task work, or explicit classroom vocabulary exercises.

Keywords: Vocabulary, notebooks, instructed vocabulary learning, task-based learning, independence, task-based activities, task performance

Having been interested in the field of lexicology, I have always been concerned on training students to learn and store new vocabulary effectively. There are two reasons that make me write this article, the first one is the absolute absence of vocabulary instructions in our own curriculum and the second one is the failure to leave a specific classroom time devoted directly to learning and training vocabulary. In this matter, my article will focus on maintaining the vocabulary notebook which has been a very well-known practice to us, but indeed it has remained as a “good advice” doing nothing to put seriously in the practical order.

From my experience and to many teachers, students rarely attach importance to organizing their vocabulary learning systematically. During our daily practice we find that students still continue to note the new lexical items they encounter in the back of their books or any kind of note-

book mostly one-to-one translation without any specific order. Very few students experience it practically.

I'm a fervent believer that vocabulary learning should be central to the language program, and that our learners need help developing the necessary skills for processing and learning new lexical items. I guess that little has been written about what are benefits of a good vocabulary notebook and at least how it is constructed to play the most efficient role in enhancing the knowledge of the new lexical items. Recently in Albania we encountered with this concept that keeping the vocabulary notebook is an out of date practice. That was because models of language learning were based mainly on the directions that the teacher gave in the class and also this concept involved teaching vocabulary which were considered to be as something old fashioned too. But with the new rush of technology and its help in facilitation of the foreign languages learning, the interest has fallen under the influence of computing TECH because people neglect this method of work of keeping the dictionary. But I think the need for building and using the vocabulary notebook is still necessary.

So at a time when the area of vocabulary is experiencing a resurgence of interest, effective vocabulary learning strategies are particularly interesting. I see vocabulary notebooks teaching from the perspective of the learner's curriculum developer and then the teacher. The use of vocabulary notebooks in a school language curriculum that I am advocating would therefore seem to provide the learners develop self-management and improve future learning that might aid the development of their meta-cognitive skills in particular.

Students feel motivated to plan their own learning from the very beginning and also to make the choice which has to do with an organization of their notebook. In this way they feel free to set goals for their vocabulary acquisition. Wenden (op. cit.: 21)¹, is expressed Vocabulary notebooks utilize the vast majority of cognitive strategies outlined including 'deduction', 'defining', 'resourcing' (expanding on meaning), 'elaboration', 'contextualization', 'grouping', 'note-taking', 'translation', 'imagery', 'key word' (recognition by association), 'repetition' (silent/verbal), 'recombination' (of language into meaningful sentences), 'inferencing', and 'transfer' (of knowledge to other linguistic tasks). I think it's hard to find another area of language learning, which so comprehensively inte-

¹ **Wenden, A.** 1991. *Learner Strategies for Learner Autonomy*. Hemel Hempstead: Prentice Hall.

grates such a large number of cognitive strategies. While keeping vocabulary notebooks we realize two aims:

1. Acquisition of new lexical items by taking various vocabulary notes, practicing and storing them into the memory which lead to enhancing vocabulary retention specifically and also language awareness in general and the :

2. Prompting learner's autonomy through letting them choose words independently and creatively as well.

The studies relationship between learning and creativity has long been established in numerous research studies. I lead a spontaneous investigation in a center of foreign language learning among a group of learners who practice keeping the vocabulary notebook in the learning process, they were 26 out of 42 students. Besides the advantages that I just mentioned ahead it was interesting what I guess:

First the large portion of the words were chosen from textbook, leaflets, magazines and almost none of them from dialogues or conversations or even from listening rubrics. They were almost neglected.

The problem with that is that besides using the textbooks which introduces them to some concrete words which are of limited use in communicative process otherwise they limited themselves toward those words which are more practical and usable in colloquial English (dialogue, conversations) In this point there is a need of instruction from the teacher.

The second problem, which follows from the first, is that most of these 26 students dealing with vocabulary notebook regarded as the most "useful words" those which do not belong to the 3000 most frequent English lexicon. Consequently, students spent much of their time on learning words which are of little use. Still there is a need for instruction from the teacher. The last problem is that students neglect to record collocations. They tend to be focused on the individual words just ignoring the importance of these collocations in English language. Teacher instruction is very useful in this case. In addition to it, students must give the same importance each class of words noun verb adjective and even adverbs too. All of these will be improved through the teacher. However, sometimes these notebooks may mislead language learners.

I see with great interest the practical suggestions of (Schmitt & Schmitt) in "Vocabulary notebooks theoretical underpinnings and practical suggestions".

The following eleven principles need to be considered when designing any vocabulary programme. Most come from general memory research

(reviewed by Baddeley 1990),² while others have been developed by language researchers:

1. *The best way to remember new words is to incorporate them into language that is already known*

2. *Organized material is easier to learn*

3. *Words which are very similar should not be taught at the same time*

Although organization can facilitate learning, teaching words together which are too similar can be counter-productive..

4. *Word pairs can be used to learn a great number of words in a shorter time*

5. *Knowing a word entails more than just knowing its meaning*

6. *The deeper the mental processing used when learning a word, the more likely that a student will remember it*

7. *The act of recalling a word makes it more likely that a learner will be able to recall it again later*

8. *Learners must pay close attention in order to learn most effectively*

9. *Words need to be recycled to be learnt*

10. *An efficient recycling method: the 'expanding rehearsal*

11. *Learners are individuals and have different learning styles*

Vocabulary notebook, as a tool for teachers to be integrated in to various kinds of activities

Teachers may plan a lot of activities by putting in use the vocabulary notebook. For instance having students listen to a story and list how many new words they heard, they must write them down in their notebook and after this process the teacher tries to explain to them just by using the versions of synonyms not using the native translation for each word, in this way the teacher puts in use their own memory and also makes them more flexible in checking out the right meaning for each word.

Students must be given some classroom activities for instance to write a short story using the new lexical items from their vocabulary notebooks. It would be better to determine the number of words per story.

Also the teacher may focus on three letters of the alphabet and wants to know how many new words they added to their notebooks, after this they instruct students to break them into their roots and affixes and also to find out the possible collocations for each. It may continue with forming sentences for each word or collocation formed.

² **Baddeley, A. 1990.** *Human Memory: Theory and Practice*. Needham Heights, MA: Allyn and Bacon.

For each activity the teacher must regard individual differences, desires, personalities thus to attempt to allow them some voice in the curriculum, as well as to teach them how to learn independently.

Creating a need for the new words

When dealing with vocabulary. Allen (1983: 9-10)³ suggests that teachers should create a need for new words if they want them to be learnt. One way of doing this is to let students pick the words they want to study (Gairns and Redman 1986: 55-7; McCarthy 1990: 90).⁴ This fits in with the general recommendation that teachers should not be too prescriptive when teaching learning strategies. Another way is that the teacher must direct them towards an interesting text which bears some of the most practical words. It means that it will prompt the will to check them and find their meaning. The need to know the meaning of the interesting story and through it enhancing the vocabulary knowledge. In this process it is to be aware that there may well be as many different learning backgrounds as there are participants. Each person will come with their own experiences, feelings and attitudes, which are likely to surface during a course. Some participants may not be willing or used to discussing these new lexical items. People may have come from a learning environment where they are not asked to provide the diversity of information, or to absorb these words through different forms but simply to absorb it. They may not be used to giving their own opinion, or since students may have diverse learning styles, or simply different ways in which they like to study, the best teaching plan may be to introduce students to a variety of learning strategies and techniques and then let them decide for themselves which ones they prefer.

Variety of tasks leads to enhancing the vocabulary knowledge and prompt creativity.

Due to the strategies outlined by Schmitt⁵ many must be built into the implementation of vocabulary notebooks in our education program. Additionally, it's our task to use diversity of practices since we don't know for certain how different learners are likely to carry out a task. One practical way is to be focus on meaning and looking for meaning will help

---

³ Allen, V. F. 1983. *Techniques in Teaching Vocabulary*. Oxford: Oxford University Press.

⁴ Gairns, R. and S. Redman. 1986. *Working With Words*. Cambridge: Cambridge University Press.

⁵ Schmitt, N. and D. Schmitt. 1995. 'Vocabulary notebooks: theoretical underpinnings and practical suggestions'. *ELT Journal*

them with grammatical form. One way of dealing with this tendency is to sensitize learners to their own learning processes by adding to the curriculum a learning strategy dimension. Eventually, it should be possible for learners to make choices about what to do and how to do it. This of course implies a major change in the roles assigned to learners and teachers. By using a certain task as a basic unit of learning, and by incorporating a focus on strategies, we suggest to the students the possibility that our goal will also be learner's goal too. However, there are some statements that, while we as teachers are focusing on one thing, learners are focusing on other things. We cannot be sure, then, that learners will not look for grammatical patterns when taking part in activities of planning and monitoring their own learning, and begin to break down some of the traditional hierarchies. Kinds of strategies used are : selecting and studying the word from the angle of different representation, explaining the meaning of it just in the target language, using its own synonym while necessary, connecting the word to synonyms and antonyms, grouping words together, using semantic maps, using clines for gradable adjectives, using new variants of the words in a sentence, studying the spelling of it, studying parts of speech, finding their own collocations if it is possible and paraphrasing the words meaning. It doesn't mean that the teacher and learner will view the same task in the same way because it is also important to look at the outcomes in terms of enhancing learner independence.

It is difficult to think of another area of language learning, accessible to mainly low-level language learners, which so comprehensively integrates such a large number of cognitive strategies. At all stages, negotiation between facilitators and learners is encouraged. We may put in use all the factors that take part in discourse. They are physical environment (school, office, city, village field etc.), psychological environment (intention and behavior), social characteristics of the participants in discourse etc. It means using creativity. Creativity can be regarded as not only a quality found in exceptional individuals, but also as an essential life skill through which people can develop their potential to use their imagination to express themselves and subsequently to enhance their linguistic awareness. What is desired are creative students who have purpose for learning, know how and when to question, who recognize when more information is needed and the type of knowledge which is required, know how to find and organize information, and who can generate and evaluate a number of alternatives to human problems. It is the teacher who can prepare these kinds of students. The teacher will be able to deal with these issues

successfully and employ the necessary techniques and means to enhance creativity and innovation in their curriculum. Learning is seen as a collaborative enterprise. Any approach must consider the context in which it is to be used and consequently the possible reaction of learners to the methodology.

Vocabulary notebooks also provide opportunities for developing self-management strategies. Students are involved in the planning of their own learning from the very beginning, when they are involved in making choices about the organization of their notebook, and the way the new lexical are made. As well as this, learners are involved in setting goals for their own vocabulary learning/acquisition. The selection of items to include in the notebook also requires them to monitor their present knowledge and to make choices and decisions about which words to include, depending on their own perceived needs. In the educational setting, an environment that fosters the creativity should include the following components: allowing time for creative thinking, encouraging sensible risk, allowing mistakes, imagining other view points, exploring the environments to find out new words, questioning assumptions (Stenberg and Williams, 1996). Finally, step by step they manage to evaluate the quality and usefulness of their own entries, as they refer back to them and compare them to others. In this case one of the best ways to represent them is through a certain text created imaginatively by them just using the new words. Some teachers used examples of 'good' tasks (text created) as a model for other learners to use in improving their task. At the same time, learners begin to develop a more critical awareness of their own preferred learning styles, having been given choices over, how to organize their vocabulary notebooks. Various types of metacognitive knowledge are explicitly introduced during the implementation of vocabulary notebooks. Students become aware of what tasks are involved, and how they should go about them. They then become sensitized to which strategies work best for them individually, and which they find more fulfilling or enjoyable. Generally, they become more aware of what vocabulary learning involves, and more active in the learning process. The fact that they also become more tolerant in dealing with ambiguity in language promotes their long-term independence, and increased self-confidence.

As the students' attitudes towards themselves as learners evolve, they are able to see that there are various alternatives to the teacher-dependent mode of learning. This increases their self-esteem, and enables them to value their individual strengths as learners. The change in attitude seems

particularly important for all age groups, as they are generally self-conscious, and concerned about improving language awareness. The tasks and strategies involved in using vocabulary notebooks seems to assist in building their confidence as language learners. Individual vocabulary notebooks encourage students to strengthen their word knowledge and internalize meaning for use throughout their lives. Definitions provided from the dictionaries do not promote sufficient learning. They are often not written in “conversational language” and students are unable to internalize meaning. Colloquial language and nonlinguistic representations of the word are much more effective. The teacher can either assign specific vocabulary or direct students to identify unknown, confusing, or intriguing words from their reading. Models designed for the vocabulary notebooks are different.

Research has shown that it is much easier to remember words in context than in simple lists.

Keeping vocabulary in the file on the computer.

I advocate the idea of keeping vocabulary words in a file on the computer. Pedagogical advice tends to promote students to use all concern pens and paper rather than computer-based procedures. This is for the simple fact that teachers themselves are not trained enough in these kinds of procedures. But seen from a learners view it is much more practical in this new area of computational technology where students seem to be more familiar with it and more flexible in using it. Now a day’s computers are regarded as an essential study tool, as e-dictionaries start to provide word list facilities their potential should not be ignored.

Each day, students should make a vocabulary list of unknown words found while reading. At the end of the reading, students will be expected to make vocabulary entries into their computational notebooks. The notebook should be arranged in an index card binder, or on cards which are kept in a box. The advantage of these formats over traditional bound notebooks is that the word list items must be grouped under titles decided by the users. They can be renamed, deleted, and printed too. Learners can add synonyms and antonyms written differently. They may note connotations and collocations where it is necessary. Pages can be taken out and moved around to facilitate expanding rehearsal. In addition, this arrangement allows words to be organized into groups, which can make learning easier. Cohen (1990: 35-6)⁶ proposes several word-grouping possibilities,

---

⁶ **Cohen, A. D. 1990.** *Language Learning*. New York: Newbury House.

including topics, parts of speech, themes, speech acts and even separate sections for productive and receptive words. (see Gairns and Redman 1986: 69-71 for additional groupings.)⁷ However, it is best to avoid placing words which are very similar to each other in these groupings until they are known well enough not to be cross-associated.

Cards have an additional advantage in that their handy size makes them convenient to carry around and easy to study in odd minutes of free time. The pages or cards should be large enough to include the elaborate information it is suggested students add to their word listings.

– **Some more ways in memorizing the new lexical items.**

One way for memorizing the L2 words is writing the word pairs in the vocabulary notebook using the L1 translation for an L2 target word. They can initially practice it by looking at the L2 word and trying to remember its L1 translation.

As soon as possible, they should switch to an L1-L2 word pair order to practice recalling the new word, because recall involves deeper processing than recognition.

Alternatively, it is better if students know an L2 synonym, they could use that instead of the L1 translation. Enriching once the word has been learnt from the L1 translation or L2 synonym, knowledge needs to be enriched with some of the other kinds of word knowledge, for example, the more common words with which it collocates. To facilitate this, the word card or page should be divided into sections, with each having enough space to write down a different aspect of the word knowledge. A wide variety of activities could be used in the different sections of which the following are only some of the possibilities.

One very useful way in helping students visualize the associative network of relationships which unity between the new words and those they already know. Hierarchical trees may achieve the same purpose more clearly for words which are part of a superordinate or subordinate structure. Students might also keep track of words that seem to collocate with the new word at a noticeably frequent rate. Roots and derivatives in the word's 'family' can be learnt by studying what affixes are used to change its part of speech. Students might quickly sketch a keyboard illustration to prompt recall of the word.

Learning is fostered and facilitated thorough performing a series of activities as steps towards successful task realization. The focus is away

⁷ Gairns, R. and S. Redman. 1986. *Working With Words*. Cambridge: Cambridge University Press.

from learning language items in a non-contextualized vacuum to using language as a vehicle for authentic, real-world needs. By working towards task realization, the language is used immediately in the real-world context of the learner, making learning authentic. The language needed is not pre-selected and given to the learners who then practice it but rather it is drawn from the learners with help from the facilitator, to meet the demands of the activities and task, relies heavily on learners actively experimenting with their store of knowledge and using skills of deduction and independent language analysis to exploit the situation fully. In this example, the aim of the session is to work together.

As can be seen by the example, menus have to be discussed, food has to be bought and jobs allocated. The participants are prepared for the task, so that they will be aware of the language they need in order to carry it out successfully. In this approach, motivation for communication becomes the primary driving force. It places the emphasis on communicative fluency rather than the hesitancy borne of the pressure in more didactic approaches to produce unflawed utterances. Exposure to the target language should be in a naturally occurring context. This means that, if materials are used, they are not prepared especially for the language classroom, but are selected and adapted from authentic sources. In the adapted framework, the focus of attention is upon a final task. By promoting activities which encourage students to use the words they are learning, teachers can make them feel their notebooks are more than just a simple tool to be able to recognize location for teaching are clear, if we want our students

The implications for teaching are clear: If we want our students to be able to recognize and use the vocabulary words we teach them, vocabulary notebooks are a useful addition to the language classroom, particularly for motivated students. However, if students are not motivated, it may be that vocabulary notebooks should be included as part of the syllabus in order to be useful

Conclusions

In this study it has been demonstrated that the use of vocabulary notebooks was effective in enhancing vocabulary development, and that both teachers and students had positive attitudes to their use, as well as their inclusion in classroom activities. However, in this setting, it appears that students will only use vocabulary notebooks if their teacher requires them to. In addition, it was found that the implementation of vocabulary note-

books requires that sufficient time be set aside in the curriculum to allow vocabulary notebooks to be incorporated into classroom activities.

Vocabulary notebooks have been advocated for many years, but their benefits have been largely descriptive or speculative. This study has demonstrated empirical support for those claims for the benefits of vocabulary notebooks in terms of vocabulary acquisition. The use of vocabulary notebooks enhances learner autonomy. This study has shown that vocabulary notebooks themselves may not be enough to promote learner autonomy, in the absence of appropriate motivation for language learning. However, it seems safe to say that, in the right setting, vocabulary notebooks can enhance vocabulary acquisition.

Bibliography

1. Allen, V. F. 1983. *Techniques in Teaching Vocabulary*. Oxford: Oxford University Press.
2. Baddeley, A. 1990. *Human Memory: Theory and Practice*. Needham Heights, MA: Allyn and Bacon.
3. Cohen, A. D. 1990. *Language Learning*. New York: Newbury House.
4. Gairns, R. and S. Redman. 1986. *Working With Words*. Cambridge: Cambridge University Press
5. Schmitt, N. and D. Schmitt. 1995. 'Vocabulary notebooks: theoretical underpinnings and practical suggestions'. *ELT Journal*
6. Wenden, A. 1991. *Learner Strategies for Learner Autonomy*. Hemel Hempstead: Prentice Hall.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И. Э. Алекберова

Глобализация – процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Для культурной глобализации характерно сближение деловой и потребительской культуры между разными странами мира и рост международного общения. Английский язык становится первым мировым универсальным языком. Английский язык имеет громадное значение для мирового общения, для торговых, промышленных, дипломатических отношений на суше и на море.

Ключевые слова: глобализация, английский язык, международное общение.

Самый верный фактор в ускорении развития глобализации – это распространение английского языка. Очевидной стала необходимость усовершенствования его преподавания и выработки объективных критериев, позволяющих изучать язык более эффективно. Эта потребность стала причиной исследований, которые продолжаются в настоящее время. Последствия становления английского языка основным языком общения очевидны: культуры англоговорящих стран будут доминирующими во всем мире. Английский язык действительно продвинулся далеко вперед на пути к приобретению им статуса международного языка, а, следовательно, активно способствует процессу глобализации.

Возникновение единого международного языка помимо таких причин, как стремление наций к объединению, развитие международных и, как следствие, языковых контактов, объясняется свойствами, находящими отражение в языке и являющимися важными для понимания его развития [16. С. 27]. Выявленные Б. А. Серебренниковым, эти свойства таковы: Особый характер взаимодействия со средой; особый характер взаимодействия между составными частями системы; относительная автономность отдельных звеньев системы в процессе её общего преобразования; относительная независимость внутренней структуры системы от её вещественного субстрата [6. С. 21]. Потребность в международном общении – явление характерное

не только для современного этапа развития мирового сообщества, подтверждением чему служат исторические факты.

Нельзя однозначно утверждать, что доминирующая позиция английского языка обусловлена исключительно тем, что с 16 века это был язык торговли, завоеваний, географических открытий. Наравне с английским в этих сферах употреблялись и португальский, испанский, арабский языки. По мнению П. Стривенса, английскому языку сопутствовала некая историческая удача. Большое количество исторически значимых событий произошло благодаря англоговорящим участникам: экспедиции капитана Кука и капитана Ванкувера, установление торговых связей с Африкой и Востоком, заселение колонистами Северной Америки и высылка заключенных в Австралию, захват Индии, бесславный взаимообмен рабами, патокой и мануфактурой между Британией, Западной Африкой и Карибами, первые шаги промышленной революции и многие последующие события. При этом постепенное распространение английского языка в период с 1600 года нынешнего времени проходило в несколько этапов [3. С. 93]. С 1900 года начался третий этап в распространении английского языка. С этого времени в колониях местные жители могли получать образование на английском языке, а в США, Канаде и Австралии иммигрантам была предоставлена возможность изучать английский язык на специальных курсах [3. С. 29–30]. К последнему этапу, который продолжается и в настоящее время, можно отнести события, связанные с получением всеми британскими колониями независимости в 1945 году. Английский язык уже не употреблялся в качестве орудия для достижения определенных политических целей, это язык науки и новых технологий. Выход практически каждого нового изобретения сопровождается инструкцией на английском языке. Кроме того, с появлением ряда международных организаций, движений, проведением акций возникла необходимость в едином языке общения, каковым и стал английский. По международному соглашению английский язык стал употребляться в работе авиадиспетчеров, морской навигации, средствах связи, деловых сферах, является рабочим языком ООН [5. С. 28]. Безусловно, разнообразие сфер распространения английского языка делает английский язык международным.

Очевидно, что этот процесс глобализации связан с господствующей ролью США в мире, окончательно установившейся после распада СССР. В основе глобализации лежит, прежде всего, англо-американская модель общества, его экономики, политики и культу-

ры. Такая модель общества и культуры тесно связана с английским языком, который претендует на роль первого в истории человечества всемирного языка [4. С. 19–20]. И в Великобритании, и в США всегда господствовала концепция единого языка для всей страны. В Великобритании языки меньшинств до второй половины XX в. не признавались и жестко вытеснялись. В эпоху глобализации такая политика постепенно начинает становиться мировой. Характерно, что именно в США (в отличие от Европы) широко распространено представление об моноязычии (разумеется, английском) как свойстве культурных и зажиточных людей и связи двуязычия с бедностью и отсталостью [4. С. 84]. Разумеется, до всемирного моноязычия на английском языке пока далеко. Английский язык в ходе глобализации распространяется, прежде всего, как всеобщий второй язык.

Всё более мы сталкиваемся с ситуацией, когда современные информационные технологии базируются целиком на материале английского языка, на международных научных конференциях все доклады читаются и публикуются по-английски, а международные переговоры ведутся не через переводчика, а на английском языке с обеих сторон. В то же время международная роль таких языков, как русский, немецкий, в меньшей степени французский, падает. Характерно, что Президент Российской Федерации В. В. Путин, ранее свободно знавший немецкий язык, но не владевший английским, несмотря на большую занятость, нашел время для изучения английского языка. Это – символический акт, демонстрирующий открытое признание российским руководством мировой роли именно этого языка [7. С. 93]. Будущее английского языка глобализации очевидно. Также очевидны и плюсы, и его весьма явные минусы его участия в процессе глобализации. Однако перспективы этого процесса вызывают споры. Одни считают, что господству английского языка нет внешних препятствий, а это означает, что английский язык со временем станет «вторым родным языком», а затем и первым, если не для всего человечества, то для его наиболее культурной и социально активной части. Другие ставят реальность таких перспектив под сомнение.

Всемирное распространение английского языка не может не иметь соответствующих последствий, особенно, на развитие мировых языков и всего мирового общества и на процессы, протекающие в английском языке. Среди последствий глобализации можно выделить следующие:

1. Изменения, происходящие в структуре глобального английского языка по сравнению со стандартным. Получая распространение в различных сферах коммуникации и используя носителями различных культур, английский язык подвергается изменениям в сторону упрощения. В отличие от многих его вариантов глобальный английский язык будет стремиться к стандартизированию и упрощению [3. С. 34].

В функции глобального языка входит четкое выражение говорящим собственных мыслей, как правило, в ущерб их форме. При этом можно предположить, что упрощение будет проходить на следующих уровнях:

1) лексический. Несмотря на насыщенность обиходного английского идиоматическими выражениями и клише, их употребление также будет сокращено. Подтверждением может служить несоответствие идиом, функционирующих в настоящее время в британском и американском вариантах английского языка.

2) грамматика. Процессы упрощения затронут и этот уровень языка, поскольку некоторые аспекты, например, двойное отрицание или различные оттенки модальности, могут вызывать трудности при употреблении и, как следствие, будут постепенно вытесняться из языка.

3) синтаксис. Доминирование коротких по форме предложений, будет вызвано стремлением избегать непонимания в процессе межкультурного общения [30. С. 38–40].

На всех уровнях английского языка будет сказываться влияние Интернета.

2. Вторым следствием глобализации английского языка считается оказываемое им влияние на развитие мировой культуры. Под культурой в этом случае подразумевается своеобразие различных форм человеческой жизнедеятельности на данном этапе общественного развития [1. С. 29].

В настоящее время в лингвистике проблема «язык и культура» приобретает новое прочтение. А. Вежбицкая, например, анализируя семантическую структуру культурно-специфичных концептов в разных языках, доказывает, что, анализируя язык, можно понять специфику культур [6. С. 36].

Глобализация английского языка способствует распространению моральных ценностей тех стран, в которых он является официальным. Поскольку немаловажную роль в приобретении языком гло-

бального статуса играет социальный фактор, то есть военная, экономическая и политическая сила государства его распространяющего, а в наибольшей степени эти характеристики на современном этапе выражены в развитии США, то можно с полным основанием говорить о влиянии именно этой страны на процессы культурной глобализации [7. С. 87].

Большинство исследователей, не отрицая преимущества США, считают влияние, оказываемой этим государством в большей степени негативным, чем позитивным [3. С. 23–29].

В свете проблемы связи языка и культуры необходимо отметить процессы, сопровождающие языковую и культурную глобализацию. С. Хантингтон, в частности, выделяет четыре таких направления.

1. Во-первых, в процессе глобализации экономики глобальная культура и глобальный язык и привносимые с ним ценности, сопровождают интернационализацию деловой сферы жизни общества.

2. Во-вторых, одновременно с культурными ценностями происходит распространение и интернационализация ценностей и идеологии западной интеллигенции. Посредниками в этом процессе являются фонды, научные сообщества, неправительственные организации и межнациональные учреждения, выполняющие социальную или культурную миссию.

3. К процессам третьей группы относится распространение так называемой масс-культуры. Основным её источником является «McWorld» [1. С. 53–65]. Хантингтон относит данный процесс к категории вестернизации («westernization»), поскольку масс-культура имеет, по его мнению, западные, а точнее американские, корни.

4. Четвертый процесс характерен для развития общества на современном этапе и связан с распространением протестантской религии, особенно ярко проявляющимся на фоне усиления антиисламистского движения.

Английский язык стал средством международного экономического, технологического и научного общения, следовательно, изучение английского языка в настоящее время в большей степени обусловлено прагматическими целями, чем интересом к языку как таковому.

Глобализация как таковая подразумевает не только объединение и упрощение, но и поглощение и исчезновение. В случае с английским языком предполагается исчезновение языков, находящихся в меньшинстве. К возможным минусам глобализации также относят:

образование элитного одноязычного языкового класса в обществе, представители которого будут снисходительно относиться ко всем остальным языкам; выделение особого, более привилегированного класса носителей языка, имеющих преимущество перед изучающими язык; снижение интереса к изучению других языков [2. С. 63].

Вопрос об опасности исчезновения уникальных языков и о необходимости национальной индивидуальности встал особенно остро в последние годы, хотя процесс исчезновения языков происходит со времени их появления, и всегда был обусловлен социальным, военным или экономическим доминированием определенных сообществ. Влияние глобального английского языка на развитие местных языков производит обратный эффект, становятся более очевидными проблемы, связанные с развитием местных языков [2. С. 18].

Глобальное распространение английского языка не вызывает ослабления интереса к другим языкам. Так, согласно проводимым исследованиям, в школах Австралии японский язык изучается как основной иностранный, а в США больше внимания уделяется изучению испанского, что можно объяснить экстралингвистическими причинами [2. С. 17].

Существует также точка зрения, согласно которой глобальное распространение английского языка может отрицательно сказаться на самих его носителях. Распространение английского языка как орудия глобализации англоговорящих стран делает их жителей незащищенными как нацию и в какой-то мере лишает национальной индивидуальности.

Список литературы

1. Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 304 с.
2. Бирюкова, М. А. Глобализация: интеграция и дифференциация культур // Философские науки. 2004. № 4. 423 с.
3. Вайнрайх, Е. Глядя на Запад. Культурная глобализация и российские молодежные культуры.

References

1. Bek, U. Chto takoe globalizacija? Oshibki globalizma – otvety na globalizaciju / per. s nem. A. Grigor'eva, V. Sedel'nika. M. : Progress-Tradicija, 2005. 304 s.
2. Birjukova, M. A. Globalizacija: integracija i differenciacija kul'tur // Filosofskie nauki. 2004. № 4. 423 s.
3. Vajnrajh, E. Gljadja na Zapad. Kul'turnaja globalizacija i rossijskie molodezhnye kul'tury. Bla-

- Благовещенск : БГК им. Бодуэна де Куртене, 2008. 264 с.
4. Везбицкая, А. Культурное разнообразие в современном мире / пер. с англ. М. : Языки русской культуры, 2009. 780 с.
5. Глобализация и мультикультурализм / отв. ред. Н. С. Кирабаев. М. : Изд-во РУДН, 2005. 261 с.
6. Кузнецов, А. М. Изменения лексических значений под воздействием контекстно-прагматических факторов // Прагматика и семантика : сб. науч. ст. М., 2009. 120 с.
7. Чумаков, А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М. : Изд-во Проспект, 2005. 257 с.
- govewensk : BGK im. Bodujena de Kurtene, 2008. 264 s.
4. Vezhbickaja, A. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire / per. s angl. M. : Jazyki russoj kul'tury, 2009. 780 s.
5. Globalizacija i mul'tikul'turalizm / otv. red. N. S. Kirabaev. M. : Izd-vo RUDN, 2005. 261 s.
6. Kuznecov, A. M. Izmenenija leksicheskikh znachenij pod vozdejstviem kontekstno-pragmaticheskikh faktorov // Pragmatika i semantika : sb. nauch. st. M., 2009. 120 s.
7. Chumakov, A. N. Globalizacija. Kontury celostnogo mira. M. : Izd-vo Prospekt, 2005. 257 s.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ТРУДНОСТЕЙ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ

В. А. Деткова

В данной статье рассматриваются русские и английские пословицы, отражающие семейные трудности. Сопоставительный анализ дает возможность выявить некоторые отличительные особенности менталитета двух народов.

Ключевые слова: пословицы, семейные трудности, менталитет, лингвокультура, паремиологический фонд.

Брак и семья являются неотъемлемой частью любого, достигшего определенного уровня развития, общества. Создание семьи – естественная традиция общества и ее значимость трудно переоценить.

Данное исследование посвящено репрезентации конфликтных ситуаций брачно-семейных отношений в паремиологическом фонде русского и английского языков как отражению менталитета двух народов.

Пословицы являются кладезью народной мудрости, в которой нашли отражение все явления человеческой жизни, представленные пословицами подчас с диаметрально противоположными точками зрения. Особое место занимают пословицы, представляющие семейные отношения. В обеих лингвокультурах наблюдается как положительное отношение к браку: *«Для щей люди женятся, для мяса замуж идут»*, *«Женаты – богаты, холосты – бедны»* – *“Wives must be had, be they good or bad, and so must be husbands”* (Жены должны быть, плохие, хорошие ли, также и мужья), так и отрицательное: *«Женихом весел, а мужем нос повесил»*, *«Женишься раз, а плачешься век!»* – *“Wedlock is a padlock”* (Брак – это кандалы); *“Advise none to marry or go to war”* (Никому не советуйте жениться или идти на войну); однозначно отмечается важность этого события в жизни человека, необходимость относиться к этому со всей серьезностью и ответственностью: *«Сначала наживись, а потом женись»* – *“First thrive and then wive”* (Сначала встань на ноги, а потом и женись). Наличие семьи в русской лингвокультуре является хорошим подспорьем в решении экономических задач, где совместный труд

рассматривается как средство выживания и благополучия семьи: «Семейная кашка погузе кипит», «Семья воюет, а одинокий горюет», «Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось», в то время, как в английском языке экономическая спасительно-выигрышная миссия принадлежит браку: “*Marriage is a quick solution to many problems*” (Брак – быстрое решение многих проблем), “*As your wedding ring wears, your cares will wear away*” (Как только оденешь обручальное кольцо, все твои заботы уйдут), “*Marriage is a stone wall*” (Брак – это каменная стена).

Что касается взаимоотношений в семье, то идеальная модель, сформированная церковными традициями в обеих странах, и оставшаяся неизменной веками, представляла собой следующее: муж – глава семьи, хозяин, требующий беспрекословного и абсолютного подчинения со стороны жены и детей. Соответственно, жена и дети должны были испытывать уважение и выражать ему полную покорность. В реальной же жизни имели место три модели взаимоотношений: доминирующее положение мужа, жены и паритет.

В русском паремиологическом фонде существует большое количество пословиц, в которых нашли отражение старинные домостроевские правила: «*Не наряд жену красит – домостройство*», «*Бабе дорога от печи до порога*», «*Жена без грозы – хуже козы*», «*Дал муж жене волю – не быть добру*», «*Жену не бить – и милу не быть*», «*Курица – не птица, баба – не человек*», «*Жена – кабальный батрак*», «*В девках сижено – горе мыкано, замуж выдано – вдвое прибыло*». В английской лингвокультуре пословицы данной категории менее представлены: “*If you sell your purse to your wife, give your breeks into the bargain*” (Если ты отдашь жене свой кошелек, отдай ей и свои штаны в придачу), “*A woman’s place is in the home*” (Место женщины – в доме), “*Let every woman spin, and not preach*” (Пусть каждая женщина прядет, а не читает наставления), “*The wife that expects to have a good name, is always at home as if she were lame; and the maid that is honest, her chiefest delight is still to be doing from morning to night*” (Жена, которая хочет иметь доброе имя, всегда сидит дома, как будто она хромя; а самое главное удовольствие для честной девушки – работать с утра до ночи), “*A spaniel, a woman, and a walnut-tree, the more they’re beaten the better they be*” (Спаниель, женщина и ореховое дерево, чем больше их бьешь, тем они лучше), “*A man of straw is worth a woman of gold*” (Мужчина из соломы стоит женщины из золота), “*If the husband be not at home, there is nobody*” (Если мужа

нет дома, дома нет никого), *“A married woman has nothing of her own but her wedding-ring and her hair-lace”* (У замужней женщины нет ничего своего, кроме обручального кольца и ленты для волос), *“Sorrow and an ill life makes soon an old wife”* (Горе-печаль и трудная жизнь быстро старят женщину).

В лингвокультуре обоих народов наблюдается большая представленность пословиц, в которых определяется подлинный идеал семейной жизни, основанный на добром согласии между членами семьи: *«Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад»*, *«Муж и жена – одно дело, одно тело, один дух»*, *«Живут рука в руку, душа в душу»* – *“They are finger and thumb”* (Они – большой и указательный палец), *“Man and wife make one fool”* (Муж и жена – один глупец), *“The husband sings, the wife accompanies”* (Муж поет, жена аккомпанирует). Согласие супругов является залогом экономического благополучия семьи: *«Муж с женой что лошадь с телегой: везут, когда они исправны»*, *«Муж – полтину, а жена – холстину, все в одно место складут, так и хорошо живут»*, *«Ворота стоят на двух верях, а дом – на двух головах»* – *“Men make houses, women make homes”* (Мужчины строят дома, а женщины их создают), *“Husbands get wealth and only wives can save”* (Мужья делают состояние, а жены его сберегают), *“The family that prays together stays together”* (Семья, которая вместе молится, остается вместе).

В паремиологическом фонде обоих языков находят отражение трудности, с которыми сталкиваются люди в семейной жизни. К таковым относятся: ссоры супругов, материальные проблемы, злоупотребление алкоголем, супружеская неверность. Трудности жизни проверяют на прочность чувства и отношения.

В нашей картотеке насчитывается 254 русских и 137 английских пословиц, репрезентирующих семейные трудности и супружеские конфликты. По степени частотности употребления пословицы расположились в следующей последовательности: 1. Пословицы, представляющие эмоционально-психологическое взаимодействие супругов друг с другом и с родственниками, недостатки характера, способствующие возникновению конфликтной ситуации (140 рус. и 61 англ.: 55,1% и 44,5%). 2. Пословицы, в которых представлена ситуация супружеских ссор (65 рус. и 37 англ.: 25,6% и 27%). 3. Пословицы, отражающие проблему супружеской неверности (28 рус. и 21 англ.: 11% и 15,3%). 4. Пословицы, представляющие ситуацию злоупотребления алкоголем в семье (12 рус. и 5 англ.: 4,7% и 3,6%).

5. Пословицы, отражающие проблему материального неблагополучия семьи (9 рус. и 13 англ.: 3,5% и 9,4%)

В обеих лингвокультурах отмечается важность согласного проживания в семье и именно согласие во взаимоотношениях супругов определяет микроклимат семьи и является залогом ее благополучия и благосостояния, способствуя успешному решению хозяйственных вопросов и бытовых задач: «Согласье в семье – достаток в дому, раздоры в семье – пропадать всему», «В семье разлад, так и дому не рад» – “United we’ll stand, divided we’ll fall” (Вместе мы выстоим, врозь пропадем), в то время, как семейный разлад и несогласие препятствуют этому: “It is no play where one weeps and another laughs” (Не дело, когда один плачет, а другой смеется).

Совместная жизнь, супружеская в частности, немислима без столкновения интересов, расхождения во взглядах, попыток навязать свою точку зрения, а подчас и перевоспитать свою «половинку», что непременно ведет к возникновению конфликтов, следовательно, ссора в семье естественна: «Как ни колотись, без брани не житье», «Сколько не мучиться, а без ссоры не прожить» – “Accidents will happen in the best-regulated families” (Неприятности случаются и в самых благополучных семьях), “A chimney without smoke is like a couple without argument” (Труба без дыма, как пара без спора). Провербиальные единицы обоих языков отмечают ответственность каждого из супругов за психологический микроклимат в семье, равно как и ответственность за возникновение ссоры возлагается на обоих супругов: «Сосед не захочет, так и миру не будет» – “You must ask your neighbour if you shall live in peace” (Тебе нужно спросить соседа, будешь ли ты жить в мире), “It takes two to make a quarrel” (Для ссоры нужны двое).

Провербиальная представленность обоих языков отражает как положительное отношение социума к наличию ссоры в семье: «Милые бранятся, только тешатся» – “The falling out of lovers is the renewing of love” (Размолвки влюбленных – возобновление любви), “Woe to the house where there is no chiding” (Жалок тот дом, где нет брани, т.е. в нем живет не одинокий человек или люди, в нем нет равнодушия), так и отрицательное: «Худой мир лучше доброй ссоры» – “A bad compromise is better than a good lawsuit” (Худой компромисс лучше, чем хорошая тяжба). Русская и английская лингвокультуры отражают практически одинаковое мнение своих народов относительно поведенческой линии в данной проблемной ситуации:

во-первых, не нужно распространяться о неприятностях в семейных делах: «Плачь, молодая жена, да про свое горе никому не сказывай!», «Носи платье, не складывай; терпи горе, не сказывай!», «Не выноси сор из избы», «Сор мети, да в уголок хорони» – “Don’t wash your dirty linen in public” (Не стирай свое грязное белье на публике); более того, нужно вести себя так, чтобы никто не догадался о существовании неприятностей: “You must grin and bear it” (Нужно переносить трудности с улыбкой)); во-вторых, не нужно вмешиваться в чужие семейные дела: «Не суди мужа с женой! Жену с мужем Бог разбирает», «Муж с женой ругайся, а третий не мешайся!» – “Put not your hand between the bark and the tree” (Не клади руку между стволом и корой)); в-третьих, нужно стараться предупреждать и сглаживать ссоры: «Худой мир лучше доброй ссоры» – “Better a lean peace than a fat victory” (Лучше постный мир, чем жирная победа), «Мягкий ответ – и ярости нет» – “A soft answer turneth away wrath” (Мягкий ответ отворачивает гнев), «Ласковое слово и буйную голову смиряет» – “Good words cool more than cold water” (Хорошие слова охлаждают лучше, чем холодная вода); «Ласковое слово не трудно, да споро». Можно руководить и собственным состоянием гнева: “When you enter into a house, leave the anger ever at the door” (Когдаходишь в дом, всегда оставляй гнев за порогом), “If you be angry, you may turn the buckle of your girdle (belt) behind you” (Если ты разгневан, ты можешь повернуть пряжку ремня за себя), “When angry, count a hundred (recite the alphabet)” (Когда ты разгневан, досчитай до ста (расскажи алфавит)); в-четвертых, в случае неудачи в предотвращении ссоры нужно не допустить преступления «точки не возврата» (представленность в русской лингвокультуре): «Гневайся, да не согрешай», «Языком что хочешь мели, а рукам воли не давай», «Браниться бранись, а рукам воли не давай!», «Замахнись, да не ударь», «Бранися, а за милого держися», т.к. дом, в себе разделенный, обречен: «Дом, в себе разделенный, устоять не может» = “A house divided against itself cannot stand”. В русской паремиологической лингвокультуре существует поговорка, в которой отмечается недолговечность состояния ссоры между близкими и любящими людьми: «Ссора в своей семье до первого взгляда». В английской лингвокультуре постулируется избегание ссор: “Birds in their little nests agree” (Птицы в своих маленьких гнездышках живут, не ссорясь).

Состояние материального недостатка, нужды, бедности является одним из краеугольных камней, проверяющих на прочность чувства

и отношения. В паремиологическом фонде обоих языков отмечается отрицательное влияние состояния нужды на взаимоотношения супругов, в первую очередь, на их чувства: «С деньгами мил, без денег постыл», «Худ Роман, коли пуст карман», «Худ Роман, когда пуст карман; хорош Мартын, когда есть алтын» – “When poverty comes in at the door love flies out at the window” (Когда бедность входит в дверь, любовь вылетает в окно), “Love lasts as long as money endures” (Любовь длится до тех пор, пока есть деньги). Данные паремии отражают значимость экономического фактора во взаимоотношениях мужчины и женщины и подчас его приоритетность. Но в русском языке также существует пословица «С милым рай и в шалаше», отражающая первостепенность в семейном счастье не особого бытового комфорта и наличие материальных благ, а любви, взаимопонимания, согласия с любимым человеком.

Состояние нужды, бедности препятствует удовлетворению насущных потребностей в пище, одежде, бытовом оснащении, что вызывает внутреннее недовольство, раздражение, которые являются причиной ссор супругов: «Хлеба ни куска, так и в доме тоска», «Нужда горюет, нужда воюет» – “Empty stalls make biting horses” (В пустых конюшнях лошади кусаются), “Bare walls make giddy housewives” (От голых стен у хозяйки голова болит) – “Poverty (Want) breeds strife between the good man and his wife” (Бедность (Нужда) порождает раздоры между добропорядочным гражданином и его женой). Состояние нужды оказывает ожесточающее воздействие на психику человека, делает его эгоцентричным, невосприимчивым к нуждам других людей, примеры чего существуют в лингвокультуре обоих языков: «Голодное брюхо ко всему глухо» – “A hungry belly has no ears” (У голодного живота нет ушей). В паремиологическом фонде английского языка имеется пословица, в которой отмечается, что рациональное ведение домашнего хозяйства поможет избежать ненужных трат и будет способствовать сохранению мира в семье: “Haste makes waste, and waste makes want, and want makes strife between the goodman and his wife” (Спешка ведет к пустым тратам, пустые траты ведут к нужде, нужда является причиной ссор между добропорядочным гражданином и его женой).

Группа пословиц, представляющих ситуацию злоупотребления алкоголем в семье отражает осуждение этого явления как в русском, так и английском народах: «Пьянство – души потопление, семьи разорение» – “Dicing, drabbing and drinking bring men to destruction”

(Игра в кости, блуд и пьянство ведут людей к разрушению), *“Play, women, and wine undo men laughing”* (Игры, женщины и вино отучают мужчин от смеха), *“Gaming, women, and wine while they laugh, they make men pine”* (Игры, женщины и вино – пока они смеются, мужчины чахнут).

Пристрастие к алкоголю является причиной семейных ссор: *«Муж пьет, а жена горшки бьет»*, *«Муж – за чарку, а жена – за палку»*. Оно влечет за собой и другие отрицательные поступки такие, как: увлечение азартными играми, супружеские измены (как самих выпивающих, так и их «половинок»): *«Пить да гулять – добра не видать»*, *«Жена у посудника (дома), и муж у посудника (в кабаке)»*, *«Муж пьяница, да жена красавица – все хорошо»* – *“Dicing, drabbing and drinking bring men to destruction”* (Игра в кости, блуд и пьянство ведут людей (мужчин) к разрушению), *“Wine makes old wives wenches”* (Вино делает женщин падшими).

Общепризнанно отрицательное влияние алкоголя на психику и интеллект человека, что также находит подтверждение в народной мудрости: *«Не спрашивай: пьет ли, спрашивай: каков во хмелю»*, *«Как пьян – сам себе пан»*, *«Был Иван, а стал болван, а все вино виновато»*, *«Баба пьяна – вся чужа»*. Такое состояние одного из супругов никоим образом не способствует укреплению супружеского союза. Пьянство мужчины является большим испытанием для пары и бедой для всей семьи. Злоупотребление алкоголем женщины противоестественно и воспринимается социумом как больший грех и последствия этого пристрастия более пагубны для семьи: *«Муж запьет – полдома пропьет, жена запьет – весь дом пропьет»*. В лингвокультуре русского языка имеется пословица, представляющая семейное злоупотребление алкоголем: *«Муж – за рюмочку, а жена – за стаканчик»*. Это, пожалуй, единственный случай, когда единство супругов не приветствуется.

Пьянство – наказание для любого общества и в английской лингвокультуре нами найдена пословица-рекомендация по исправлению и возвращению на путь праведный: *“Drink less, and go home by daylight”* (Пей меньше и возвращайся домой засветло).

Самым большим грехом и самым большим преступлением в семье считается нарушение супружеской верности, которое ведет к распаду семьи. В паремиологическом фонде русского языка наблюдается равная количественная представленность пословиц, отражающих супружескую неверность обоих супругов; в то время как в

английском языке представлена главным образом ситуация нарушения супружеской верности супругой.

Муж, как традиционный глава семьи, ответственен за соблюдение его женой правил благочестивой хранительницы домашнего очага: «Жене спускать, так в чужих домах ее искать» – “*He that lets his horse drink at every lake, and his wife go to every wake, shall never be without a whore and a jade*” (Тот, кто позволяет своей лошади пить у каждого водоема, а своей жене ходить на каждый праздник, никогда не будет ни без падшей женщины, ни без клячи). В данном случае постулируется власть мужа. В английской лингвокультуре измена жены вменяется в вину мужу, отмечается, что верность жены зависит от его морально-этических качеств и поступков: “*Never kiss a man’s wife, nor wipe his knife, for he will be likely to do both after you*” (Никогда не целуй жену другого мужчины и не вытирай его нож, т.к. он наверняка сделает и то, и другое вслед за тобой), “*A proud eye, an open purse, and a light wife, bring mischief to the first, misery to the second, and horns to the third*” (Гордый взгляд, открытый кошелек и легкомысленная жена приносят несчастье первому, бедность второму и рога третьему), “*If you make your wife an ass, she will make you an ox*” (Если ты сделаешь свою жену ослицей, она сделает тебя быком), “*It is their husbands’ faults if wives do fall*” (В падении жен виноваты их мужья), “*Each husband gets the infidelity he deserves*” (Каждый муж получает ту неверность, которую он заслуживает). В русской лингвокультуре также имеется пословица, регламентирующая нравственное поведение мужа, представляющая морально-этическое требование к нему как к семейному человеку, и в то же время отражающая ситуацию недоверия к жене, превосходства мужчины над женщиной: «*На чужих жен не заглядывайся, а за своею пригляди*». В английской лингвокультуре также существует поговорка, представляющая тактику соблазнения чужой жены как предупреждение для ее мужа: “*Praise the child, and you make love to the mother (and it is a thing no husband ought to overlook)*” (Хвали ребенка и ты займешься любовью с его мамой (и это то, что ни один муж не должен упускать из внимания)).

В русской лингвокультуре в качестве причины нарушения супружеской верности обоими супругами, согласно паремиологическому фонду, можно выделить такую причину, как мезальянс: «*У старого мужа молодая жена – чужая корысть*», «*У старого жена молодая – беда не мала*», «*Любит жена и старого мужа, коли не ревнив*», «*Муж молод, жена стара – беда не мала*». Несмотря на не очень

одобрительное отношение к мезальянсу в русскоязычной пословицной культуре и более терпимое отношение к браку, где муж намного старше жены («*Муж стар, а жена молода – дожидайся детей, муж молод, а жена стара – дожидайся плетей*»), ситуация значительной разницы в возрасте рассматривается как первопричина нарушения супружеской верности. Еще одной из причин измены жены является пристрастие к алкоголю ее мужа: «*Муж пьяница, да жена красавица – все хорошо*», «*Жена у посудника (дома), и муж у посудника (в кабаке)*» – хотя в данной паремии злоупотребление алкоголем, возможно, является следствием, а не причиной. В английской лингвокультуре мезальянс не является причиной нарушения супружеской верности (“*Better be an old man’s darling than a young man’s slave*” (Лучше быть любимицей старого, чем рабой молодого)), и паремий, свидетельствующих о причинности алкоголя в измене жены, нами не найдено. Однако в обеих лингвокультурах имеются паремии, иллюстрирующие закономерную связь пагубных пристрастий: «*Пить да гулять – добра не видать*» - “*Dicing, drabbing and drinking bring men to destruction*” (Игра в кости, блуд и пьянство ведут людей (мужчин) к разрушению), “*Wine makes old wives wenches*” (Вино делает женщин падшими).

В обеих лингвокультурах отмечается ненадежность (вероломство) жены: «*Проводила мужа за овин – да и прощай, жидовин*», «*Муж – за волками, а жена – за молодцами*» – “*When the goodman is from home, the good wife’s table is soon spread*” (Как только добропорядочный гражданин из дома, стол его жены тут же накрывается). Паремии обоих языков отражают ситуацию «святого неведения» мужа в случае измены жены: «*Опричь мужа, всяк знает, что жена гуляет*», «*Муж того не знает, что жена гуляет*» – “*The goodman is the last who knows what’s amiss at home*” (Добропорядочный гражданин узнает последним что случилось в доме), “*The husband is the last to find out*” (Муж узнает последним) и выражают сочувственное отношение к обманутому мужу: «*Баба блудит, а деду грех*» – “*He that has horns in his bosom, let him not put them on his head*” (Позвольте обманутому мужу не афишировать свой позор). В английской лингвокультуре также существуют паремии, отражающие взаимоотношения пары, в которой жена нарушила супружескую верность: “*Mock not, quoth Mumford, when his wife called him cuckold*” («Не издевайся», – сказал Мамфорд, когда его жена назвала его рогоносцем). В русском паремиологическом фонде подобных паремий не найдено.

В лингвокультуре русского народа отмечается сдержанно-отрицательное отношение к супружеской измене мужчины: «*Честный муж одну только жену обманывает*», «*Вольно дурить, чужих жен любить*», «*На чужемужню жену не заглядывайся*». Что касается отражения измены мужа в английских паремиях, то наличие сего факта и отношение к нему мягко вуалируется в пословицах о благоразумных женщинах: “*Discreet women have neither eyes nor ears*” (У благоразумных женщин нет ни глаз, ни ушей), “*In marriage the husband should have two eyes, and the wife but one*” (В браке у мужа должно быть два глаза, а у жены только один). Обе лингвокультуры расценивают измену жены как больший грех, по сравнению с таковым мужчины: «*Муж согрешил, так в людях грех; а жена согрешила, домой принесла*», «*Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет*» – “*If a man is unfaithful to his wife, it’s like spitting from a house into the street; but if a woman is unfaithful to her husband it’s like spitting from the street into the house*” (Неверность мужа похожа на плевок из дома на улицу, а измена жены – на плевок из улицы в дом), “*Once a whore, always a whore*” (Однажды падшая женщина – всегда падшая женщина).

В русской лингвокультуре существуют пословицы, отражающие отношение женатого мужчины или замужней женщины к чужим супругам, при сравнении с которыми свои собственные явно проигрывают: «*Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая*», «*В чужую жену черт мед кладет, в свою уксусу подливает*», «*У чужих жен мужья гляди каки: а у нас все вон эдаки*». Отношение мужчины представлено следующими паремиями: «*В чужую жену черт ложку меда кладет*», «*Чужая жена всем девицей кажется*», «*Дети лучше свои, а жена – чужая*», в которых явно прослеживается отсутствие любви и уважения к собственной жене. Отношение женщины отличается от такового мужчины и характеризуется приверженностью христианской морали и канонам о браке и семье, выражающейся в богобоязни, осознании греховности чувства не к собственному мужу и готовности к самопожертвованию, с одной стороны: «*Чужого мужа полюбить – себя погубить*», «*Женатого целовать не сладко*», и состоянием зависимости и несправедливости, с другой: «*Чужой муж бы и мил, да не жить мне с ним; а свой постыл – волочиться с ним*». В английской лингвокультуре подобных паремий не найдено.

Анализ паремиологического фонда русского и английского языков позволяет сделать вывод о близости народов в ценностном восприятии действительности, отражающей значимость семьи в жизни человека.

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
КАК СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ НАЧАЛА
ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Ю. И. Линькова

В статье рассматривается субфрейм «начало посессии» на материале фразеологизмов русского и английского языков. Особое внимание уделяется анализу фразеологических единиц с отрицательным субъектно-оценочным компонентом фразеологического значения.

Ключевые слова: посессивность, сопоставительная лингвистика, фразеологическая единица, фрейм, семантическая структура.

Универсальная категория посессивности представляет собой особый тип взаимодействия субъекта и объекта, в основе этого взаимодействия – отношения собственности или включения объекта в сферу субъекта, которые состоят из различных фаз – от их начала до их окончания. Мы считаем, что отношения посессивности могут быть представлены в виде динамически разворачивающегося фрейма, структурными компонентами которого являются субфреймы начала посессии, собственно посессии и ее окончания. Сопоставительная характеристика репрезентации в неблизкородственных языках универсальных категорий представляет, на наш взгляд, особый интерес, поскольку позволяет выявить национально-культурную специфику.

Русский и английский языки богаты устойчивыми сочетаниями с посессивным значением. Рассматриваемые фразеологизмы «раздвигают рамки» обыденных посессивных ситуаций, при этом в их семантику включаются ценности, имеющие универсальную значимость для всех членов обеих лингвокультур. К ним относятся мировоззренческие установки, морально-этические ценности, выражаемые посессивными характеристиками обладателя. Они отражаются в разного рода посессивных значениях, вербализованных фразеологизмами.

В начальной фазе посессивных отношений важным является наличие объекта в реальной действительности, которым субъект хочет или должен (в силу обстоятельств) обладать. Схемы начала

посессивных отношений может быть представлена в следующем виде: искал – нашел – взял (начал иметь) [1. С. 126]. После того, как одушевленный субъект имеет определенные намерения относительно какого-нибудь объекта – желание, необходимость, потребность и т.д. включить его в свою сферу, он начинает активно действовать и в зависимости от ситуации соответствующим образом осуществлять посессивные отношения.

В данной статье мы остановимся на субфрейме «начало посессии», который является релевантным для субъекта-посессора. Ведь именно от того, как будут начинаться посессивные отношения, во многом зависит характер дальнейших отношений между субъектом и объектом.

Нами рассматриваются фразеологические единицы в русском и английском языках, которые аналогичны предикативным конструкциям со значением обладания.

Фразеологическими единицами, выражающими начало посессивных отношений, в русском языке являются: *брать свое, класть себе в карман, прибираться к рукам, наложить лапу, покупать kota в мешке, грести лопатой деньги, брать верх над кем-то, запускать лапу, приходить в голову (мысль пришла в голову), входить в голову, влезать в долги и т.д.*

Данные фразеологические единицы можно разделить с точки зрения этических норм общества на две группы: фразеологизмы, характеризующие субъекта с отрицательной позиции и фразеологизмы, характеризующие субъекта с положительной позиции.

В рамках статьи мы рассмотрим первую группу, к которой относятся фразеологические единицы с отрицательным субъектно-оценочным компонентом фразеологического значения, то есть фразеологизмы со значением, выражающим осуждение как констатацию социально устоявшейся оценки определенных черт характера. Как в русском, так и в английском языке данная группа является наиболее многочисленной. По мнению А. Д. Райхштейна, данное явление можно объяснить следующим образом: «Общая семантическая асимметрия фразеологической системы (сдвиг в сторону отрицательных значений) может быть объяснен более острой и дифференцированной эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные явления, а также характерной для стрессовых, то есть резко отрицательных эмоциональных состояний, тенденций к использованию готовых речевых форм и в том числе устойчивых словесных комплексов» [2. С. 62].

К этой группе можно отнести следующие фразеологические единицы: *влезть в долги, прибираться к рукам, снимать пенки с чего-либо, класть себе в карман, покупать kota в мешке, с руками оторвать, втираться в доверие, накладывать лапу (руку) и т.д.*

В рамках фреймовой модели посессивных отношений в семантической структуре фразеологизмов нами устанавливается категориально-лексическая сема: 'приобщение объекта к сфере субъекта', которая реализуется интегральными семами 'характер субъекта', 'характер объекта', 'цель приобщения', 'характер приобщения', 'характер пространства'.

Одной из отличительных особенностей фразеологических единиц является их воспроизводимость. Это свойство указывает на то, что каждый раз в речи, используя тот или иной фразеологизм, человек приспособливает уже ранее созданную форму к конкретной ситуации. Однако это только в речи (устной или письменной) фразеологизм наполняется каким-либо определенным содержанием, характеризуя лицо, предмет или явление окружающего мира, в системе же языка он обладает достаточно обобщенным значением. Говоря о субъекте фразеологической единицы, мы не можем оперировать понятием «субъект», подразумевая под ним какое-нибудь конкретное лицо или предмет. Во фразеологии любого языка наиболее ярко отражается опыт познания человеком окружающей его действительности, поэтому субъект в семантике фразеологизма характеризуется как обобщенный.

В рамках обозначенной группы обобщенный субъект в процессе реализации семантической структуры фразеологизма характеризуется как активный, конкретный, одушевленный, например: *Слову вы своему не господин. Над людьми любите верх брать, а сами им хотя и не хотите, но подчиняетесь* (Куприн, 43); *Подожди, Максим, скоро я войду здесь в силу* (Ажаев, 87).

Остановимся подробнее на интегральном признаке 'характер объекта'. В ряду фразеологических единиц *влезть в долги, грести лопатой деньги, класть себе в карман* объект выражен эксплицитно как 'неодушевленный', 'конкретный', 'пассивный', речь идет о присвоении субъектом денежных средств: *Благодаря моим трудам сотня французских лавочников-рантье и десяток ловких русских пройдох со временем положат в карман миллионы* (Куприн, *Молох.*). Объект мы определяем, исходя из синонимичных конструкций (*грести лопатой деньги – «приобщать» деньги*).

Приобщаемый объект может быть как одушевленный, так и неодушевленный, что обусловлено контекстуально, в частности, во фразеологизмах *прибирать к рукам (кого, что)*, *брать голыми руками (кого, что)*: – *На днях покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять: вот уж приберет вас к рукам Кирилла Петрович (Пушкин, Дубровский).*

С характером объекта тесно связан ‘характер пространства приобщения’. Так, пространство, в котором находится объект, может либо являться частью сферы субъекта (замкнуто в сфере субъекта), либо выходить за ее пределы, поэтому ‘характер пространства’ может быть ‘определенный’, ‘неопределенный’, ‘замкнутый в сфере субъекта’. Во фразеологических единицах *класть себе в карман*, *втираться в доверие* характер пространства, в котором реализуются субъектно-объектные отношения, определен. Субъект приобретает материальные ценности в определенном пространстве, речь идет о ситуациях, когда происходит приобретение влияния, расположения другого человека, затрагивается его сфера, соответственно пространство реализации субъектно-объектных отношений определено.

В качестве релевантной интегральной семы в семантической структуре рассматриваемых фразеологизмов выступает сема ‘характер приобщения’, поскольку именно ее реализация позволяет говорить о различных отношениях между субъектом и объектом. На примере следующих фразеологизмов наиболее ярко видна реализация данной интегральной семы: *грести лопатой деньги*, *покупать kota в мешке*, *втираться в доверие*. В приведенном ряде реализуются следующие дифференциальные признаки: ‘без усилий’, ‘с риском’, ‘с затратой (приложением) усилий’.

В английском языке фразеологические единицы, характеризующие субъекта с отрицательной позиции, представлены следующим рядом: *to fall/get into debt* (*влезть в долги*), *to get one's claws into smb.* (*прибирать к рукам*), *to skim the cream of the crop* (*снимать пенки*), *to buy a pig in a poke* (*покупать kota в мешке*), *to try to win /gain/ smb's confidence* (*втираться в доверие*), *to have an advantage over smb.* (*брать верх над кем-то*), *to be flush with money* (*to have money to burn*) (*грести лопатой деньги*) и т.д.

Субъект в семантической структуре проанализированных фразеологических единиц выражен как одушевленный, конкретный, активный: *It was time he took McGregor in hand, because McGregor would have to be straightened out by the time they reached Moscow* (J.

Aldridge, "The Diplomat") – Пора прибрать Мак-Грегора к рукам: когда они приедут в Москву, ему понравится вышколенный Мак-Грегор; *With the best effort of Manuel found himself running into debt* (W. Du. Bois, "The Ordeal of Mansart") – Как не крепился Мануэль, ему все же пришлось залезть в долги.

Объект может быть неодушевленный, если речь идет о приобретении денежных средств: *With the best effort of Manuel found himself running into debt* (W. Du. Bois, "The Ordeal of Mansart") – Как не крепился Мануэль, ему все же пришлось залезть в долги. В семантической структуре фразеологизмов *to get one's claws into smb.* (прибрать к рукам), *to gain/get an advantage over smb.* (брать верх над кем-то) объект выражен как одушевленный, конкретный, пассивный: *I should be wary of that fellow. Don't let him get his claws into you or there'll be no getting rid of him* (C.P. Show, "Corridors of Power", ch. I) – Я бы остерегался этого человека. Не разрешайте ему заарканить вас, от него потом не отвяжешься.

Реализацию релевантной семы 'характер приобщения' можно проследить на примере следующих фразеологических единиц: *to buy a pig in a poke* (покупать коша в мешке), *to skim the cream of the crop* (снимать пенки), *to have an advantage over smb.* (брать верх над кем-то). В приведенном ряде реализуются следующие дифференциальные признаки: 'с риском', 'без усилий', 'с затратой (приложением) усилий'. В данных примерах наиболее ярко видны отношения между субъектом и объектом, процесс приобщения объекта к сфере субъекта.

В анализируемой группе широко употребляются соматизмы в составе фразеологических единиц. В значительной степени это обусловлено тем, что соматические фразеологизмы представляют собой один из древнейших слоёв в лексике различных языков и входят в ядро основного состава словарного фонда языка. Обилие соматических фразеологизмов в разных языках естественно, так как «соматические лексемы, входящие в их состав, обладают высокой способностью метафоризироваться» [3. С. 25].

Во фразеологических единицах, в основе которых лежат реакции внутренних органов и частей тела на внешние речевые и неречевые раздражители, «отражается взгляд на язык как на двусторонний коммуникативный процесс. Оба участника ситуации, независимо от того, в каком языковом социуме они живут, обладают знаниями о возможностях своего организма, то есть владеют определённой символикой», – отмечает Т. З. Черданцева [3. С. 27].

В основу многих анализируемых нами фразеологических единиц положены соматические образы. В русском фразеологическом фонде они представлены шире, нежели в английском (*брать в руки – to take in hand*, *брать, взять в ум – to try to understand smth., try to make sense of smth., отвечать головой за кого, что – to stake one's life for/on smb.; to answer for smb. with one's life, принимать близко к сердцу – to feel strongly about smth*). Наиболее часто встречаются фразеологические единицы, в основу которых положены следующие соматизмы: голова, руки, сердце. Образ головы выступает как вместилище, руки являются основным средством приобщения объекта.

Таким образом, субфрейм «начало владения» широко представлен как в русском, так и в английском языках.

Категория объекта также по-разному отражена в семантике русских и английских фразеологизмов. В русском языке в семантике фразеологизмов приобщаемый объект, как правило, является неодушевленным, в то время как в семантике английских фразеологических единиц объект может быть как одушевленным, так и неодушевленным.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в основу большинства фразеологизмов русского языка положены соматические образы, которые конкретизируют характер субъектно-объектных отношений, в то время как в структуре английских фразеологических единицах они используются значительно реже.

Список литературы

1. Милованова, М. В. Категория владения в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2007. 408 с.
2. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М. : Высшая школа, 1980. 143 с.
3. Черданцева, Т. З. Идиоматика и культура (постановка вопроса) // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 58–70.

References

1. Milovanova, M. V. Kategorija posesivnosti v ruskom i nemeckom jazykah v lingvokul'turologicheskom osvewenii. Volgograd : Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2007. 408 s.
2. Rajhshtejn, A. D. Sopostavitel'nyj analiz nemeckoj i ruskoj frazeologii. M. : Vysshaja shkola, 1980. 143 s.
3. Cherdanceva, T. Z. Idiomatika i kul'tura (postanovka voprosa) // Voprosy jazykoznanija. 1996. № 1. S. 58–70.

**ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
С КОМПОНЕНТАМИ-МЕТЕОНИМАМИ «ЛЁД» / «ICE»,
«ГРОМ» / «THUNDER»**

К. Л. Фёдорова

В настоящее время во фразеологической науке отмечается большой интерес учёных-филологов и лингвистов к фразеологическим единицам, объединённых общим компонентом. Данная статья посвящается выявлению фразеологизмов с компонентами-метеонимами «лёд»/ «ice», «гром»/ «thunder» в русском и английском языках. Дается толкование термина «метеоним» и раскрывается его семантическое содержание. Исследуемый фразеологический материал классифицирован по семантико-грамматическим классам А. М. Чепасовой, обнаружена разная фразеологическая активность единиц в рассматриваемых языках и показаны истоки их проникновения в картину мира двух лингвокультурных общностей.

Ключевые слова: фразеологические единицы, метеоним, картина мира.

Предмет нашего исследования – особенности фразеологизмов с компонентами-метеонимами «лёд»/ «ice», «гром»/ «thunder» в русском и английском языках. Данные компоненты определяются нами как часть группы метеонимов, т. е. компонентов, обозначающих изменения погоды и её элементов: осадков, электрического состояния, температуры, облачности, ветра и т. д. Среди метеонимов нами выделяются лёд, гром, туман, ветер, молния, снег (ice, thunder, fog, wind, lightning, snow) и др.

1. Лёд/ ice

Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, лексема «лёд» означает «замёрзшая и затвердевшая вода» [2. С. 325]. В русском языке, согласно семантико-грамматической классификации А. М. Чепасовой, нами определено 5 процессуальных фразеологизмов с компонентом-метеонимом «лёд»: «биться как рыба об лёд» – тщетно, безрезультатно прилагать все усилия, чтобы выйти из бедственного материального положения, бедствовать; «лёд тает [лёд растаял]» – исчезает [исчезло] чувство недоверия,

отчуждённости; «*лёд тронулся*» – положено начало чему-нибудь; «*растопить лёд*» – уничтожить отчуждённость, недоверие между кем-либо; «*разбить [сломасть] лёд*» – устранить затруднения, натянутость, принуждённость в отношениях между кем-либо. Нами обнаружен один качественно-обстоятельный фразеологизм с данным компонентом: «*как лёд*» – 1) что-то холодное; 2) кто-то не реагирует на окружающее, равнодушен. Наличие фразеологизмов с компонентом-метеонимом «*лёд*» в русском языке неслучайно: в стране, где по фенологическим сезонам года зима состоит из 111 дней, отношение к снегу и льду особенное. Россия издавна считалась аграрной страной. Именно от обилия зимних осадков и крепости морозов зависит урожай, а значит, и благосостояние русского крестьянина, чего не скажешь о жителях Великобритании. Свойственные англичанам чувство юмора и изворотливость определили семантику качественно-обстоятельного фразеологизма «*on ice*» – дело в шляпе, дело верное, всё «на мази». Итак, рассмотрев фразеологизмы с компонентами-метеонимами «*лёд*»/ «*ice*», мы пришли к выводу, что в русском языке единиц данной группы больше, что обусловлено климатическими реалиями России.

2. *Гром/ thunder*

Толковый словарь русского языка Ожегова, Шведовой так определяет значение лексической единицы «гром»: 1) сильный грохот, раскаты, сопровождающие молнию во время грозы; 2) *перен.* сильный шум, звуки ударов [2. С. 146]. Древние славяне со страхом относились к данному погодному явлению, приписывая его проявлению гнева Перуна – бога грозы, молний и грома, божеству войны и покровителю воинов и князей. При создании государства Киевской Руси Перун стал главным божеством в княжеско-государственном культе X века. Нами определены 3 фразеологизма с компонентом-метеонимом «гром». Предметный фразеологизм «*гром небесный*» означает кару, наказание свыше, что свидетельствует о глубоком проникновении языческого культа в картину мира русского человека. С неминуемой расплатой за деяния связан и процессуальный фразеологизм «*грянет (грянул) гром*» – случится, последует тяжёлое наказание, расплата за что-либо, неожиданно что-то произойдёт (произошло). Качественно-обстоятельный фразеологизм подтверждает тот факт, что коннотация исследуемых единиц в русском языке отрицательная: «*как [словно, будто, точно] гром среди ясного неба*» – неожиданно, внезапно (обычно о случившемся несчастье).

В английском языке нами зафиксированы 5 фразеологических единиц с компонентом-метеонимом «thunder». И это не случайно: гром и молнии являются неизменными атрибутами дождя, на который так щедр Туманный Альбион. Такие качества грома, как шумность, внезапность и опасность передаются в английских качественно-обстоятельных фразеологических единицах: «(as) black as night (as sin/thunder/ a thunder cloud)» – мрачнее тучи; «(as) loud as thunder» – очень громкий, громоподобный; «like a thunderclap (thunderbolt)» – совершенно неожиданно. Предметный фразеологизм «thunders of applause» содержит метафору - гром аплодисментов. Такие национальные особенности английского характера, как хитрость и находчивость, нашли отражение в процессуальном фразеологизме с исследуемым компонентом «steal smb's thunder» – 1) использовать в своих целях чьи-л. идеи, открытия и т. п., не поставив в известность их автора, присвоить чьи-л. идеи, открытия и т. п., совершить плагиат; 2) «переплюнуть» кого-л., украсть лавры у кого-л., сорвать эффект чего-л.

Таким образом, мы рассмотрели особенности фразеологизмов с компонентами-метеонимами «лёд»/ «ice», «гром»/ «thunder» в русском и английском языках, классифицировали их по семантико-грамматическим классам А. М. Чепасовой, обнаружили разную фразеологическую активность единиц в рассматриваемых языках и показали истоки их проникновения в картину мира двух лингвокультурных общностей.

Список литературы

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. СПб. : Фолио-Пресс, 2001.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений: 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Российская академия наук: институт русского языка имени В. В. Виноградова. М. : Азбуковник, 1999.

References

1. Biriĥ, A. K. Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-jetimologičeskij spravocĥnik / A. K. Biriĥ, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova. SPb. : Folio-Press, 2001.
2. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologičeskikh vyrazhenij: 4-e izd., dop. / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. Rossijskaja akademija nauk: institut russkogo jazyka imeni V. V. Vinogradova. M. : Azbukovnik, 1999.

3. Чепасова, А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006.

3. Chepasova, A. M. Semantiko-grammaticheskie klassy russkih frazeologizmov: ucheb. posobie. Cheljabinsk : Izd-vo Cheljab. gos. ped. un-ta, 2006.

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ЧЁРНЫЙ В СЕМАНТИКЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Е. А. Шабашева

В статье рассматривается специфика оценки цветообозначения черный во фразеологии русского и английского языков. На основе анализа оценочных значений фразеологических единиц с компонентом черный делается вывод об общем негативном отношении к данному цвету в аксиологической картине мира носителей исследуемых языков.

Ключевые слова: фразеология, аксиология, оценка, цветообозначения.

Символизм чёрного цвета наиболее часто рассматривают в его самых отрицательных аспектах. Являясь антитезой всем цветам, чёрный ассоциируется с первобытной тьмой и первичной неформленной материей [7. С. 92]. В символике чёрного цвета очень важно интуитивное кодирование, вызванное страхами перед тёмными силами [10. С. 156].

Во фразеологии русского языка использование цветообозначения *чёрный* часто несёт экспрессивную функцию, усиливая отрицательную оценку негативных эмоций, отражая мрачное, тоскливое состояние: *стать чернее ночи (тучи)* – стать очень мрачным, раздраженным, *чернь* – печаль (*ходить в черни* – в печали), *видеть всё в чёрном цвете (всё представляется в черном цвете)* – всё представляется очень мрачным, *чёрная скука, тоска*; *чёрные мысли, думы* – мрачные, пессимистичные размышления, *рисовать чёрными красками* – представлять что-либо в неприглядном свете.

Исторически обусловленное значение «неквалифицированный, физически тяжёлый, простонародный, грубый» отражается в следующих фразеологических единицах (ФЕ) русского языка: *чёрная работа* – физически тяжёлая, грязная работа, *чёрный народ* – крестьяне, ремесленники, рабочие, *чернядь (диал. Арх.)* – чернь, простолюдине, *чёрная служанка* – о слугах, выполняющих физически тяжёлую, грязную работу, *чёрная кухарка* – кухарка, готовящая стол

слугам, *чёрная кость* – человек незнатного, недворянского происхождения, крестьянин, ремесленник, кустарь и др. в дореволюционной России.

С этим значением и традиционным соотношением чёрного цвета с простым народом, а белого – с аристократией связаны и следующие негативные значения чёрного цвета – «служебный, не парадный, подсобный»: *чёрная лестница* – ведущая на задний, чёрный двор, *чёрный двор* – задний двор, предназначенный для скота, птицы; «бытовой, грязный, низкого качества»: *чёрная баня* – баня, отапливаемая в прошлом печью, не имеющей трубы, *топить по-чёрному*, *чёрная печь* – печь без дымохода.

Чёрный цвет, являясь символом траура во многих культурах, участвует в вербализации концепта «смерть, беда», что в большей степени характерно именно для русского языка: *чёрная повязка* – символ и знак траура при похоронах, *чёрное знамя* – знак траура (в настоящее время в России в дни общегосударственного траура вывешивают (с наклоном) трёхцветные знамёна с чёрной лентой на древке), *чёрный тюльпан* – гроб с телом погибшего солдата, *ходить в чёрном* – носить траур.

Чёрный как символ всего зловещего, тайного, неблагоприятного, печального находит своё отражение в концептуальной области «неудачный, невезучий»: *чёрный год* – неудачный год, *беречь (хранить, иметь) что-нибудь на (про) чёрный день* – в расчёте на самое трудное время, *чёрные страницы жизни, истории*.

Цветообозначение *чёрный* ассоциируется с нечистой силой и участвует в актуализации концептуальной области «дьявольский, связанный с нечистой силой»: *чёрная магия* – волшебство, чародейство, колдовство с помощью адских сил, *чёрный глаз* – таинственная магическая сила взгляда, приносящая несчастье, *чёрная сила* – нечистая сила.

Отрицательную оценку выражают также следующие ФЕ русского языка со значением «нечестный, злонамеренный, преступный, нелегальный»: *чёрное дело* – плохой поступок, преступление, *чёрная душа* – о человеке коварном, способном на низкие поступки, *чёрный рынок* – неофициальный рынок, где осуществляются незаконные коммерческие операции, спекулятивная торговля.

В современном фразеологическом фонде русского языка нами не было зафиксировано ни одного фразеологизма с компонентом *чёрный*, имеющего положительную оценку. Тем не менее, по свиде-

тельству Т. А. Павлюченковой, исследовавшей цветовую лексику в языке русских былин, цветообозначение чёрный реализует положительные значения «нарядный, праздничный» (*чёрная шапка (шляпа)*) и «красивый» (*чёрные брови*) [4. С. 12]. Однако данные значения являются архаичными и цветообозначение *чёрный* здесь употреблено в прямом дескриптивном смысле, указывая на цвет реалии, оцениваемой положительно с эстетической точки зрения.

Во фразеологии английского языка цветообозначение *black* выступает в качестве усиления в оценке негативных эмоциональных состояний в вербализации таких концептов как «злость, агрессия»: *black (blue) in the face* – почерневший от злости, *black with rage* – чёрный от ярости (гиперболизация в указании на цвет свидетельствует о наивысшей степени проявления эмоции), *black look* – угрожающий взгляд; «пессимизм, тоска»: *to look black* – выглядеть мрачным, *black-browed* – хмурый, мрачный, *black dog (a black dog has walked over someone)* – меланхолия, подавленное настроение.

Цветообозначение *black*, обозначая темный цвет, детерминирует дальнейшую цепочку отрицательных значений – «чёрный → темный → грязный»: *your hands are black* – очень грязные, *black rain* – дождь, ставший темным от воздействия гари, пыли и др.; «грязный, нечистый → морально нечистоплотный, грязный, осуждаемый»: *black sheep* – паршивая овца, позор в семье.

Как и в русском языке, в английском цветообозначение *чёрный* реализует значение «противозаконный, нелегальный, нечестный»: *black market* – чёрный рынок, *the (world) black money* – 1) деньги, не заявленные для налогообложения 2) поддельные монеты, *black leg* – мошенник, особенно в игре в карты или на бегах, *black bag job* – секретное незаконное проникновение в здание с целью похищения документов.

В английском языке цветообозначение *black* встречается в эвфемистических обозначениях дьявола: *the Black Prince (arch.)* – дьявол, *the old gentleman in black* – старый господин в чёрном, Сатана, *the Black Man* – дьявол, нечистый, а также выражает негативную оценку событий, явлений, людей как «связанных с нечистой силой, злом»: *black deeds* – злые дела, *black magic (art)* – чёрная магия, колдовство с помощью дьявола или злых духов, *blackhearted* – злой, злобный.

Цветообозначение *black* активно вербализирует концепт «плохая репутация, недоверие»: *(little) black book* – чёрная книга, перечисляющая лиц, не допускающихся для участия в чём-либо, часто след-

ствии плохой репутации, *to be in someone's black books* – в немилости, *black mark* – знак недоверия к человеку.

Чёрный также используется негативно в значении «испортить репутацию кому-либо, очернить, оклеветать, обвинять»: *to say black's the white of his eye* – обвинять кого-либо в злонамеренности или невежестве, *to blackwash* – говорить о ком-то плохо, *to blacken* – испортить репутацию, очернить, *black eye (U.S., sl.)* – что-то негативно сказывающееся на чьей-либо репутации.

Чёрный в англоязычной культуре символизирует отсутствие удачи: *black ox (black cow (Scots))* – дословно – чёрный бык (черная корова), неудача, *a black ox has trod on his foot* – его преследуют неудачи, ему не везёт, *black-letter day* – несчастливый день, вспоминаемый с сожалением.

Тёмный цвет кожи человека является основанием для образования ФЕ, актуализирующих концепт «представитель темнокожего населения» во многих языках, но особый интерес этот концепт представляет именно в английском. В англоговорящем сообществе большое значение имеет борьба темнокожего населения за свои права.

Надо отметить, что политическая корректность исключает использование слова *black* в отношении темнокожего человека в английском языке. Однако нами были выделены некоторые ФЕ с очевидной отрицательной оценкой, оскорбительные обозначения представителей темнокожего населения в американском сленге: *Black Africa* – расистское название темнокожих, *black bone (blue bone)* – темнокожая женщина, *Black American Princess* – пейоративное название девушки или женщины, рождённой в семье афро-американского происхождения среднего или высокого достатка, *black meat* – а любовница-негритянка.

Также оскорбительны следующие выражения, используемые белыми жителями Австралии в отношении коренных жителей: *black fellow (black fellow's button)* – австралийский абориген, *black velvet* – коренные австралийские женщины или девушки.

В Великобритании выходцев из Индии презрительно называют *blacky-white*.

В английской фразеологии нами были зафиксированы ФЕ с цветообозначением *black*, обладающие положительной оценкой. Однако их единичность, употребление прилагательного *black*, входящего в их состав, в дескриптивном цветовом значении и тесная связь внутренней формы таких фразеологизмов с экстралингвистической

фоновой информацией, не позволяет сделать вывод о наличии бинарной аксиологической оппозиции в семантике ФЕ с цветообозначением *black*.

Фразеологизмы *to be (remain) in the black, move into (return to, get to, etc.) the black* (быть прибыльным, не иметь долгов) образованы на основе неметафорического концепта, слово *black* здесь изначально обозначало цвет чернил, которыми традиционно записывали клиентов, не имеющих задолженности, в финансовых документах. Данная экстралингвистическая информация с течением времени трансформировалась в метафорическое значение цветообозначения *black* в этих идиомах, которые стали обозначать «быть прибыльным, платежеспособным», а прямое цветовое значение слова *black* перестало осознаваться носителями языка как таковое. Данные ФЕ образованы по модели «предмет, имеющий цветовую характеристику («чёрный)», + экстралингвистическая информация, являющаяся основанием образования метафорического переосмысления и образования фразеологизма → отличительная черта предмета» Положительная оценка здесь связана с восприятием данной ситуации в обществе: не иметь долгов – это хорошо.

Положительной оценкой обладает также ФЕ английского языка *Black Jack* – символ чего-то желаемого, удачного (*Black Jack rides a good horse – it is a favourable sign*). Данная идиома является архаичной (зафиксирована в словаре *The Dictionary of Phrase and Fable* by E. Cobham Brewer [8], первое издание которого относится к 1898 г.) и ограничено территориальными рамками Корнуолла. Происхождение её, согласно упомянутому словарю, связано с тем, что сочетание *Black Jack* – это термин, используемый корнуоллскими шахтёрами для обозначения сфалерита или сульфида цинка, появление которого считается хорошим знаком, т.к. он сигнализирует о близком расположении залежей руды. То есть образование идиомы произошло по принципу генерализации «шахтерский термин для обозначения благоприятной ситуации в работе по добыче руды → общее обозначение благоприятной ситуации, чего-то желаемого, удачного». Цветообозначение *black* здесь не имеет ни прямое значение, ни переосмысленное. Образование ФЕ связано с конвенциональными знаниями, в основании лежит термин, используемый в определенной области жизнедеятельности людей. Положительная оценка ФЕ связана с восприятием удачной, желаемой ситуации как положительной в человеческом обществе.

ФЕ *the new black* обозначает что-то наиболее популярное или модное на данный момент (e.g. *Designers say that brown is the new black.*). Положительное значение этой идиомы связано с особенностями восприятия цвета представителями англоязычной лингвокультуры: чёрный – это цвет одежды на официальных приёмах, цвет индустрии моды. То есть данная ФЕ образована на основе конвенциональных знаний представителей англоязычной культуры о черном цвете. Можно предположить, что в современном мире чёрный приобрел новое символическое значение – модный.

Итак, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что особенностью оценки цветообозначения *черный* в семантике ФЕ русского и английского языков является отсутствие бинарной аксиологической оппозиции, так как данное цветообозначение концептуализирует только области отрицательной оценки во фразеологии русского языка и обладает значительной асимметрией в сторону отрицательной оценки в английской фразеологии.

Список литературы

1. Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона. URL : //http://dic.academic.ru
2. Даль, В. И. Словарь живого великорусского языка. М. : Русский язык, 1991.
3. Кудрявцев, А. Ю. Англо-русский словарь – справочник табуизированной лексики и эвфемизмов / А.Ю. Кудрявцев, Г.Д. Куропаткин. М. : КОМТ, 1993. 304 с.
4. Павлюченкова, Т. А. Прилагательные со значением цвета в языке русских былин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 18 с.
5. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель ; АСТ, 2008. 878 с.
6. Bennett, T. J. A. Aspects of English Colour Collocations and

References

1. Bol'shoj tolkovo-frazeologicheskij slovar' M. I. Mihel'sona. URL : //http://dic.academic.ru
2. Dal', V. I. Slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka. M. : Russkij jazyk, 1991.
3. Kudrjavcev, A. Ju. Anglo-russkij slovar' – spravochnik tabuizirovannoj leksiki i jevfemizmov / A. Ju. Kudrjavcev, G. D. Kuropatkin. M. : KOMT, 1993. 304 s.
4. Pavljuchenkova, T. A. Prilagatel'nye so znacheniem cveta v jazyke russkih bylin: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1984. 18 s.
5. Fjodorov A. I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka. M. : Astrel' ; AST, 2008. 878 s.
6. Bennett, T. J. A. Aspects of English Colour Collocations and Idi-

- Idioms. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1988. 301 p.
7. Dictionary of Symbols. Penguin Books, 1996. 1174 p.
8. The Dictionary of Phrase and Fable by E. Cobham Brewer. London : From the New and English Edition, 1971.
9. Urban Dictionary. URL : // <http://urbandictionary.com>
10. Wyler, S. Color and Language. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1992. 201 p.
- oms. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1988. 301 p.
7. Dictionary of Symbols. Penguin Books, 1996. 1174 p.
8. The Dictionary of Phrase and Fable by E. Cobham Brewer. London : From the New and English Edition, 1971.
9. Urban Dictionary. URL : // <http://urbandictionary.com>
10. Wyler, S. Color and Language. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1992. 201 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ (МОДУЛЯ): «ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»

Т. В. Васильева

The internship course is specifically designed to enhance the learning experience through in-depth reflection and critical analysis of the work environment. This syllabus provides the reader with information about the goals and objectives of the CCC-internship, the grading policy and the tasks for the course. It also contains textbook information and the guidelines for writing the papers which are mandatory to receive academic credit for the internship (employer evaluation, final reflection paper, student evaluation, the reflective journal). We state various career fields (various activities) the student might want to explore as an intern for a professional organization while searching the ways to effectively relate cross-cultural communication academic learning to the internship experience. In accordance with competency-based education patterns, we identify a list of learning outcomes that communicate what we expect our students to have mastered as a result of the internship experience.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, производственная практика.

Программа составлена в соответствии с требованиями ФГОС ВПО для реализуемых образовательных программ ВПО по направлению подготовки № 035700 «Лингвистика» по профилю подготовки «Теория и практика межкультурной коммуникации»

Производственная практика является составной частью учебного процесса подготовки квалифицированных специалистов.

1. Цели производственной практики

Целями производственной практики студентов, обучающихся по направлению 035700 «Лингвистика» профилю подготовки «Межкультурная коммуникация» являются:

– Закрепление и конкретизация результатов теоретической подготовки, приобретение студентами умений и навыков практической

работы по избранному направлению подготовки и присваиваемой квалификации, а также приобретение опыта самостоятельной профессиональной деятельности.

– Подготовка необходимого материала для выполнения выпускной квалификационной работы.

2. Задачи производственной практики

Задачами производственной практики являются:

1. Формирование способности адекватно оценивать возможности рынка труда и свои собственные возможности на этом рынке.

2. Овладение методиками межкультурного консалтинга. Консультирование в ситуациях межкультурного общения, предполагающее закрепление знаний, полученных в рамках аудиторных занятий и самостоятельной работы студента. Изучение и участие в разработке организационно-методических и нормативных документов для решения отдельных задач, связанных с проблемами межкультурного общения по месту прохождения практики. Разработка предложений по совершенствованию системы организационно-методических и нормативных документов предприятия с учетом особенностей межкультурной коммуникации.

3. Знакомство с коммуникативной структурой организации, с особенностями корпоративной и профессиональной культуры в различных сферах деятельности; выявление особенностей влияния национальной культуры на культуру профессиональную.

4. Развитие языковых и коммуникативных навыков, освоение терминологии необходимой для успешной работы в сфере избранной студентом профессиональной деятельности.

5. Развитие способности ориентироваться в основных коллизиях межкультурного общения, выделять в реальности основные типичные ситуации и уметь справляться с проблемами, возникающими в процессе межкультурного и/или профессионального диалога.

6. Приобретение опыта работы в многонациональных компаниях¹. Развитие коммуникативных стратегий и тактик, риторических, стилистических и языковых норм и приемов, принятых в разных сферах и в различных культурах, получение навыка адекватно использовать их при решении профессиональных задач.

7. Осознание специфики ведения бизнеса в России (в других странах в случае со стажировками в иностранных компаниях).

¹ В данной программе слова «организация», «предприятие», «компания» взаимозаменяемы.

Выработка навыков психологической ориентации в сфере профессиональной деятельности, способности к профессиональной адаптации. Развитие ответственности за качество выполняемых работ.

8. Овладение методиками организации межкультурных тренингов (разработка «кейсов» и «ролевых игр» на базе этнографического наблюдения, расшифровка моделей невербальной коммуникации и их трансформация из культуры в культуру, планирование, проведение и последующая оценка эффективности тренингов по межкультурной коммуникации).

3. Место производственной практики в структуре ООП ВПО

Производственная практика базируется на результатах освоения дисциплин общенаучного цикла базовой части ООП: Практический курс первого иностранного языка, Практический курс второго иностранного языка, Экономика, История, Информационные технологии в лингвистике и межкультурной коммуникации, Русский язык и культура речи, Мир I иностранного языка, Мир II иностранного языка, Язык и межкультурная коммуникация, Введение в теорию перевода, Введение в теорию межкультурной коммуникации, Введение в теорию преподавания иностранных языков, и дисциплин профессионального цикла вариативной части ООП: Культурная антропология, Социолингвистика, Сопоставительная культурология, Иностранный язык в профессиональной сфере, Функциональная стилистика и литературное редактирование. Производственная практика является логическим продолжением профессионального обучения. Она служит площадкой для закрепления знаний и умений, полученных на занятиях по данным дисциплинам, и для реализации их в научно-исследовательской и производственной деятельности.

Производственная практика является необходимым подготовительным этапом для освоения таких дисциплин, как Деловая и корпоративная коммуникация, Конфликтология в межкультурной коммуникации, Этикет и протокол в межкультурной коммуникации, Коммуникативная стилистика, а также для работы в рамках ряда дисциплин и курсов по выбору, для подготовки выпускной квалификационной работы и итоговой государственной аттестации.

4. Формы проведения производственной практики

Практика в организациях; разработка и проведение тренингов по межкультурной коммуникации

5. Место и время проведения производственной практики

Сроки и продолжительность практики: Производственная практика для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Лингвистика и межкультурная коммуникация» (бакалавриат), проводится в соответствии с учебным планом после VI семестра. Продолжительность практики – 4 недели. Производственные практики в ряде организаций могут проводиться по запросу этих организаций в течение учебного года при взаимном согласовании сторонами условий прохождения практики. Корректировка сроков возможна в индивидуальном порядке при согласовании сторон в особых случаях.

В соответствии с поставленными задачами базами практики являются консалтинговые и медиацентры, информационные агентства, транснациональные компании, туристические фирмы, кадровые и рекрутинговые агентства, российские и зарубежные компании, занимающиеся разработками в области языковых решений и межкультурного консалтинга, и другие административные, производственно – коммерческие и учебные организации. Тренинговая деятельность по межкультурной коммуникации может осуществляться в рамках дней карьеры университета.

6. Компетенции обучающегося, формируемые в результате прохождения производственной практики

Производственная практика по межкультурной коммуникации способствует формированию следующих компетенций:

Универсальные компетенции:

а) общенаучные:

- способность анализировать и оценивать философские проблемы при решении социальных и профессиональных задач (ОНК-2);
- владение методологией научных исследований в профессиональной области (ОНК-4);

б) инструментальные:

- владение нормами русского литературного языка и функциональными стилями речи; способность демонстрировать в речевом общении личную и профессиональную культуру, духовно-нравственные убеждения; умение ставить и решать коммуникативные задачи во всех сферах общения, управлять процессами информационного обмена в различных коммуникативных средах (ИК-1);
- владение иностранным языком в устной и письменной форме для осуществления коммуникации в учебной, научной, профессиональной и социально-культурной сферах общения; владение терминологией специальности на иностранном языке; (ИК-2);

– владение навыками использования программных средств и работы в компьютерных сетях, использования ресурсов Интернет; владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации (ИК-3);

– способность использовать современную вычислительную технику и специализированное программное обеспечение в практической и научно-исследовательской работе (ИК-4);

– владение основными юридическими понятиями, навыками понимания юридического текста; умение использовать нормативные правовые документы в своей профессиональной деятельности; способность использовать правовые знания для защиты своих гражданских интересов и прав (ИК-5);

– способность использовать полученные экономические знания в контексте своей социальной и профессиональной деятельности (ИК-6);

в) системные:

– способность к творчеству, порождению инновационных идей, выдвижению самостоятельных гипотез (СК-1);

– способность к поиску, критическому анализу, обобщению и систематизации научной информации, к постановке целей исследования и выбору оптимальных путей и методов их достижения (СК-2);

– способность к самостоятельному обучению и разработке новых методов исследования, к изменению научного и научно-производственного профиля деятельности; к инновационной научно-образовательной деятельности (СК-3);

Профессиональные компетенции (ПК):

общепрофессиональные:

– способность применять знания в области лингвистики, сопоставительного изучения языков и культур и межкультурной коммуникации, владение методологическими принципами и методическими приемами исследования в различных сферах профессиональной деятельности (ПК-1);

– готовность руководствоваться принципами культурного релятивизма и этическими нормами, предполагающими отказ от этоцентризма и уважение своеобразия иноязычной культуры и ценностных ориентаций иноязычного социума (ПК-2);

– понимание дискурсивной и социокультурной специфики делового, культурного и профессионального общения в различных культурах и умение учитывать эту специфику в различных сферах иноязычной межкультурной коммуникации (ПК-3);

– владение коммуникативными стратегиями, риторическими приемами эффективного устного и письменного общения, стилистическими и языковыми нормами, используемыми в процессе коммуникации (ПК-4);

– владение первым и вторым иностранным языком на уровне, необходимом для эффективной профессиональной деятельности в области преподавания, перевода и межкультурной коммуникации (ПК-5).

по видам деятельности

а) научно-исследовательская деятельность

– способность к самостоятельному использованию имеющихся и пополнению недостающих теоретических знаний в области лингвистики, межкультурной коммуникации, теории и практики преподавания иностранных языков для собственных научных исследований и решения научно-практических и прикладных задач (ПК-6);

– владение навыками и умениями самостоятельного исследования основных закономерностей функционирования языков и развития культур в синхроническом и диахроническом аспектах, знание особенностей устной и письменной иноязычной коммуникации в различных сферах общения и в различных культурах с изложением аргументированных выводов (ПК-8);

– владение современной научной парадигмой и представлениями о динамике развития избранной области научной и профессиональной деятельности (ПК-9);

б) производственная прикладная деятельность

– способность к созданию, редактированию, реферированию и систематизации всех типов деловой документации публицистических, медийных и иных текстов; аналитических обзоров; публичных выступлений; сценариев информационных, культурных, образовательных компаний и т.п. (ПК-14);

– перевод с иностранного на родной язык и с родного языка на иностранный текстов общекультурного и профессионального содержания в устной и письменной форме (ПК-15);

в) проектная деятельность

– умение прогнозировать и выстраивать предполагаемые сценарии развития коммуникативных и социокультурных ситуаций (ПК-17);

– готовность к участию в социальных, педагогических, творческих, рекламных и иных проектах (ПК-19);

– способность к разработке и реализации научных, издательских и иных проектов (ПК-20);

- способность выявлять источники возникновения конфликтных ситуаций в межкультурной профессиональной коммуникации (ПК-21);
- г) организационно-управленческая деятельность
- умение планировать комплексное информационное воздействие на различные целевые аудитории и руководить им (ПК-22);
- владение навыками организации и проведения культурно-просветительских мероприятий с использованием гуманитарных технологий, ориентированных на формирование нравственной культуры; семинаров, дискуссий, конференций, учебных занятий, учебных практик, научно-исследовательских и производственных работ в соответствии со специализацией профессиональной подготовки (ПК-23);
- понимание целей и задач общеевропейской языковой и иной региональной политики в условиях межкультурного взаимодействия (ПК-24);
- владение методикой оценки и расчета экономической эффективности деятельности на основе анализа социальной и экономической ситуации (ПК-25).

В результате прохождения производственной практики в области межкультурной коммуникации обучающийся должен закрепить умения и навыки в рамках определённых специализированных профессиональных лингвистических, социолингвистических, коммуникативных и социальных компетенции. Он должен

Уметь:

1. Разграничивать универсальное и культурно-специфическое в поведении человека и адекватно выбирать коммуникативные стратегии в реальных ситуациях межкультурного общения, что предполагает владение коммуникативными стратегиями и тактиками, риторическими, стилистическими и языковыми нормами и приемами, принятыми в разных сферах МКК и в различных культурах, а также умение адекватно использовать их при решении профессиональных задач;
2. Распознавать и правильно интерпретировать принятые в той или иной культуре стратегии невербального общения; декодировать скрытую за ними имплицитную информацию; распознавать поведенческие модели, принятые в той или иной культуре, и адаптироваться к ним;
3. Видеть ценностное за поведенческим и адекватно реагировать;
4. Распознавать лингвистические маркеры социальных отношений и адекватно их использовать (формулы приветствия, прощания, эмоциональное восклицание и т.д.);

5. Обосновывать факты с помощью атрибуций принятых в иноязычных культурах; строить культурологически корректную аргументацию в устных и письменных текстах на иностранных языках;

6. Правильно выбрать коммуникативную методику для достижения коммуникативных целей и желаемого воздействия в той или иной культуре.

7. Способствовать предупреждению или выходу из ситуации «культурного шока» путем своевременного обнаружения его симптомов и применения стратегий его преодоления (ССПК-5 ООП – профессиональные лингвистические и социолингвистические компетенции);

Общепрофессиональные коммуникативные компетенции

8. Воспринимать на слух аутентичную речь в естественном для носителей языка темпе;

9. Порождать речь с сохранением темпа, нормы, узуса и стиля языка;

Социальные компетенции в сфере МКК

10. Работать с программным обеспечением MS Office и Trados, быстро осваивать новое программное обеспечение; составлять презентации Power Point сообразно представлениям о распределении информации принятым в иноязычных культурах;

11. Проводить мониторинг с целью отслеживания необходимой информации;

12. Самостоятельно ставить задачи научно-исследовательской работы, самостоятельно планировать, организовывать и проводить необходимые виды работ по теме с применением компьютерных технологий; уметь применять теоретические и практические знания в области МК-коммуникации и иных гуманитарных наук для собственных научных исследований; умение представлять результаты работ с использованием нормативных документов. В целом, умение использовать нормативные документы в практической деятельности;

13. Прогнозировать и предупреждать МК-проблемы, такие, как: столкновение разных корпоративных культур при слиянии и поглощении компаний, проблемы адаптации продукта при продвижении брендов на новые рынки, проблемы адаптации различных видов медиа-информации к культурной специфике аудитории, выстраивать прогностические сценарии и модели развития межкультурных коммуникативных ситуаций; предупреждать возникновение и развитие конфликтов;

14. Выстраивать коммуникацию в соответствии с параметрами дифференциации различных культур, в том числе корпоративных, развивать и поддерживать коммуникацию между поликультурными сотрудниками как по горизонтали, так и по вертикали;

15. Планировать комплексное межкультурное информационное воздействие и осуществлять руководство им;

16. Работать в команде, организовать групповую и коллективную деятельность для достижения общих целей трудового коллектива;

17. Проявлять инициативу, в том числе и в ситуациях риска, нести ответственность за собственные решения;

18. Порождать новые идеи (развитие креативности), адаптироваться к новым ситуациям, оценивать накопленный опыт, анализировать свои возможности и соответственно этим возможностям выстраивать стратегии поведения в коллективе;

Владеть:

1. Навыками самопрезентации;

2. Правилами этикета, ритуалов, этических и нравственных норм поведения; правильно преподнести правильный подарок, вести себя за столом в соответствии с требованиями принимающей культуры, соответствовать требованиям принимающей культуры в еде, одежде, интерпретации времени и пространства и т.п.

3. Навыками самостоятельного исследования основных закономерностей дифференциации параметров культур в синхроническом и диахроническом аспектах; навыками интерпретации вербальной и невербальной межкультурной коммуникации с изложением аргументированных выводов;

4. Навыками проектирования, конструирования, моделирования структуры и содержания процессов разрешения спорных ситуаций в области МКК;

5. Навыками обработки и переключения информации из одного коммуникативного стиля в другой (например, при передаче информации в поликультурные СМИ);

6. Навыками проведения учебных занятий в поликультурной аудитории, способность учитывать дифференциацию культур при подготовке учебно-методических материалов по дисциплинам МКК;

7. Навыками разработки, планирования, организации и оценки эффективности МК-тренингов с использованием современных информационных технологий;

Социально-личностные, коммуникативные, языковые, экономические, организационно-управленческие, общенаучные и общепрофессиональные компетенции служат фундаментом, обеспечивающим выпускнику мобильность на рынке профессионального труда и готовность к продолжению образования.

7. Структура и содержание производственной практики по межкультурной коммуникации

Общая трудоемкость производственной практики по межкультурной коммуникации составляет 6 зачетных единиц, 216 часов.

№ п/п	Разделы (этапы) практики	Виды производственной работы на практике (включая самостоятельную работу студентов)	Трудоемкость (часы)
А. Производственная практика на предприятиях (в российских и иностранных организациях)			
1	<u>Подготовительный этап</u> включающий разработку плана практики, поиск организаций для прохождения практики и инструктаж по технике безопасности		16
2	<u>Производственный этап</u>	Виды работ определяются направлением профессиональной деятельности организации предприятия. Возможны следующие виды работ: Консультационная работа в области межкультурной коммуникации (может происходить одновременно с переводческой работой): – организация рабочих встреч, подготовка и прием иностранных гостей с учетом невербальных средств общения, правил этикета, ритуалов, этических и нравственных норм поведения, принятых в иноязычных культурах (на предприятиях, при работе на фестивалях и выставках); участие (организация/перевод) в межкультурных деловых переговорах;	180

№ п/п	Разделы (этапы) практики	Виды производственной работы на практике (включая самостоятельную работу студентов)	Трудоемкость (часы)
2	<u>Производственный этап</u>	<p>– разработка возможных сценариев развития межкультурного диалога (например, при переговорах) на основе анализа речевого поведения (в совокупности вербальных и невербальных компонентов представителей иноязычной культуры, а также представителей различных социальных, национальных, религиозных, профессиональных общностей и групп в российском социуме);</p> <p>– выработка стратегий эффективного решения МК-проблем, возникающих на почве разного восприятия действительности в различных культурах;</p> <p>– разработка критериев эффективности в оценке труда работников предприятия с учетом особенностей функционирования данного типа корпоративных культур и особенностей национальной культуры (в качестве консультанта в составе HR-отделов);</p> <p>– разработка маркетинговых и рекламных стратегий для выхода на зарубежные рынки (в составе рабочих групп, отделы ВЭД и PR отделы); разработка стратегии адаптации продукта на российском рынке (ВЭД и PR отделы);</p> <p>– разработка маршрутов по региону с учетом особенностей культур (в туристических компаниях);</p> <p>Работа с информационно-документационными потоками, связанными с деятельностью организации в области межкультурного общения:</p> <p>– Устный и письменный перевод текстов различного характера, перевод текстов с использованием программного обеспечения TRADOS;</p> <p>– составление проектов, нормативных документов, договоров и писем с учетом межкультурных, прагматических, социолингвистических факторов;</p> <p>продуцирование иноязычных письменных текстов, предназначенных для использования в сфере межкультурной коммуникации;</p> <p>– информационный поиск и анализ иноязычных материалов в компьютерных сетях, мониторинг медиainформации и ее анализ (в медиацентрах и мультимедийных центрах информационных агентств);</p>	180

Методика преподавания языка

№ п/п	Разделы (этапы) практики	Виды производственной работы на практике (включая самостоятельную работу студентов)	Трудоёмкость (часы)
2	<u>Производственный этап</u>	– адаптация текстов (устных и письменных) к социокультурным особенностям восприятия аудитории; – лингвистическая экспертиза (в рамках работы арбитражных судов, общественных и международных организаций). Работа по анализу информационных потоков в структуре предприятия: – анализ результатов деятельности профессионального коллектива в сфере межкультурной коммуникации с целью совершенствования и повышения эффективности работы организации и др.	180
3.	<u>Этап обработки информации и подготовки отчета по практике</u>	– составление отчета по практике (в свободной форме в соответствии с инструкциями либо согласно образцу); – презентация отчета.	20
<i>В. Разработка и проведение тренингов в области межкультурной коммуникации (трудоёмкость дается из расчета на один тренинг)</i>			
1	<u>Подготовительный этап</u>	Планирование тренингов по межкультурной коммуникации (разработка плана тренинга (совместно с руководителем практики) и подготовка учебно-дидактического материала) – типы проводимых тренингов см. Приложение № 1.	10
2	<u>Производственный этап</u>	Организация и проведение тренингов	20
3	<u>Этап обработки информации и подготовки отчета по практике</u>	Оценка эффективности проведенного тренинга по межкультурной коммуникации.	6

8. Научно-исследовательские и научно-производственные технологии, используемые на производственной практике

В ходе производственной практики на предприятии (в компании) обучающиеся используют весь комплекс освоенных ими ранее научно-исследовательских и педагогических методов и технологий. Для организации тренингов по МКК используются методики кейс-

стади, ролевых игр и симуляций, проектные задания. Для работы в области МК–консалтинга, перевода и в информационных агентствах обучающиеся используют широкий арсенал программных продуктов: программы MS Office, CorelDRAW, Adobe Illustrator, TRADOS, AutoCAD и другое специальное программное обеспечение.

9. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов на производственной практике. Формы осуществления контроля.

А. Производственная практика на предприятии

Рекомендации по сбору материалов, их обработке и анализу

В ходе прохождения практики студент знакомится с деятельностью предприятия, изучает систему организации межкультурного сотрудничества, особенности такого сотрудничества в зависимости от сферы деятельности и организационно правовой формы предприятия, а также собирает материалы и документы, необходимые для выполнения квалификационной работы. Программа практики включает в себя обязательное выполнение каждым студентом трех заданий.

Задание № 1. Изучить общие сведения об организации: название, адрес, цель создания, структура организации, краткая историческая справка. Изучить и провести краткий анализ документов используемых в деятельности данной организации. Изучить и описать в отчете основные методы и приемы работы с клиентами. Проанализировать корпоративную культуру организации.

Задание № 2.

Вариант 1: Выработка стратегий эффективного решения по вопросам, касающимся возникающих на предприятии межкультурных проблем. В случае отсутствия таковых анализ результатов деятельности профессионального коллектива в сфере МКК, выстраивание благоприятных и неблагоприятных прогнозов по развитию отношений в компании/ либо стратегий компании, связанных с вопросами межкультурной коммуникации. Основные разделы:

– Описание и анализ МК-проблемы как коммуникативного акта, имеющего своей целью достижение эффективности коммуникации, с точки зрения различных участников данного коммуникативного акта;

– Выстраивание прогнозов по различным вариантам развития проблемы; выбор и обоснование оптимального варианта. Возможное построение кейса по результатам анализа конкретной МК-проблемы.

Вариант 2: МК-анализ какого-либо документа компании.

Задание № 3. За время прохождения практики студенту необходимо выполнить индивидуальное задание по более углублённому изучению отдельных тем и направлений в области теории и практики МКК в соответствии с предполагаемой темой квалификационной работы.

Рекомендации по форме представления

По результатам практики студент составляет индивидуальный письменный отчет по практике объемом не менее 7 страниц печатного текста (на русском либо иностранном языке). Отчет должен содержать конкретные сведения о работе, проделанной в период практики, и отражать результаты выполнения заданий, предусмотренных программой практики.

Отчет состоит из трёх разделов:

Раздел № 1. ДНЕВНИК ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Раздел № 2. ОТЧЁТ О ПРОХОЖДЕНИИ ПРАКТИКИ В ОРГАНИЗАЦИИ

Состоит из:

- Оценка студентом процесса прохождения практики
- Оценка работы студента предприятием
- Анализ особенностей МК- коммуникации и корпоративной культуры предприятия

Раздел № 3. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ.

Для составления, редактирования и оформления отчета, студентам отводится последняя неделя производственной практики. Объем отчёта – не менее 7 страниц печатного текста. Рекомендуется следующий порядок размещения материалов в отчете:

1. Титульный лист
2. Оглавление
3. Раздел № 1. ДНЕВНИК ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ
4. Раздел № 2. ОТЧЁТ О ПРОХОЖДЕНИИ ПРАКТИКИ В ОРГАНИЗАЦИИ

– Оценка студентом процесса прохождения практики

– Оценка работы студента предприятием

– Анализ особенностей МК- коммуникации и корпоративной культуры предприятия

5. Раздел № 3. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ.

6. Список использованных источников

7. Приложения.

Приложение 1: Макеты деловых писем на русском/иностранном языках (факультативно, зависит от профиля предприятия, степени доступности информации и заданий студента);

Приложение 2: Терминологический глоссарий по профильной деятельности организации;

Приложение 3: МК-анализ любого текста, представляющего данное предприятие (факультативно, зависит от профиля предприятия, степени доступности информации и заданий студента). Обязательно в случае если студент выбирает это как опцию в задании 2.;

Приложение 4: Кейс, разработанный студентом на основе полученного опыта практической работы.

Отчет должен быть оформлен на стандартной бумаге формата А4; все страницы отчета нумеруются арабскими цифрами; сокращения слов, кроме общепринятых не допускаются. Используется шрифт № 12 или 14 (параметры страниц (поля): верхнее - 2 см., нижнее – 2 см., правое – 2.5 см. левое – 1 см.).

Список литературы должен содержать перечень источников, использованных при выполнении отчета. Приложения должны начинаться с нового листа и иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами.

Подведение итогов практики:

По окончании практики студент должен сдать зачет (защита отчёта). Основанием для допуска студента к зачету по практике является полностью оформленный отчет.

Защита отчета по практике (зачет) проводится перед комиссией (руководителем практики) в установленный кафедрой день в соответствии с календарным графиком учебного процесса. Защита отчета по практике, как правило, состоит в коротком докладе (7-8 минут) студента и ответах на вопросы по существу отчета. При оценке работы студента принимается во внимание характеристика, данная ему руководителем практики (или руководителем от предприятия). Оценка проставляется в ведомость, зачетную книжку студента. Оценку зачета по практике вносят также в «Приложение к диплому специалиста».

Б.Организация МК-тренингов

Предполагает разработку плана тренинга и согласование этого плана с руководителем практики, проведение тренинга, анализ проведенного тренинга, предоставляемый руководителю в письменном виде (вместе с планами тренинга). Обязательным элементом тренин-

га является отзыв (feedback) со стороны слушателей, предполагающий конструктивную критику тренинга. Форма такого отзыва разрабатывается заранее студентом и руководителем практики.

10. Контрольные вопросы и задания для проведения аттестации по итогам производственной практики

Примерные вопросы для анализа корпоративной культуры предприятия (от 2011):

1. Какой тип корпоративной культуры (согласно модели национальных корпоративных культур Ф. Тромпенаарса) представляет данная компания? Почему Вы так думаете? Проанализируйте организационную культуру с точки зрения уровней корпоративной культуры Дила и Кеннеди (артефакты, убеждения, ценности; обряды и ритуалы; структура общения (по вертикали (начальник-подчиненный), по горизонтали (между отделами), формальное общение и неформальное общение (техника налаживания связей - networking); легенды и герои, язык общения, материальные проявления корпоративной культуры (интерьер, dress-code и т.п.), способы мотивации сотрудников, критерии приема на работу и повышения.)

2. В чем, на Ваш взгляд, проявляется национальный менталитет (национальные особенности) в данной компании? В чем проявляется ее профессиональная специфика? Каким образом национальная культура отображается в корпоративной культуре в рамках данной компании?

3. Опишите встречи (совещания, переговоры, интервью, пресс-конференции), на которых Вы присутствовали.

4. Одинаково ли видение этой организации разными работниками? Должны ли работники строго следовать определенным правилам корпоративной культуры (тогда каким?), или эти правила интерпретируются ими вольно? В чем это выражается?

5. Каковы, на Ваш взгляд, методы укрепления корпоративной культуры в данной организации? Работают ли они? Есть ли что-нибудь, чтобы Вы изменили?

Does it work out?

Примерные вопросы для анализа работы с иностранцами на фестивалях и выставках.

1. Какие МК-различия были Вами замечены в процессе работы с иностранцами?

2. Насколько Ваш опыт МК-общения подтверждает (опровергает) стереотипы, существующие в нашей культуре о других культурах?

Приведите 2-3 конкретных примера, которые бы подтверждали (опровергали) стереотипы.

3. Проанализируйте 2-3 конкретных ситуации с точки зрения параметров Э. Холла, Г. Хофштеде, Ф. Стротдбека и Ф.Клакхон. Достаточно проиллюстрировать 4-5 параметров.

4. Опишите историю недопонимания между культурами из Вашей практики (опишите ситуацию, что конкретно случилось, причины недопонимания и последствия). Работайте в формате следующей таблицы:

Put down a personal story of a cross-cultural misunderstanding:

Background:

What happened:

Reason for misunderstanding:

Consequences:

5. Что конкретно Вы бы посоветовали как специалист в области межкультурной коммуникации для улучшения работы с этой группой иностранцев (в этом конкретном месте)?

11. Учебно-методическое и информационное обеспечение производственной практики по специальности «Межкультурная коммуникация».

Учебно-методическое обеспечение производственной практики

Основная литература

1. Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. – М.: Логос, 2006.

2. Рот Ю. и Коптельцева Г. «Межкультурная коммуникация: теория и тренинг» - М.: Юнити, 2006.

3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2006. – 368 стр.

4. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур – М.: АСТ, 2007.

5. Maddox R. C. Cross-Cultural Problems in International Business: The Role of the Cultural Integration Function, Quorum Books., Westport, CT 1993

6. Porter R., Samovar L. Communication between cultures WPC, 1995

7. Porter R., Samovar L. Intercultural Communication: A Reader, WPC, 1997

8. O'Reilly K. *Ethnographic Methods*, London, Routledge, 2005.

9. Utley D. *Intercultural Resource Pack* – Cambridge University Press, 2004.

Дополнительная литература

1. Грачев Ю.Н. Введение переговоров с инофирмами. М., 1997

2. Кузин Ф.А. Культура делового общения. М., 1996. – 319 с.

3. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – М.: Гнозис, 2005.

4. Босрок М. Деловая Европа: правила путешественника– М.: Поколение, 2007

5. Моррисон Т., Конвэй У. **Деловая Азия: правила путешественника**. Как вести бизнес в 12 странах Азии. М.: Поколение, 2007

6. Моррисон Т., Конвэй У. Деловая Латинская Америка: правила путешественника. М.: Поколение, 2007.

7. Hall E. T. *The Hidden Dimension* – N.Y.: Anchor Books, 1990.

8. Lindenfeld J. *The French in the United States: An Ethnographic Study*. Westport, CT., Bergin & Garvey., 2000.

9. Zdanoski J. *Crossing Cultural Borders: Russia* – Petrozavodsk: Verso, 2003.

Интернет-ресурсы: www.geert-hofstede.com, www.communicaid.com, www.intercultural.org, www.doingbusiness.org, www.culanth.org, www.culturalawareness.com, www.internabroad.com/search/anthropology etc.

Программно-информационное обеспечение:

Для осуществления практики, связанной с организацией межкультурных тренингов либо с консультационной деятельностью в области межкультурной коммуникации, обучающимся должна быть предоставлена возможность непосредственного общения с представителями других культур, а также возможность оперативного обмена информацией с отечественными и зарубежными вузами, предприятиями и организациями, обеспечен доступ к современным профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам. Для осуществления практики на производстве необходимы IT программы MS Office. Также может быть необходимо программное обеспечение для работы с техническими переводами (например, TRADOS либо в случае работы с чертежами AutoCAD) или другие информационно-технические программы (в зависимости от направления осуществляемой предприятием деятельности).

12. Материально-техническое обеспечение производственной практики

Для полноценного прохождения практики на предприятии необходимо следующее минимальное материально-техническое обеспечение (производственное, научно-исследовательское оборудование, измерительные и вычислительные комплексы и т.п.):

– рабочие места, оборудованные компьютерной техникой с соответствующим программным обеспечением и с подключением к Интернету;

– в случае организации студентом межкультурных тренингов необходимым является помещение для хранения учебно-методических материалов, оборудование для аудиовизуальной демонстрации материалов и для тиражирования дидактического материала к занятиям.

Приложение № 1: ТРЕНИНГИ ПО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (краткое описание проводимых тренингов)

Тренинг 1: Эффективность в межкультурных переговорах

Языки: русский, английский

Тренинг направлен на решение следующих задач:

1. Стратегии разных культур и их адаптация на российской почве (*техники «салями», «сила бессилия», «казанский сирота», готовое предложение, арабская «рыночная» модель и т.д.*).

2. Выбор успешной стратегии переговоров.

3. Обсуждение уловок и поиск способов им противодействовать (наложение табу на точку зрения, перенос бремени доказательства на оппонента, устранение от бремени доказательства, логическая диверсия, фиктивный противник, круговая аргументация и т.д.).

Рассматриваются следующие вопросы:

Подготовка к переговорам: способы сбора информации, установление дружеских отношений и другие предварительные шаги.

Этапы переговоров: «подготовка» - способы сбора информации, установление дружеских отношений и другие предварительные шаги; «анализ» - выяснение интересов оппонента и определение лица, принимающего решения; «предложение» - тезис, аргументы, демонстрация, виды аргументов, убедительность аргументов, откуда брать аргументы, Правило Гомера; «обсуждение» - приемы, тупиковые ситуации, дебаты, - чем интересы отличаются от позиции,

критерии убедительности аргументации (Правило Гомера, правило представления аргументов).

Контракт – особенности контрактов разных культурах.

Необходимая информация: что, когда и как; использование фактов и статистики при переговорах;

Стратегии разных культур: «семь способов торговаться»

Методика: Упражнения на переговоры (кейс-методика, ролевые игры), анализ скриптов переговоров, анализ видео (аутентичных с переговоров и эпизодов из фильмов «Двенадцать стульев», «Lie to me», «Margin Call».)

Тренинг 2: Влияние культурных факторов на провалы и успех в маркетинговых стратегиях при выходе организации на зарубежные рынки

Языки: русский, английский

В рамках тренинга проводится анализ культурно-обусловленных неудач при выходе различных компаний на зарубежные рынки (в частности, речь идет о таких компаниях как Coca Cola, IKEA, Parker Pen и др.) “Think global, act local” – насколько универсальна данная стратегия? В ходе тренинга выделяются ключевые моменты, на которые следует обращать внимание при выходе на тот или иной рынок.

Методика: ситуационный анализ; деловая игра «Послы» на обсуждение маркетинговых стратегий; деловая игра на создание стратегии продвижения своего товара на зарубежные рынки.

Тренинг 3: Бизнес и культура

Участники тренинга знакомятся с практикой ведения бизнеса в различных частях планеты (тренинг нацелен на один конкретный регион, который интересен участникам), с тем, как культура влияет на формирование деловых отношений.

Влияние культурных ценностей на нормы и практику бизнеса (параметры Г. Хофштеде, Э. Т. Холла, Б.Рут).

Деловая культура выбранного региона (особенности делового этикета, встречи и переговоры, особенности коммуникативного и когнитивного стилей, особенности языка тела в этом регионе и т.д.)

Методика: анализ видео, ситуационный анализ (кейс-стади), симуляции и ролевые игры.

Тренинг 4: Адаптационный тренинг «Жизнь и бизнес в России»

Проводится совместно русскими и иностранными студентами. Целевая аудитория: иностранцы. Язык: английский.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОРМЫ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТАМ-ИНОСТРАНЦАМ

Ю. А. Подберезская

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с формированием у студентов-иностранцев коммуникативной компетенции на русском языке, обосновывается возможность приобретения необходимых навыков общения на занятиях по культуре речи, а также предлагается система упражнений по обучению таким навыкам при изучении лексических норм.

Ключевые слова: «Русский язык и культура речи» для иностранцев, лексические нормы, коммуникативная компетенция.

Сегодня культура речи стала предметом вузовского преподавания не только в русскоязычной, но и в иностранной аудитории. Обучение неродному языку предполагает, что студенты обретают способность пользоваться им в ситуациях, типичных для повседневной коммуникации русского народа. Однако термин «культура речи» в отношении владения языком иностранными студентами пока не получил однозначного определения в лингвистической и методической литературе. Многими исследователями (Ю. А. Бельчиков, Е. Н. Стрельчук) культура речи понимается как наука, представляющая собой владение нормами литературного языка в его устной и письменной форме, при котором осуществляется выбор и организация языковых средств, позволяющих в определенной ситуации при соблюдении этики общения обеспечить необходимый результат в достижении поставленных задач коммуникации [3. С. 9]. Мы придерживаемся данной точки зрения.

В настоящее время в программы первых курсов обучения иностранцев русскому языку входит дисциплина «Русский язык и культура речи», предполагающая выработку у учащихся навыков общения в социокультурной, деловой и профессиональной сферах. В методике преподавания РКИ долгое время считалось, что формирование речевой культуры учащихся – это совершенствование их знаний о языке, поэтому студенты только на старших курсах могут овладеть культурой русской речи. Однако такая точка зрения на проблему не

учитывала динамику человеческого познания. Работа по формированию и развитию навыков и умений культуры речи имеет место уже на начальных этапах подготовки иностранцев (подготовительное отделение, I курс): учащиеся учатся строить высказывания в соответствии с определенными речевыми ситуациями при соблюдении этикетных формул согласно нормам русского языка. Такой подход в современной методике преподавания русского языка как иностранного оправдан, так как «человек начинает входить в инокультуру только тогда, когда прибегает к межкультурному общению как в устной, так и в письменной речи» [3. С. 3].

Несомненно, что из всех основных аспектов иностранного языка, которые должны практически усваиваться учащимися в процессе обучения, наиболее важным и существенным с психологической точки зрения следует считать лексику, потому что без запаса слов, хотя бы и незначительного, владеть языком невозможно. Основной единицей лексического уровня языка является слово. Оно отражает все изменения в жизни общества, называя предметы, явления, действия. Оно выражает эмоции, настроение, отношение к говорящему, среду общения, связь между явлениями и понятиями.

Культура речи формирует не только умение владеть словом, но и является показателем умственных способностей, по которым оценивается и воспринимается человек, (не) способный выразить мысль ясно и понятно.

Таким образом, культура речи – сознательный отбор слов в соответствии с их лексическим значением, лексической сочетаемостью, уместностью, выразительностью, а лексические нормы – это правила употребления слов и сочетаемости одних слов с другими. Такое общее определение подразумевает ряд частных случаев, т.е. нормативное употребление слов – это: 1) употребление слова только с теми значениями, которые допускает норма; 2) учет синонимических отношений слов, недопущение смешения синонимов; 3) учет антонимических отношений слов; 4) разграничение омонимов и паронимов при употреблении; 5) точное знание особенностей употребления слов с ограниченной сферой распространения (устаревшие слова, иностранные слова, профессионализмы, диалектизмы, просторечия, неологизмы, жаргонизмы, аргю); 6) недопущение избыточности (тавтология, плеоназм, слова-паразиты) и неполноты высказывания; 7) правильное употребление фразеологизмов.

Итак, цель практических заданий для иностранных студентов

по теме «Лексические нормы русской речи»: а) обратить внимание учащихся при работе с лексическим составом на предметную, понятийную и логическую точность речи; научить правильно объяснять и употреблять в русской речи заимствованные слова; ознакомить с приемами объяснения терминов; конкретизировать условия использования лексических вариантов – многозначных слов, омонимов, паронимов, синонимов, антонимов; б) отработать навыки употребления фразеологизмов, устойчивых сочетаний в различных социальных сферах, использовать их для выразительности речи.

Организация целенаправленной и эффективной работы по привитию иностранным студентам необходимых речевых навыков возможна только при условии, что преподавателю известны лексические нарушения, свойственные иностранным студентам. Наблюдения показывают, что однотипные ошибки встречаются в речи разных студентов, повторяются систематически, в зависимости от страны студента. Появление лексических нарушений в русской речи студентов-иностранцев нередко обусловлено одновременным влиянием разных факторов:

1. Лексические нарушения, обусловленные внутриязыковой и межъязыковой интерференцией на лексико-семантическом уровне (*длинный – долгий*).

2. Лексические нарушения, обусловленные недостаточным разграничением смысловых значений близких по семантике слов (*делать – совершать*).

3. Нарушения, обусловленные ложным отождествлением сходной звуковой стороны различных слов (*иметь – уметь, сидеть – сесть*).

4. Нарушения в структуре лексических единиц: ложная синонимизация однокоренных слов (*актовый – активный*).

В методической работе по привитию навыков речевой культуры учащимся полезно давать следующие задания:

- Упражнения, направленные на определение значений многозначного слова (учащимся необходимо проанализировать состав слова, контекст и самостоятельно определить значение; упражнения подкрепляются работой со словарем).

- Упражнения, направленные на различение близких по значению существительных *имя, название, наименование*, глаголов *любоваться, наслаждаться, восхищаться*; глаголов *пользоваться / воспользоваться, использовать; применять / применить; употреблять*

– *употребить*. Вначале даются упражнения на отработку каждого значения слова, при этом обращается внимание на сочетаемость каждого лексико-семантического варианта. Затем следуют задания на сопоставление и трансформацию, требующие выбора и правильного употребления одного из них. Потом даются упражнения на закрепление навыков использования изучаемых слов в контексте и творческие упражнения, выводящие в речь изучаемые слова [1. С. 227].

- Упражнения, ориентированные на правильное употребление синонимов и антонимов (подобрать синонимы или антонимы к слову, словосочетанию; составить пары синонимов и антонимов; выбрать одно из синонимичных слов; найти лишнее слово в синонимическом ряду; найти речевые ошибки, связанные с неверным употреблением синонимов; найти неверные антонимические пары и др.).

- Активизации словаря студентов способствуют упражнения, построенные на подборе синонимов в реальном тексте, в котором «сняты» некоторые оценочные слова. Учащимся предлагается дать свои варианты. При такой работе в ходе обсуждения и анализа вариантов и авторского слова также полезно обращаться к словарям (толковым и синонимическим).

- Обогащают и активизируют индивидуальный словарь учащегося упражнения, построенные на материале словарей паронимов. Всегда большой интерес вызывают сопоставления таких слов, как *экономный – экономичный, цветной – цветовой, эффектный – эффективный, пустой – пустынный*.

- Упражнения, направленные на формирование навыков сочетаемости в лексической системе русского языка.

- Обязательными в работе над лексическими нормами являются упражнения, обогащающие активный и пассивный словарь учащихся фразеологизмами (сопоставление свободных и устойчивых словосочетаний; составление предложений с фразеологизмами; подбор к ним синонимов и антонимов; подбор фразеологизмов из родного языка студентов).

Особое значение в профилактике появления и предупреждении лексических ошибок приобретает проблема учета родного языка учащихся при обучении русской лексике и проблема соотношения русских слов со словами родного языка учащихся, языка-посредника. Работая над лексикой, необходимо иметь в виду, что есть слова, лексические значения которых являются межъязыковыми (*социаль-*

ный); эквивалентными (*семья, родственники*); переводимыми (*солнце, вода, природа*), а есть безэквивалентные, или такие, содержательная сторона которых несопоставима с иноязычным лексическим понятием, например: *уйти не солоно хлебавши*. Однако обращаться к родному языку учащихся следует только по мере необходимости, так как при избыточных сопоставлениях неизбежны смешение и путаница близких форм, из-за которых появляются многочисленные ошибки [2. С. 18].

Список литературы

1. Живая методика для преподавателя русского языка как иностранного. 2-е изд. М. : Русский язык. Курсы, 2009. 336 с.
2. Руднева, Л. А. К вопросу о психологических особенностях усвоения русского языка учащимися-иностранцами // Русский язык для студентов-иностранцев № 16. М. : Рус. яз, 1976. С. 16–23.
3. Стрельчук, Е. Н. Лингвотодические основы обучения иностранных учащихся культуре русской письменной речи на этапе довузовской подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2008. 23 с.

References

1. Zhivaja metodika dlja преподавателя russkogo jazyka kak inostrannogo. 2-e izd. M. : Russkij jazyk. Kursy, 2009. 336 s.
2. Rudneva, L. A. K voprosu o psihologicheskikh osobennostjah usvoenija russkogo jazyka uchawimisja-inostrancami // Russkij jazyk dlja studentov-inostrancev № 16. M. : Rus. jaz, 1976. S. 16–23.
3. Strel'chuk, E. N. Lingvometodicheskie osnovy obuchenija inostrannyh uchawihsjaja kul'ture russkoj pis'mennoj rechi na jetape dovuzovskoj podgotovki : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Moskva, 2008. 23 s.

ABSTRACTS

Alekberova I. E. English in Globalization.

It's well known that globalization as a process of economic, cultural and political integration, contains many different points and aspects. First of all, it's diffusion of English language that makes globalization grow up so quickly. People must know that without knowledge of foreign language you can do nothing in our society, especially in the sphere of multinational work.

Keywords: globalization, English, international communication.

Ananjina M. A. The Succession of Generalized / Concrete Information Opposition as a Way of Analysis of a Literary Text.

Content contrast plays a compositional and structural role in a literary text. It helps analyze the author's style and purport. Content contrast may be studied in different aspects. One of them is the analysis of succession of generalized / concrete information which can be of three types: prospective, retrospective and mixed. The mixed one prevails in the text under analysis.

Keywords: generalized/concrete, stylistic analyses of literary text, consideration, prospective, retrospective, mixed co-position of generalized/concrete.

Detkova V. A. Representation of Family Problems in Russian and English Paremiology.

This article considers Russian and English proverbs reflecting family problems. Comparative analysis makes possible to reveal some ethnic peculiarities of both nations.

Keywords: proverbs, family problems, mentality, linguistic culture, paremiological (proverbial) fund.

Elistratova K. A. Theonym ' God ' in poetry by Vera Polozkova.

In present article functioning of sign on culture in an author's poetic discourse in Vera Polozkova is considered. God is related to those ' theonym '. Theonym ' God ' represents a multivariate lexico-semantic field.

Keywords: a poetic discourse, a case phenomenon, thenomer, a lexico-semantic field.

Fedorova K. L. Peculiarities of Phraseological Units with Components-Meteonyms “Ice”, “Thunder”.

Nowadays the phraseological science demonstrates great interest of scholars to the phraseological units with some common components. The given article is dedicated to exploration of phraseological units with component-meteonyms “лѣд”/ “ice”, “гром”/ “thunder” in the Russian and English languages. The research provides a reader with the definition of a term “meteonym”, its semantic features are given as well. The phraseological data are classified according to semantico-grammatical classes of A. M. Chepasova, the different phraseological activity is registered and the background of their coming to these lingvocultural unities is observed.

Keywords: phraseological units, meteonyms, world view.

Kolokolova L. P. Realization of Functionally-Cognitive Sphere “Time” in Semantic Space “Human life”.

Article is devoted to research of cognitive linguistic paradigm. Problems of systemic organization of vocabulary are analyzed from conceptual point of view. The main object of research is considered as functionally-cognitive sphere “Time” which represents brand new type of the vocabulary organization in frameworks of macroconcept “Human life”.

Keywords: cognitive semantics, anthropocentric paradigm, macroconcept, functionally-cognitive sphere, concept “Time”.

Kosovtseva A. V. Discourse of the British Parliamentary Debates.

The author describes the activity of the British parliament, clarifies the purpose and structure of the British parliamentary debates, distinguishes among types of parliamentary speeches, and defines the discourse of parliamentary debates. The author concludes that there are some national peculiarities of the parliamentary discourse.

Keywords: British parliament, discourse of parliamentary debates, parliamentary genres, discussion, controversy, debate, dispute.

Latu M. N. Nominative Peculiarities of Terms, Verbalizing Tools and Instruments.

The article deals with the terms that express the objects of artificial nature, the result of the production process, such as instruments and tools, as opposed to the objects of natural environment and terms that express ab-

stract notions. Factors that impose influence on the process of term nomination, structure and semantics of the terms under study are analyzed.

Keywords: term, typology, notion, motivation, metaphor.

Linkova Y.I. Semantic Structure of Phraseological Units as Means of Expression of the Beginning of Possessive Relations in Russian and English.

The article deals with the subframe “the beginning of possession” in Russian and English. The analysis of phraseological units with negative characterization of subject is paid a great attention to.

Keywords: possessiveness, comparative linguistics, phraseological unit, frame, semantic structure.

Matusevich K.A., Ehlakova N.F. Concept “Love” in Songs of Leona Lewis.

This article is devoted to the analysis of concept “love” in songs of Leona Lewis. Being the main category of any language the analyzed concept cumulates all the historical information of a certain ethnos, but actualizing in concept field of a person it develops as an individual one. The most frequent examples of actualization of this concept are described in this article.

Keywords: concept, concept field, actualization, discourse.

Meheda M.I. Language Economy in English Substandard Word-Formation (on Material of Reduplication).

The article explores English reduplication as a word formation type in terms of its formative, phonological, semantic, stylistic and functional peculiarities, as an example of substandard word formation means from the point of language economy manifestation.

Keywords: substandard word formation, reduplication, language economy, iconicity.

Morozova N. G. Social Attitudes and Language of Politics: to the Question of Peculiarities of Political Discourse.

The article deals with the peculiarities of political discourse. The material for analysis are the articles of the newspaper “Kommersant”, published in February 2012 in the “Politics”.

Keywords: communication, political discourse, social attitudes.

Muhanalieva A. A. Normative Communicative Behaviour.

The article is devoted to the normative communicative behavior. Normative communicative behavior is the behavior, which is adopted in the linguocultural community. The article considers the standard communicative situations in the language community.

Keywords: communicative behaviour, norm.

Podberezskaya Y. A. Lexical Norms in Methods of Teaching of Russian Speech Culture to Foreign Students.

The article addresses the core problems at building the communication competencies of foreign student and justifies the language culture course as mean to build the required skills, the paper also proposes methodology of teaching those skills in the lexical norms study.

Keywords: language culture for foreign students course, lexical norms, communicative competence.

Shabasheva E. A. Peculiarities of Evaluation of Color Marks Black in Semantics of Phraseological Units in Russian and English.

The article focuses on the specific features of the semantic value of “black” - component in Russian and English color idioms. Semantic value analysis of color idioms containing “black” helps to conclude that general attitude towards this color in the axiological picture of the world is negative in both cultures.

Keywords: phraseology, axiology, semantic value, color terms.

Shemyakina A. V. Incantatory Performative Acts.

All imperative addresses to God were in the original performative as primitive society considered prayers and invocations to be real acts. Other etiquette speech patterns like “excuse me”, “please” being imperatives in form were performative in function and in context as they had social and etiquette value.

Keywords: speech-acts, performatives, hedged performatives, invoking performatives, pragmatics, discourse analysis, utterance, requests, apologies.

Surovtseva S.I. Preposition in Formation of Temporal Relations.

The following article touches upon the problems of researching the prepositions with the meaning of temporality in the comparative aspect based on the material of modern Russian and French languages.

Keywords: the preposition, temporal relations, temporality, the function of prepositions in expressing temporal relations.

Vasilyeva T. V. Academic Internship Program in Cross-cultural Communication (CCC AIP).

The internship course is specifically designed to enhance the learning experience through in-depth reflection and critical analysis of the work environment. This syllabus provides the reader with information about the goals and objectives of the CCC-internship, the grading policy and the tasks for the course. It also contains textbook information and the guidelines for writing the papers which are mandatory to receive academic credit for the internship (employer evaluation, final reflection paper, student evaluation, the reflective journal). We state various career fields (various activities) the student might want to explore as an intern for a professional organization while searching the ways to effectively relate cross-cultural communication academic learning to the internship experience. In accordance with competency-based education patterns, we identify a list of learning outcomes that communicate what we expect our students to have mastered as a result of the internship experience.

Keywords: cross-cultural communication, industrial practice.

Volkova Y. A. Emotions as Motivational Foundation of Destructive Communication.

In the article, the concept of destructive communication is defined, the constitutive characteristics of the situations of destructive communication are considered, the role of emotions as the major motives of destructive communication is described, the basic emotions constituting the motivational basis of destructive communication are singled out.

Keywords: destructiveness, aggression, destructive communication, a destructive communication situation, motivational basis of communication, emotion, emotional stimulus.

Zaharova E.A. Realization of Semantic-Derivational Potential of Lexemes “Blood”, “Bloody” in Poetry by Robert Rogdestvensky.

The article analyzes the techniques of realization of semantic potential of lexemes blood, blooded, shows the role of occasional (authorial) connotation in creation of artistic image and the role of new formations in the context of world view of poet.

Keywords: the blood, lexical meaning, semantic derivation, connotation, metaphor, metonymy, symbol, artistic image, occasional.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алекберова Инесса Эльдаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры ИЯ и зарубежного страноведения Российской международной академии туризма.

141420, Химки, мкн Сходня, ул. Октябрьская, 10.
in-molodec@mail.ru

Ананьина Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии Института лингвистики Российского государственного профессионально-педагогического университета.

620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
AnaninaMA@yandex.ru

Васильева Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, ответственная за организацию практик МКК ФИЯР МГУ.

119991, Москва, Ленинские горы.
vasleva@mail.ru

Волкова Яна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27.
yana.a.volkova@gmail.com

Деткова Валентина Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков, аспирант кафедры русского языка и литературы и методики преподавания русского языка и литературы Челябинского государственного педагогического университета.

454021, Челябинск, пр. Ленина, 76.
valentina_detkova@mail.ru

Елистратова Ксения Александровна – аспирант 2 года обучения кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Череповецкого государственного университета.

162605, Челябинск, Бр. кашириных, 129.
xenos88@mail.ru

Ехлакова Наталья Фёдоровна – преподаватель кафедры английского языка Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

644077, Омск, проспект Мира 55-а.
eknatalya@yandex.ru

Захарова Елена Алексеевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова.

428015, Чебоксары, Московский пр-т, д. 15.
E-lena26@yandex.ru

Колоколова Лидия Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и журналистики Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Биишевой.

450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
kollidia@rambler.ru

Косовцева Анна Викторовна – магистрант гр. ТПбм – 101 Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
anna_belle@inbox.ru

Лату Максим Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета.

357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9.
Laatuu@yandex.ru

Линькова Юлия Игоревна – ассистент кафедры английского языка Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
y.linkova@mail.ru

Матусевич Ксения Андреевна – студентка 2 курса факультета иностранных языков Омского государственного университета им.

Ф. М. Достоевского.

644077, Омск, проспект Мира 55-а
eknatalya@yandex.ru

Мехеда Марина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Иркутского государственного лингвистического университета.

664025, Иркутск, ул. Ленина, 8.
mmekheda@mail.ru

Морозова Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления.

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2.
ngm_2006@mail.ru

Муханалиева Алтынай Абиловна – ассистент Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
muhanalieva65@mail.ru

Подберезская Юлия Александровна – преподаватель кафедры славянских языков Минского государственного лингвистического университета.

220034, Минск, ул. Захарова, 21.
Podberezskaya11@mail.ru

Суровцева Светлана Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков Челябинского государственного педагогического университета.

454081, Челябинск, пр. Ленина, 76.
svetlana_shok@mail.ru

Фёдорова Ксения Леонидовна – аспирант филологического факультета Курганского государственного университета. Главный специалист аналитического отдела аппарата Курганской областной Думы.

640000, Курган, ул. Гоголя, 25.
_avril@list.ru

Шабашева Евгения Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Балтийский федерального университета имени Иммануила Канта.

Калининград, ул. Александра Невского, 14.
shabasheva2008@yandex.ru

Шемякина Алина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
alina_shem@rambler.ru

Kozeta Hyso – English Department in the University of Vlora.
Vlora, Albania.
kozetahyso1@gmail.com

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»
Вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций
Издательство «Энциклопедия»

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

В 2012 году каждый второй месяц, начиная с января, выходит очередная номер научного журнала «**Lingua-mobilis**», в структуру которого входят следующие разделы:

1. Язык художественной литературы
2. Языкознание
3. Язык средств массовой информации
4. Язык политики
5. Лингвистика и перевод
6. Методика преподавания языка и литературы

Материалы для публикации принимаются в электронном виде по адресу: 454084, г.Челябинск, пр.Победы 162-в, лаборатория межкультурных коммуникаций. Или e-mail: lingua-mobilis@rambler.ru Также просим указывать сведения об авторе: фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень и звание, адрес, телефон, e-mail. **К заявке необходимо прикладывать аннотации статьи на русском и английском языке (не более 500 знаков), а также ключевые слова.**

Оплату за публикацию (100 р. за страницу) необходимо присылать сразу после получения подтверждения о принятии Ваших материалов к публикации, там же будут указаны реквизиты для электронного перевода. Авторские экземпляры научного журнала «**Lingua-mobilis**» рассылаются бесплатно.

Требования к оформлению:

- Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 20 стр. (в формате RTF, Times New Roman, кегль 14, через 1,5 инт., поля - 2 см).
- Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32] или в виде концевых примечаний.
- Список литературы помещается после статьи под заголовком «Список литературы» и оформляется в соответствии с правилами библиографического описания.

ISSN 1998-1546.

С июня 2008 г. электронная версия журнала «**Lingua mobilis**» доступна в РИНЦ (на сайте www.elibrary.ru)

С уважением, редакция!